

ПОКА БЬЕТСЯ СЕРДЦЕ

18+

ЕВГЕНИЯ ВОЛКОВА

Евгения Волкова

Пока бьется сердце

«Автор»

2026

Волкова Е.

Пока бьется сердце / Е. Волкова — «Автор», 2026

Лале и брат-близнец сбежали с её свадьбы, оставив Хакана Узуноглу с позором. Семь лет тишины. Дочь, о которой он не знал. Теперь знает. И не простит. Их заставляют вернуться. Семья выставляет вон. Лале одна против безжалостного бывшего, который намерен забрать ребёнка. И тут появляется ОН. Волкан Кая. Главный враг Хакана. Влиятельный. Опасный. От одного его имени Хакан теряет покой. Волкан предлагает Лале брак. Не сделку с дьяволом. Союз. Он не подчиняет. Он заслоняет собой. «Я разорву любого, кто причинит тебе боль». Она думала, что спасается от огня. А оказалась в эпицентре чувства, которое страшнее мести. Волкан не отдает свое. Никогда.

© Волкова Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	40
Глава 7	47
Глава 8	55
Глава 9	67
Глава 10	73
Глава 11	77
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Евгения Волкова

Пока бьется сердце

Глава 1

*Посвящается тем, чья судьба была сурова.
Тем, кто пережил боль, предательство,
потери и долгие ночи, когда казалось,
что впереди нет ничего, кроме темноты.
Пусть свет всегда находит дорогу к вашему сердцу.
С любовью, Лале.*

Солнце взошло над горами тягуче, неспешно, словно раздумывая — стоит ли тревожить покой спящего Мидьята. Но вот первые лучи заскользили по каменным улочкам, заглянули во двор фамильного особняка, и сонный Мидьят наконец открыл свои очи. Это утро означало только одно — в семье Улусой день, как и всегда, начнётся со звона озана и закончится им же. Так было годами, так будет и сегодня.

Но Искандер-ага, он же отец и дед, просыпался ещё до рассвета, когда даже горы молчали. Он тяжело, по-стариковски поднимался с постели, но рука его была тверда, когда тянулась к прикроватному столику. Пальцы привычно находили деревянную рамку. С фотографии смотрел Мустафа — его младший сын. Тёмные глаза, упрямый подбородок. Ага подносил рамку к губам и целовал крепко, с каким-то щемящим сердце звуком. Затем он спускался во двор своего фамильного особняка, где вековые туи отбрасывали длинные тени, усаживался на старый кожаный диван, скрипнувший под его весом, и ждал, пока небо над головой озарится первыми робкими лучами.

С первым светом просыпалась Нурай — главная помощница дома Улусой, женщина с тихим голосом и быстрыми, всё замечающими глазами. Она неслышно ступала босыми ногами по прохладным каменным плитам и приносила господину поднос: крепкий турецкий кофе без сахара и стакан ледяной воды. Всё, как любит взрослый, настоящий мужчина. Аромат кардамона плыл по утреннему двору, смешиваясь с запахом влажной после ночи земли.

— Присядь, Нурай, — всякий раз говорил ага, и голос его звучал мягче, чем обычно. — Послушай со мной озан.

И они сидели вдвоём — уже взрослый, многое повидавший мужчина и ещё довольно молодая, но рано повзрослевшая женщина. Слушали утреннюю молитву, и каждый думал о своём, вспоминая былые дни. Нурай молчала, но её молчание было уютным, словно она знала: иногда слова только мешают.

Вскоре двор просыпался окончательно. Сначала доносился шорох шагов, затем приглушённые голоса, а после — звонкий детский смех, от которого сам воздух становился легче. Из своих комнат выходили дети этого дома.

Первым всегда появлялся Хазар — старший сын аги. Он выходил во двор так, будто на пороге не утренний сад, а зал совета директоров. Строгий костюм сидел на нём безупречно, чёрные волосы и аккуратно подстриженная борода были идеально уложены — казалось, он так и засыпает, при полном параде. Рядом, чуть отставая на полшага, шла его жена Церен. Высокая, статная красавица с большими, чуть испуганными глазами лани. Обоим уже за сорок, а детей у них так и не было. Но Церен не позволяла себе выглядеть хуже мужа — причёска собрана волосок к волоску, платье выглажено так, что ни единой складочки.

Затем выходила Эла — госпожа особняка, жена Искандера и мать его детей. Её волосы давно тронула проседь, лицо изрезали морщины — глубокие, словно русла пересохших рек. Но даже это ничуть не мешало ей выглядеть роскошно. Эла Улусой была красавицей всегда. В юности — ослепительной, в старости — величественной. Она несла свою красоту, как несут дорожную шаль, — небрежно и гордо.

А уже последними, сонно позёвывая, выходили младшие — дочка Эсин и её муж Омер, а с ними пятилетний мальчуган Мурат, цеплявшийся пухлой ручкой за подол матери. Эсин было всего девятнадцать, когда она забеременела, — совсем ещё девчонка с распахнутыми глазами. Омеру тогда стукнуло двадцать. Сыграли свадьбу, которая гремела на весь Мидьят три дня и три ночи. Город до сих пор помнил, сколько сладостей выставили Улусой на тех столах.

Начинались утренние хлопоты.

Нурай вместе со своими помощницами упорхнула накрывать на стол — только пятки засверкали. Хазар с Церен сели рядом с отцом, поправляя одежду. Эла опустила в кресло напротив мужа, а Омер с Эсин заняли места чуть поодаль. И только маленький Мурат, никого не спрашивая, тут же запрыгнул на колени к бабушке, вцепившись в его рубашку.

— Доброе утро, отец, — гордо сказал Хазар, поправляя галстук, будто тот мог послушаться и съехать набок.

— Доброе утро! — подхватили остальные, и голоса их слились в тёплый хор.

— Как тебе спалось, бабушка? — спросил внук, заглядывая снизу вверх своими чёрными, как маслины, глазами. — Я сегодня хорошо спал. Мне приснилась чёрная лошадка. Ты купишь мне лошадку?

Ага залился смехом — глубоким, грудным, от которого задрожала его седая борода. Он потрепал мальчугана по кудрявым чёрным волосам, пахнувшим мылом и солнцем.

— Я куплю для тебя всё, что захочешь, мой маленький ага. Хоть лошадку, хоть целый табун.

Нурай окликнула семью, и все потянулись к длинному столу, накрытому под навесом летней кухни. Одна из помощниц проворно задёрнула со всех сторон балдахин — тонкую сетку, чтобы назойливые мухи не налетели на мёд. Ведь сегодня с самого утра прибыла пахлава из самого Антепа! Её ореховый аромат перебивал все остальные запахи. А кроме неё, на завтрак подали всё, что любила семья Улусой: козий сыр с зеленью, отборные оливки, кавут, тягучую мыхламу, горы свежих овощей и, конечно, пироги с сыром — те самые, слоёные, рассыпчатые, которые Хазар уплетал с детства за обе щеки.

— Приятного аппетита, ага, — с нежностью произнесла Эла, и в её голосе послышалось что-то от молодой девушки, какой она была тридцать лет назад.

— Приятного аппетита! — ответил стол.

Искандер взял кусочек свежего хлеба, обмакнул его в янтарную мыхламу и протянул внуку. Мурат взял угощение своими маленькими ручками и сунул в рот. Щёчки тут же испачкались в золотистом масле, и мальчик зажмурился от удовольствия.

— Очень вкусно, бабушка, — проговорил он, с трудом выговаривая слова.

— Ешь, мой мальчик, — прошептала Эсин и ласково вытерла сыну рот салфеткой. Её взгляд светился такой материнской гордостью, будто мальчик совершил подвиг.

— Отец, — вдруг нарушил тишину Омер, — как дела в магазине? Поставили ли новый товар?

Семья Улусой владела целой сетью лавок с тканями — лучшими в Мидьяте. Шесть магазинов уже открыли, и совсем недавно, к великой радости Омера, ему разрешили войти в семейный бизнес. Отдали в распоряжение ту самую новую лавку, чтобы он мог заработать денег для своей маленькой семьи. Омер носил эту ответственность гордо, как новенький, ещё жмуций в плечах пиджак.

— Омер, — предостерёг Хазар, бросив на него колючий взгляд поверх чашки, — разве время обсуждать дела за завтраком?

— Пусть говорит, сын, — махнул рукой ага, и его ладонь, тяжёлая и узловатая, накрыла стол. — Мы ведь все сегодня будем заняты, не сможем обсудить потом.

Искандер поднял голову, посмотрел на Омера внимательно, затем перевёл взгляд на Эсин. Дочка тут же опустила глаза к тарелке, сделав вид, что её очень интересует узор на салфетке.

— Поставят товар сегодня в обед, — ответил вместо отца Хазар, которому всегда было неловко, когда Омер лез с вопросами напрямую к главе семьи. — Так что пора уже начинать активные продажи. Церен, — он повернулся к жене, и голос его смягчился, — не сделаешь папе кофе?

Церен вопросительно посмотрела на агу своими большими глазами, в которых мелькнула тень давней неуверенности. Затем неслышно упорхнула на кухню вместе с Нурай. К тихому ужасу жены старшего сына, она так и не научилась варить кофе, который любил отец её мужа. Сколько ни старалась — получалось не то, вечно чуть горчило или не хватало густоты. Поэтому Нурай всегда варила сама, быстрыми, отточенными движениями ставила на поднос джезvu с кофе и стакан воды, а затем, улыбнувшись одними глазами, передавала поднос в руки Церен. Так было легче обоим.

Пока за столом продолжались разговоры о работе и планах, маленький Мурат тихонько слез со своего стула. Он протиснулся под стол, прошёл под скатертью, словно через таинственный туннель, и на цыпочках выбрался за балдахин в сад. Ему так отчаянно хотелось поиграть с любимой красной машинкой, что ожидание конца взрослого завтрака казалось малышу настоящей мукой. Мальчик открыл ящик с игрушками, стоявший под старой, раскидистой туей, достал машинку и принялся возить её по тёплым плитам двора, тихо гудя себе под нос.

— А где Мурат? — внезапно спросил Омер, оглядываясь по сторонам.

Эсин вскочила так резко, что едва не опрокинула стул. Её глаза округлились, стали похожи на два тёмных блюда. Она нырнула под стол, а затем стрелой вылетела во двор.

— Сыночек в порядке! — донёсся через мгновение её облегчённый голос, и улыбки, точно солнечные зайчики, накрыли лица всей семьи.

Когда завтрак был окончен, все вернулись во двор и заняли свои привычные места: диван, кресла, скамью под туей. Солнце уже поднялось выше, и камни начали нагреваться.

— Эла, — Искандер повернулся к жене, и голос его зазвучал строже, — ты уже позвонила учителю? Мальчишке пора начинать подготовку к школе. Хватит ему машинки по двору гонять.

— Да, ага, — ответила Эла, поправляя седую прядь, выбившуюся из-под платка. — Учитель приедет уже сегодня. Я договорилась на десять утра.

В этот момент раздался громкий, требовательный стук в дверь. Нурай, вытиравшая руки о передник, тут же ринулась открывать — калитка была тяжёлой, кованой, и стук по ней звучал гулко, словно барабан.

— А вот и учитель пришёл, — удовлетворённо сказала Эла, и по её лицу скользнула улыбка.

Пока Нурай подходила к двери, вся семья невольно подобралась, поправила одежды. Хазар машинально одёрнул пиджак, Церен коснулась волос, даже Омер выпрямился в кресле. Встретить учителя полагалось в лучшем виде.

Тяжёлая дверь со скрипом распахнулась.

На пороге стоял не учитель.

На пороге стояли двое: молодой мужчина и молодая женщина. Он — высокий, с тёмными, чуть вьющимися волосами и тем самым упрямым подбородком, который Искандер-ага каждое утро целовал на фотографии. Она — стройная, бледная, с лихорадочным румянцем на

щеках и чёрными глазами, в которых плескалась смесь страха и решимости. А через несколько секунд из-за их спин, уцепившись за руку женщины, выбежала крошечная девочка с чёрными, как смоль, кудряшками. Она уставилась на незнакомых людей во дворе с детским любопытством, ничуть не испуганная.

Искандер не мог проронить ни слова. Воздух словно застрял в его груди. Эла схватилась за сердце, и лицо её в один миг побелело, стало цвета рассветного тумана. Хазар прижал руку ко рту так сильно, что побелели костяшки, — он боялся, что закричит.

Появление этих двоих молодых людей не вызвало в семье Улусой тёплых чувств. Двор замер, словно накрытый стеклянным колпаком, и даже птицы, казалось, стихли в ветвях туи.

Потому что на пороге стояли Мустафа и Лале. Брат и сестра. Близнецы. Дети этого дома, которые однажды, семь лет назад, просто исчезли — сбежали, не сказав ни слова, оставив лишь недоумение и боль. И вот теперь они почему-то решили вернуться обратно.

Искандер поднялся с дивана тяжело, всем телом, опираясь дрожащей рукой на подлокотник. Дерево под пальцами скрипнуло жалобно, словно разделяя боль хозяина. Ему было тяжело стоять после увиденного — сердце защемило с такой силой, что воздух застрял где-то в груди, превратился в острый комок из боли и воспоминаний о тоске, что грызла его все эти семь лет. На пороге его дома появились дети, которых он любил больше всех. Младшие, близняшки, самые ласковые, самые нежные. Такими он их помнил: они бежали к нему босиком по утреннему двору, тянули ручонки, смеялись. Но сейчас всё было иначе. Эти дети предали его, а теперь вернулись, стоят с уверенностью в глазах и ждут приговора, как ждут удара, который неизбежен.

— Нурай! — пророкотал ага, и голос его прокатился по двору, как гром. — Закрой дверь!

Нурай посмотрела испуганными глазами на хозяина, затем перевела взгляд на Мустафу и Лале. В её груди что-то дрогнуло, заныло. Она тоже помнила их ещё детьми — помнила, как Лале заплетала ей косы, как Мустафа таскал с кухни сладости. Когда они покинули отчий дом, никому ничего не сказав и сбежав, словно воры в ночи, им было восемнадцать лет. Совсем ещё дети. Сейчас же обоим было по двадцать пять, и время оставило на их лицах свой след: в глазах появилась глубина, которой не было раньше, а в уголках губ затаилась горечь. А потом взгляд Нурай упал на маленькую девочку, которая удивлённо хлопала длинными ресницами, и весь мир вокруг замер. Нурай узнала в ней Лале — такие же густые, непокорные волосы, чёрные брови вразлёт, розовое платице, розовые бантики. Точная копия. И тогда Нурай заплакала, тихо, беззвучно, опустилась на колени прямо на каменные плиты и заглянула в глаза девочке.

— Как тебя зовут, цветочек? — прошептала она, и голос её дрогнул.

— Ирем, — ответила девочка звонко, без тени страха.

Тогда Нурай подняла заплаканные глаза на Лале и задала немой вопрос — тот самый, который жёг ей губы. Лале кивнула. Просто кивнула, но в этом движении было столько всего: и признание, и мольба, и страх. Это была её дочь.

— А сколько тебе лет, Ирем? — продолжила Нурай, смаргивая слёзы.

Девочка, не задумываясь, показала пальчиками — семь. Семь лет. Ровно столько, сколько Лале не было в этом доме.

— Нурай, тебе лучше не стоять тут с нами. Отец разозлится.

Это был голос Мустафы. Голос, который никто в этом доме не слышал семь долгих лет. Он прозвучал глухо, но твёрдо, и от звука его в сердце Нурай что-то надломилось. Но не только в её сердце. Этот голос вызвал острую, щемящую тоску в груди матери, что стояла у дивана, уцепившись в спинку. В груди брата, что застыл каменным изваянием. В груди сестры, чьи глаза наполнились слезами.

Эла не выдержала. По её морщинистой щеке прошлась одинокая слеза, но она быстро смахнула её — резко, почти сердито. Не гоже было ей, госпоже этого дома, плакать перед всей

семьей, показывать слабость. А вот Эсин не могла сдержаться. Мустафа и Лале были ей ближе всех — ближе, чем Хазар, который всегда казался взрослым и суровым, ближе, чем кто-либо. И, не выдержав, Эсин вскочила с места и бросилась к близнецам, едва не споткнувшись о край ковра.

— Эсин! — взревел ага, но его голос разбился о решимость дочери.

Эсин не слышала. Не хотела слышать. Увидев перед собой брата и сестру спустя столько лет, она больше не повторит ошибок. Больше не отвернется от них, как семь лет назад, когда страх перед отцом сковал её по рукам и ногам. Эсин бросилась в объятия брата — крепкого, тёплого, родного, — затем припала к сестре, целовала её мокрые щёки и плакала, плакала навзрыд.

— Простите меня, — шептала она сквозь слёзы. — Простите...

— Эсин, — Лале коснулась её лица дрожащей ладонью, и голос её прозвучал так нежно, как звучат только голоса сестёр, — успокойся, родная. Мы здесь. Мы вернулись.

— Что здесь вообще происходит? — раздался резкий, как удар хлыста, голос Хазара. Он наконец вышел из оцепенения, но лицо его было бледным, а в глазах плескалась буря. — Мустафа, зачем вы вернулись? Что это за ребёнок с вами?

Мустафа сделал шаг вперёд, но вдруг за его руку крепко, отчаянно схватила маленькая Ирем. Её крошечные пальчики вцепились в его ладонь с такой силой, на какую способны только испуганные дети. Мустафа посмотрел в её глаза — чёрные, бездонные, точь-в-точь как у Лале — и этот взгляд придал ему решимости. Сталь появилась в его позвоночнике. Он будет бороться до последнего ради этой девочки, даже если весь мир встанет против.

— Я вернулся в отчий дом, брат, — произнёс он, и каждое слово падало тяжело, как камень. — Вернулся ради сестры и этой маленькой девочки. Чтобы защитить их.

— От кого ты собрался защищать их, Мустафа? — Искандер сделал шаг вперёд, и плиты под его ногами, казалось, вздрогнули. — Ты пришёл в мой дом после того, как сбежал, словно трус?

— Отец, — Мустафа тяжело вздохнул, и в этом вздохе было всё: семь лет скитаний, бессонные ночи, страх за сестру, — выслушай нас с сестрой. Просто выслушай.

Но отец не позволил сыну продолжить. Его тяжёлая, мозолистая рука взметнулась в воздух и со звоном ударила Мустафу по щеке. Звук пощёчины хлестнул по двору, как выстрел. Мустафа пошатнулся, едва не рухнув на каменные плиты, но устоял. Только голова дёрнулась в сторону, и на скуле мгновенно заалел след.

— Искандер! — закричала Эла, и голос её сорвался на визг. — Не трогай детей! Ради всего святого, не трогай их!

— Твой сын заслужил! — рявкнул ей муж, не оборачиваясь. Его грудь тяжело вздымалась. — Он смеет заявляться в мой дом и твердить мне условия! После всего, что они сделали!

— Это не только твой дом! — вдруг вступилась Эсин, и её голос зазвенел, как натянутая струна. Она держала на руках маленькую Ирем, прижимая девочку к груди. — Это дом каждого из нас! В этом доме всегда протягивали руку помощи каждому, кто просит! И раз Мустафа и Лале вернулись, ты должен их выслушать! Ты! Должен!

Искандер-ага не ожидал такого. Он медленно повернулся к дочери, и в его глазах мелькнуло что-то странное — то, чего он прежде никогда не испытывал. Чувство стыда. Жгучее, противное чувство собственного бессилия от того, что его отчитала собственная дочь. И ведь ага понял — в глубине души, там, где ещё теплилась отцовская любовь, — что она права. Абсолютно права.

— Хорошо, — глухо сказал он, и голос его прозвучал надтреснуто. — В мой кабинет.

Он не смог обратиться к сыну, не смог произнести его имя, как бы ни хотел. Слова застряли в горле, острые, как осколки стекла. Но Мустафа понял. Он молча кивнул и двинулся

следом. Двое — отец и сын — поднялись по лестнице на второй этаж и скрылись за тяжёлой дубовой дверью. Захлопнулась она с глухим, похоронным стуком.

А Лале в это время стояла посреди двора, обхватив себя руками за плечи, словно пытаясь удержать себя в этом мире. Рядом с ней стояла Эсин, а маленький Мурат жался к ногам женщин, испуганно поглядывая то на одну, то на другую. Малышка Ирем плакала на руках у тёти, уткнувшись мокрым личиком в её плечо.

— Что ты плачешь, дорогая? — тихо спросила Церен, подходя ближе. Она присела, чтобы оказаться с девочкой на одном уровне. — Кто тебя обидел?

— А вы кто? — всхлипнула Ирем, размазывая слёзы по щекам.

— Меня зовут Церен. Я жена твоего... — она запнулась, — я тоже твоя тётя.

— Вы тоже моя тётя? Как тётя Эсин?

У Церен ком встал в горле. Такой тугой, горячий ком, что она не могла ни вдохнуть, ни выдохнуть. Она, конечно, сразу предположила, что перед ней дочка Лале, но услышать это вот так, от самой девочки, оказалось невыносимо. Сердце защемило остро, до слёз. У неё, у Церен, никогда не было своих детей, и сейчас эта кроха смотрела на неё с таким доверием, что внутри всё переворачивалось.

— Лале! — вдруг резко крикнула Эла, и её голос разрезал тишину двора. — Что тут происходит? Кто этот ребёнок? Зачем вы вернулись? Отвечай мне немедленно!

Эсин быстро, по-деловому передала Ирем на руки Церен и отправила их вместе с Муратом на кухню. Девочка потянулась было к матери, но Церен что-то зашептала ей на ухо, и малышка послушно уткнулась в её плечо. Эсин осталась во дворе. Она бы и сама ушла, но кто защитит сестру, если не она? Хазар, который до сих пор стоял столбом и не мог проронить ни слова? Нет уж. Больше она не отступится.

— Мама, — всхлипнула Лале, и голос её предательски дрогнул, — прошу, помоги мне. Помогите нам.

Глаза Элы выражали такую глубокую печаль, такую бездонную материнскую боль, но никто этого не заметил. Она хорошо скрывала всё под маской злости и неприимания, под этим холодным панцирем, который растила в себе семь лет. Но внутри, там, где бьётся сердце матери, всё горело.

— Сядь, — коротко бросила она.

Лале послушно подошла, опустилась на край дивана, подальше от старшего брата и матери. В тишине расселись все. Эсин села рядом с сестрой, крепко взяла её за руку — холодную, дрожащую.

— Рассказывай, Лале, — велела Эла, и её голос звучал жёстко, но в самой глубине его дрожала едва уловимая трещина. — Рассказывай всё, пока твой отец не вернулся и не выгнал тебя. Говори как есть.

У Лале дрожали губы, дрожали руки. Она едва могла проронить и слово, но приходилось. Если она не расскажет — никто не поможет. А помочь сейчас было нужно не ей — её дочери.

— Семь лет назад, когда мы с Мустафой сбежали, мы сделали это не просто потому, что хотели другой жизни, — она тяжело вздохнула, собираясь с силами. — Я бежала от Хакана. А Мустафа бежал, чтобы защитить меня.

И тогда все вокруг, словно по команде, вспомнили тот день — день, когда произошла эта ужасная, непоправимая беда в семье Улусой. День свадьбы Хакана и Лале. День, когда всё раскололось надвое, и трещина прошла по самому сердцу семьи.

Лале была влюблена в Хакана Узуноглу до беспамятства, до дрожи в коленях, до бабочек в животе. Они познакомились, когда семья Узуноглу явилась в этот самый дом — свататься. Лале тогда выглянула из-за двери, увидела высокого, статного мужчину с тёплой улыбкой, и всё — сердце ухнуло в пятки. Они встречались украдкой: иногда на шумном базаре, иногда когда Лале проходила мимо офиса Хакана, иногда просто на узких улочках Мидьята, где пахло

специями и цветущим жасмином. Хакану тогда было двадцать шесть — он был красив, статен, богат и, как казалось Лале, добр душой. Так ей казалось. Казалось ровно до дня их свадьбы.

За несколько минут до того, как имам должен был провести их никях, Лале, сияющая в белом платье, случайно увидела то, что видеть не должна была. Она искала отца, чтобы тот отвёл её к жениху, и распахнула дверь в подсобку. А там... Там был Хакан. Его губы ласкали шею какой-то женщины — прижимал её к стене, шептал что-то на ухо. Лале застыла. Мир рухнул в одну секунду. Она не закричала — просто развернулась и пошла прочь, и с каждым шагом сердце разбивалось на тысячи осколков. Она нашла Мустафу, схватила его за руку, и вместе они сбежали. Прямо из-под венца, никому ничего не объяснив.

— Хакан был моей первой любовью, мама, — сказала Лале, и в её голосе прозвучала такая горечь, что даже Хазар отвёл глаза. — Я так любила его, так верила ему. А потом... я узнала, что беременна. Я знала, что вы отречетесь от меня. Я стала бы вашим позором. Родить ребёнка, не будучи в браке... — она замолчала, перевела дух. — Я так боялась, что отец заставит меня выйти за Хакана, или за какого-нибудь другого... Я не могла. Лучше было сбежать.

— Так это твоя дочь? — вдруг вскрикнул Хазар, и его голос грянул так, что чашки на столе задрожали. — Твой ребёнок от Хакана Узуноглу?

Как бы Лале ни было сейчас страшно, как бы ни тряслись её руки, она кивнула. Хазар схватился за голову обеими руками, едва не вырывая на себе волосы. Так ему было легче — причинять боль себе, чтобы не причинить её сестре. Чтобы не сорваться, не накричать.

— Почему ты вернулась? — спросила Эла, и вопрос этот прозвучал почти спокойно, почти холодно. — Зачем всё ворошить спустя столько лет?

— Хакан узнал, что у него есть дочь, — твёрдо, чеканя каждое слово, отрезала Лале. — И он угрожал мне, что заберёт её. Вы ведь знаете, что теперь Хакан владеет половиной шёлкового рынка во всей Турции. В его руках власть, деньги, связи и... вся та злоба, что таилась в нём эти семь лет.

— Как он узнал, Лале? — подала голос Эла, и бровь её дёрнулась. — Где вы с Мустафой были все эти годы?

— Мы жили в Стамбуле, мама. Втроём, в маленькой квартирке на окраине. Мустафа работал день и ночь, не покладая рук, а я воспитывала Ирем. Мы жили тихо, прятались. Но однажды я вышла с дочкой в магазин — просто за хлебом и молоком — и увидела его. Хакан стоял прямо передо мной, а рядом была его беременная жена. Он посмотрел на меня... и на Ирем. Увидел. Не смог тогда ничего сказать при жене, но, видимо, всё понял. А через неделю выяснил, где мы живём, и прислал письмо. С угрозами. — Лале замолчала, перевела дыхание. — Тогда мы с Мустафой решили, что только отец сможет защитить нашу Ирем. Только он.

Лале с тоской посмотрела в сторону кухни, где сейчас была её маленькая дочь. Там, за дверью, слышался приглушённый смех Мурата — он, кажется, пытался развеселить сестрёнку. Эла посмотрела на Лале. Сердце матери разрывалось все эти семь лет — каждый день, каждый час, каждую минуту. И сейчас вдруг оно забилось ровно. Забилось с такой силой, с какой может биться только сердце матери, желающей защитить своё дитя. Она выпрямилась, и морщины на её лице стали глубже, но в глазах зажёгся огонь.

Внутри кабинета, где воздух был густым и спёртым, пахло табаком и сухой мятой — той самой, что пучками висела под потолком. Густые шторы были задёрнуты, и только узкая полоска света пробивалась сквозь щель, рассекая полумрак надвое. Отец и сын сидели друг напротив друга. Оба смотрели в пол, на старый, вытертый до блеска ковёр, и пытались подобрать слова. Но слова, как назло, застревали где-то глубоко внутри, перемешиваясь с обидой, болью и любовью.

У Мустафы до сих пор горела щека — кожа пульсировала, напоминая об отцовской пощечине. Но сильнее горело сердце. Увидеть отца после стольких лет разлуки, встретить не объ-

тия, а удар, и всё равно почувствовать внутри эту проклятую, неистребимую любовь — в этом весь Мустафа. Ради сестры он сжёг себя дотла, отрёкся от семьи, от дома, от своего имени. Он всегда был тем, кто любит, кто защищает, даже если для этого нужно разорвать собственную душу в клочья. Он любил каждого члена своей семьи — от сурового отца до маленького Мурата, которого никогда не видел, — и за каждого был готов перевернуть весь мир, даже если этот мир рухнет на него самого.

— Отец, — начал он, и голос его прозвучал хрипло, надтреснуто, словно он не говорил, а выталкивал слова из груди. — Я ушёл, но не переставал помнить отчий дом. Каждый день, каждую ночь... Я всегда помнил каждого из вас.

— Ты ушёл, не сказав ни слова, — глухо ответил отец, и каждое его слово падало, как приговор. — Ты бросил свою семью, сын. Бросил меня.

— Я защищал Лале, — Мустафа поднял глаза, и в них плескалась такая мука, что Искандер невольно отвёл взгляд. — Защищал свою семью, её честь. Разве это не то, чему ты учил нас с детства?

— А сейчас? — отец повысил голос, и в нём зазвенела сталь. — Сейчас, вот так приехав, без предупреждения, как воры в ночи, — что будет с нашей честью? Как я должен смотреть в глаза людям? Что я скажу соседям, партнёрам, всему Мидьяту?

Мустафа сжал руки в кулаки так сильно, что ногти впились в ладони, оставляя белые полумесяцы. Он был готов избить себя в тот же миг, как отец упомянул свою честь. Потому что честь отца была для него священна, и осознавать, что именно они с сестрой стали причиной её крушения, было невыносимо. Но правда — горькая, неудобная правда — была важнее.

— У нас не было выбора, — выдохнул он. — Я должен был защитить Лале и Ирем. Понимаешь? У нас просто не было другого пути.

— Кто этот ребёнок? — спросил Искандер, хотя уже знал ответ. Знал с той самой минуты, как увидел чёрные кудряшки на пороге своего дома.

— Твоя внучка, — Мустафа произнёс это тихо, но твёрдо. — Дочь Лале. Она носит твою фамилию, отец. Такую же, как мы.

Глаза Искандера намокли. Он не хотел этого показывать, но слёзы предательски заблестели в полумраке кабинета. Внучка. Его внучка. Маленькая девочка с чёрными, как смоль, кудрями, напоминающая ему Лале — ту самую Лале, которую он когда-то качал на руках, которая засыпала у него на груди, доверчиво прижавшись щекой. Точная копия его маленькой нежной дочери, которую он всегда любил какой-то особенной, щемящей отцовской любовью.

— От кого? — спросил ага, и в его глазах мелькнул страх. Он боялся услышать ответ, хотя уже догадывался.

— Хакан, — просто ответил Мустафа, и имя это прозвучало в тишине кабинета, как выстрел. — Хакан Узуноглу.

— Как это возможно? — взревел отец, и его голос ударился о стены, заметался в замкнутом пространстве. — Вы ведь сбежали в день свадьбы! В самый день никяха!

— Лале совершила ошибку, отец, — Мустафа говорил медленно, с расстановкой, словно каждое слово давалось ему ценой невероятных усилий. — Она доверилась Хакану. Полюбила его. А потом, в день их свадьбы, за несколько минут до церемонии, увидела его с другой женщиной. Своими глазами. А через несколько недель узнала, что беременна. — Он замолчал, переводя дыхание. — Мы не могли вернуться. Не могли прийти к тебе с таким позором. Лале боялась, что ты выдашь её замуж за первого встречного, лишь бы скрыть этот позор, лишь бы сохранить лицо.

Искандер медленно, словно во сне, достал из железной коробки сигару. Пальцы его дрожали. Чиркнул спичкой, поднёс огонь, затянулся. Горький дым заполнил лёгкие, но не смог заглушить той боли, что разрывала грудь. Слёзы текли по щекам пожилого мужчины — две

мокрые дорожки, прокладывающие путь через глубокие морщины. Он закашлялся, пытаясь скрыть, что плачет вовсе не от едкого табака. Он плакал от боли за своих детей. За своих глупых, храбрых детей, которым пришлось пережить столько лет в одиночку, без поддержки, без дома. А ведь он сразу от них отрёкся — даже не спросил, что случилось. Даже не дал им шанса объяснить. А Мустафа ведь звонил потом, много раз, умолял простить их и принять обратно. Но Искандер-ага не слушал. Швырял трубку, сжигал мосты.

— Хакан встретил Лале с Ирем в Стамбуле, — продолжил Мустафа, и голос его дрогнул. — Увидел девочку и сразу всё понял. Он сейчас женат, ждёт ребёнка. Но он хочет отобрать у нас Ирем. — Мустафа подался вперёд, и в его глазах заплескалось отчаяние. — Прошу тебя, не позволяй ему, папа. Мы с Лале готовы уйти, если ты нас не простишь. Хоть завтра, хоть сегодня. Но защити нашу девочку. Нашу маленькую Ирем с глазами моей сестры.

Искандер затушил сигару — резко, яростно, вдавив её в пепельницу. Обхватил лицо обеими руками, сгорбился. Ему было тяжело дышать, воздух застревал в груди, сердце щемило от боли — тупой, ноющей, неотпускающей. От него ждали помощи, ждали силы, ждали чуда. Но ведь он всего лишь человек. Старый, уставший человек, который тоже может бояться, который не всегда знает, как правильно поступить. Который совершал ошибки и, возможно, совершит ещё. Но он должен быть сильным. Ради своих детей. Ради внуков. Ведь теперь в его сердце был не только маленький Мурат, не только его звонкий смех и кудрявые волосы. Теперь в нём поселилась Ирем — крошечная девочка с чёрными кудряшками и розовыми бантиками, его плоть и кровь, его продолжение. И он не мог, не имел права предать её так же, как когда-то предал её мать.

Глава 2

День, который обещал быть плодотворным для всех членов семьи Улусой, остановился. Замер, словно часы, в которых кончился завод. Никто не займётся тем, чем должен был. Жизнь, расписанная по минутам, дала трещину и разбилась о неожиданное возвращение блудных детей.

Хазар не поедет в офис. Не сядет в своё кожаное кресло, не разложит на столе папки с документацией, не проверит заказы на поставки. Не зайдёт в кебабную дядюшки Умута на обед — ту самую, где всегда пахнет дымком и свежей лепёшкой, где его знают по имени и несут двойную порцию айрана без лишних вопросов. Не выйдет потом на веранду своего офиса, не опустится в плетёное кресло с чашкой кофе, не заведёт долгий, неторопливый разговор со своим другом Кемалем. Не расскажет ему о сыне — о том, как Мурат вчера разбил вазу и как смешно пытался спрятать осколки за диваном. Не похвастается красавицей женой, которую он, несмотря ни на что, всё ещё очень любит.

Церен, которая всегда придерживалась твёрдых принципов — женщина должна не только хранить очаг, но и работать, не сидеть сложа руки, — сегодня тоже останется дома. Она не поедет в семейный магазин, где обычно помогает управляющему Хусейну — спокойному, немногословному мужчине, который всегда встречает её чашкой чая и отчётом о продажах. Она не проведёт день в благословенной тишине, не выйдет в сад, где ещё прошлым летом своими руками посадила кусты азалии, и не вдохнёт их сладкий, обволакивающий аромат, от которого на душе становится чуть легче. Она не выпьет турецкого сладкого чаю с подругой и помощницей Мерьем, не обсудит с ней, как тяжела подготовка детей к школе и как дорожают тетради. А главное — не сможет поделиться с Мерьем тем, что гложет её уже много месяцев. Тем, что она замечает всё чаще, хоть и гонит от себя эти мысли: костюмы её мужа пропитались запахом женских духов, какими она сама никогда не пользуется. Её собственные духи пахли свежестью — морской бриз, лёгкий цитрус, едва уловимый шлейф. А духи той женщины, с которой ей изменяет Хазар, пахнут сладко. Приторно, густо, липко. Так же сладко, как и его ложь, которую он нашёптывает ей по вечерам.

Омер тоже не выйдет сегодня на работу. Не наденет свой строгий пиджак, не поправит перед зеркалом воротничок. Не сможет, как обычно, выстроить работников магазина в ряд и раздать указания на день — чётко, по-военному, как он любил, чтобы всё было под контролем.

Эсин тоже не выйдет из дома. Возьмёт выходной, первый за долгое время. Она не появится сегодня в университете — в том самом, куда поступила, когда Мурату исполнилось три. Тогда мать с отцом, к её удивлению, позволили ей пойти на учёбу. Сами сидели с внуком, сами укладывали его спать и кормили с ложечки, а дочери дали возможность обрести хоть какую-то самостоятельность, глотнуть воздуха за пределами особняка. Эсин поступила в педагогический, потому что любит детей той особенной, тихой любовью, которая не кричит, а проявляется в мелочах. Ей нравится слышать их смех — залихватский, искренний, нравится слушать их бесконечные рассказы и играть с ними, забывая о времени.

Искандер-ага, к собственному удивлению, сегодня тоже никуда не пойдёт. Останется дома, вопреки многолетней привычке. Не проедет по Мидьяту на своём стареньком, но ухоженном автомобиле, не заглянет в каждый свой магазин — а их у него шесть, и он знает каждый закоулок, каждую полку. Он любил так делать как раз по понедельникам, какой и был сегодняшний день. Заходил неторопливо, расспрашивал работников: не нужна ли им помощь, в достатке ли они, работает ли реклама, которую придумал распространять Хазар. Он знал всех по именам, помнил, у кого дочь вышла замуж, а у кого сын пошёл в армию. А потом Искандер приехал бы в офис и, возможно, снова увидел бы то, что видел уже не раз: как Хазар сидит в своём кабинете за прозрачными стенами, а на его коленях сидит секретарша — молодая,

с ярко накрашенными губами — и ласкает его ухо своим дыханием. Аге было противно. До омерзения. Он осуждал сына глубоко, но молчал. Молчал ради Церен, которая и так всё знала, хоть и не подавала виду. Знала — и винила себя. Винила за то, что не смогла подарить Хазару ребёнка, живого и здорового, который остался бы с ними. И как бы она ни старалась дать ему любовь, нежность, заботу — того было мало. Всегда было мало.

Что говорить об Эле — её жизнь сегодня изменилась немного в другом смысле. Она и прежде редко выходила из дома. Но раньше она никогда не чувствовала в этих стенах ничего подобного. Ещё никогда эти стены не давили на неё с такой силой, как сегодня. Они словно сжимались, сужались, дышали в затылок.

Пока они сидели в саду и пили кофе после рассказа Лале, Эла не могла перестать смотреть на дочь, уводящую глаза в сторону, будто боящуюся встретиться взглядом с матерью. В её материнском сердце вдруг вспыхнул огонь — горячий, яростный, долго спавший где-то глубоко. И если бы они вдруг остались одни на этой земле — только мать и дочь, — Эла обязательно бы обняла Лале, прижала к груди, вдохнула бы запах её кожи и волос. Такой родной, такой знакомый, почти забытый за семь лет. Она бы призналась, как сильно скучала, как плакала по ночам в подушку, как много неотправленных писем лежит в её комод — пожелтевших, перевязанных лентой, исписанных дрожащим почерком. Но когда вдруг раздался звонкий голос маленькой Ирем, госпоже этого дома пришлось прийти в себя, надеть маску, выпрямить спину.

— Мамочка!

Лале оставила чашку на столике, обернулась — и тут же на её заплаканном, измученном лице расцвела улыбка. Такая светлая, такая нежная, что на мгновение она снова стала похожа на прежнюю Лале. Девочка подбежала босиком по тёплым плитам, запрыгнула к маме на колени, обхватила её шею пухлыми ручками. И даже на лице Хазара — вечно суровом, замкнутом — появился след от улыбки, лёгкий, как тень облака.

— Тётя Церен сказала, что Мурат мой брат. Это правда? — недоверчиво спросила девочка, склонив голову набок.

— Правда, милая, — ответила Лале, и голос её потеплел. — Мурат твой младший брат. Сын тёти Эсин и твоего дяди Омера, — она указала кивком на брата, который стоял чуть поодаль.

Взгляд, которым посмотрела маленькая Ирем на дядю, вдруг что-то разрушил внутри его души. Словно цепи, сковывавшие его много лет — тяжёлые, ржавые, вросшие в самое сердце, — вдруг лопнули и осыпались. Хазар медленно, словно боясь спугнуть, присел на корточки перед сестрой и племянницей, взял её крошечные ручки в свои большие ладони и поцеловал — сначала одну, потом другую.

— Ирем, я твой дядя Хазар, — произнёс он, и голос его дрогнул. — Мама когда-нибудь говорила тебе обо мне?

— Мама говорила, что ты очень меня любишь, — застенчиво ответила девочка, пряча глаза. — Она показывала мне твою фотографию. Только у тебя там бороды не было.

Хазар звонко, от души рассмеялся — так, как не смеялся уже много лет. Он взглянул сначала на Лале, и в этом взгляде была благодарность, затем поднял глаза на Церен. И вдруг почувствовал вину. Острую, обжигающую, незнакомую прежде. То, что раньше не заботило его и не гложило. Он так сильно ушёл в себя после того, как они с женой потеряли первенца — крошечного мальчика, который так и не сделал первый вдох, — что совсем забыл, как плохо было Церен. А она всегда держала лицо. Всегда улыбалась гостям, всегда была безупречна. Всегда скрывала свою боль глубоко внутри, чтобы он не видел и не расстраивался. Хазар глушил свою боль в мимолётных интрижках, в случайных объятиях, и даже не думал, как он неправ. И почему-то, увидев глаза этого маленького ангела по имени Ирем — чистые, доверчивые, — он всё понял. Словно пелена спала с его глаз, та самая, что застилала взор годами. Хазар поце-

ловал племянницу в лоб — нежно, едва касаясь губами, — затем подошёл к жене и обнял её. Крепко, по-настоящему. Так, что Церен вздрогнула от неожиданности и замерла в его руках.

— Лале, — сказал Хазар, не выпуская жену из объятий, — даже если отец не примет вас, я сниму вам дом. Хороший дом, достойный. Слышишь?

Церен сжала руку мужа, и в этом жесте читался немой вопрос: «Что с тобой произошло? Что изменилось?»

— Хазар, — спокойно сказала Эла, и голос её прозвучал ровно, по-матерински, — ваш отец милосерден. Он, даже если не простит, всё равно примет их. Лале и Мустафа всегда занимали особое положение в его сердце. Уж не обижайтесь.

Хазар понимающе кивнул. В его собственном сердце эти близнецы тоже занимали особое место. Так, как он любил Лале, её любил только отец — глубоко, безоглядно, несмотря ни на что.

— Ты права, мама, — ответил мужчина, и в голосе его прозвучало смирение. — Как всегда права.

— Лале, вы ведь с дороги, — тихо сказала Нурай, всё это время стоявшая в стороне и молча наблюдавшая за сценой. — Пойдём, я покормлю вас, — она перевела взгляд на Элу, почтительно, но без страха. — Если госпожа не против.

Эла кивнула — коротко, сдержанно, — и Нурай повела Лале с Ирем на кухню. И тогда Эла, Хазар и Церен смогли ненадолго выдохнуть. Но тишина была обманчивой: они всё ещё слышали голоса отца и сына, доносящиеся из кабинета на втором этаже. Глухие, напряжённые, они пробивались сквозь стены, и от незнания, чем закончится этот разговор, все трое переживали так, будто решалась судьба всего мира.

— Мама, — тихо произнесла Церен, и голос её дрогнул, — отец разрешит им остаться?

— Не знаю, дочка, — ответила Эла невестке, и в её голосе была усталость. — Сейчас я вообще ничего не знаю. Мой мир пошатнулся этим утром. Всё, что казалось прочным, вдруг стало зыбким.

— Я больше не вижу в глазах Лале радости, — сказал Хазар задумчиво, глядя куда-то в сторону кухни. — Она ведь была нашим огоньком, помнишь? Всегда смеялась, всегда что-то придумывала. А теперь Что-то в ней умерло, мама.

И не выдержав, Эла снова уронила слезу. На этот раз не стала вытирать. Просто позволила ей скатиться по щеке, оставляя влажную дорожку на пудре.

— Я тоже вижу, — прошептала она. — И я боюсь спрашивать её о годах, которые они провели вдали от нас. Боюсь услышать правду.

Тем временем дверь кабинета на втором этаже тяжело распахнулась. Из неё вышел Мустафа. На его лице больше не было той уверенности, что украшала его черты ещё полчаса назад. Она исчезла, испарилась, оставив лишь усталость и что-то похожее на смирение. Следом вышел отец. Тяжёлой, шаркающей походкой. Они молча спустились по лестнице — ступени скрипели под их шагами, — вышли в сад и сели по креслам. Из-за двери кухни тут же показались Лале с Ирем на руках.

— Садитесь, — глухо сказал ага.

Все члены семьи, словно по команде, заняли свои места. Мустафа махнул рукой сестре, взял Ирем к себе на колени, пока Лале усаживалась на самый край кресла — напряжённая, как натянутая струна. Каждый член семьи смотрел на хозяина особняка. Каждый надеялся услышать слова прощения. Но Искандер Улусой молчал. Он вглядывался в лицо своей маленькой внучки, изучал её черты, и думал, думал мучительно, как же ему поступить. И глядя на Ирем, он вдруг вспомнил Лале — маленькую, босоногую, с такими же кудряшками. А потом вспомнил, как сильно она его обидела. Не тем, что ушла, — уйти мог каждый. А тем, что не поварила. Собственный отец бы её защитил. Собственный отец справился бы с любым позором. А она не дала ему шанса.

— Девочка может остаться, — произнёс он наконец, и голос его прозвучал сухо, как треск ломающейся ветки. — Её будут воспитывать Церен и Хазар.

Мустафа мгновенно положил свои широкие ладони на ушки племянницы, закрывая от подобных разговоров, от слов, которые ребёнку слышать не следовало.

— Но, отец, — глаза Церен округлились от ужаса, — мы не можем лишить Лале дочери. Это бесчеловечно.

— Церен права, папа, — твёрдо добавил Хазар.

Ага поднял ладонь вверх — властно, жёстко, — призывая всех молчать, пока он не окончил.

— Девочка будет жить здесь, пойдёт в школу. Будет видеться с матерью по выходным. Но Лале и Мустафа покинут этот дом и больше никогда не ступят на его порог. Они будут жить в квартире, которую я купил в честь подарка на свадьбу семь лет назад.

В глазах Лале, которая всё это время смотрела на отца с мольбой, вдруг потух огонёк. Он погас, как гаснет свеча на ветру. Она окончательно убедилась: отец не простит и не примет её. Никогда. Мустафа же молчал, стиснув зубы, только из любви к сестре. Лале всю дорогу до Мидьята — долгую, тряскую, полную надежд — умоляла его не грубить отцу, что бы тот ни сказал. И теперь он держался из последних сил.

— Хорошо, папа, — дрожащим голосом произнесла Лале, и слова эти дались ей с трудом. — Если это не обременит Хазара и Церен.

Церен разрыдалась в голос. Не в силах больше видеть боль Лале, она резко встала и ушла в сторону кухни, закрыв лицо руками. Хазар же просто кивнул — коротко, сжав челюсти. Он знал: спорить с отцом сейчас бесполезно.

— Искандер, — Эла мягко коснулась плеча мужа, и её пальцы дрожали, — как мы можем разлучить мать и дочь? Это же против природы, против Бога.

— Так же, как Лале разлучила свою мать с дочерью, — холодно, не поворачивая головы, произнёс ага.

Никто не смел спорить. Тишина повисла в саду, густая и тяжёлая, как грозовая туча. Лале только кивнула — едва заметно, сломленно. Она взяла с рук брата маленькую Ирем, прижала к груди и ушла вслед за Церен на кухню. И только скрипнувшая дверь нарушила тишину.

— Отец, — сказал Мустафа, стараясь сохранить самообладание, хотя голос его предательски дрожал на самых краях, — спасибо, что принял нашу Ирем. Спасибо, что не выгнал её за порог. Но — он замолчал на мгновение, подбирая слова, — что, если Хакан доберётся до Лале? Я не знаю, чего от него теперь ожидать. Он стал другим. Когда Лале увидела в нашей квартире в Стамбуле письмо от него — просто письмо на столе, понимаешь? — и поняла, что он каким-то образом проник внутрь, запертую дверь, оставил его и ушёл, она так испугалась, что не спала несколько ночей. Мы тогда осознали: он способен на всё, что угодно. Абсолютно на всё.

Искандер поджал губы так, что они превратились в тонкую, бледную линию. Внутри него всё разрывалось на части — отцовская любовь боролась с отцовской гордыней, и гордыня пока побеждала. Но он верил в свою правоту крепче, чем в какую-то возможную угрозу. Если рядом с Лале не будет дочери — рассуждал он про себя, — Хакан ей ничего не сделает. Зачем она ему без ребёнка? Так он думал. Так он убеждал себя, хотя в глубине души знал, что это лишь самообман.

— Хакан не знает, где находится эта квартира, — отрезал ага. — Он не найдёт вас, если не будете высовывать нос на улицу. Я буду давать вам деньги. Хватит на жизнь, на еду, на всё необходимое. И не придётся шататься по Мидьяту, попадаться людям на глаза.

Мустафа сжал кулаки. Пальцы побелели от напряжения, ногти впились в ладони. Он чувствовал, как внутри закипает гнев — тот самый, с которым он боролся всю дорогу до Мидьята.

— Хорошо ты откупаешься от собственных детей, — тихо, почти шёпотом произнёс он, и каждое слово сочилось горечью.

Отец не услышал. Слух его, похоже, был избирателен. Услышала лишь мать, которая сидела совсем близко — на соседнем кресле, подобравшись, как натянутая струна. И по её щеке пронеслась ещё одна слеза, оставляя за собой влажный след. Она ничего не сказала, только сжала платок в кулаке.

Лале и Церен сидели на кухне. Здесь пахло свежей выпечкой и корицей, где-то на плите тихо булькал суп, но весь этот уют теперь казался чужим, не имеющим к ним никакого отношения. Пока Церен молчала, не в силах подобрать слова, Лале держала на коленях дочь — свою маленькую, тёплую, родную — и пыталась объяснить ей страшную, невозможную вещь. Почему мать должна её оставить. Почему так нужно. Почему по-другому нельзя.

— Моя маленькая любимая девочка, — всхлипывала Лале, и слова давались ей с трудом, застревали в горле, — ты будешь жить здесь, в этом красивом доме. Со своими бабушкой и дедушкой, с дядями и тётями. С братиком Муратом. Ты ведь уже познакомилась с ним, правда? Он славный мальчик.

— Мамочка, а ты? — голосок Ирем дрогнул, и она подняла на мать свои огромные, полные слёз глаза. — Ты что, оставишь меня тут одну?

Материнское сердце Лале разрывалось на мелкие кусочки. Каждое слово дочери было как нож, и каждый раз он входил всё глубже. Но она пыталась не плакать, пыталась держать лицо, не выдавать всю свою боль, что клокотала внутри. Ради дочери. Ради её счастья и безопасности. Ради того, чтобы уберечь её от Хакана.

— Ирем, — она погладила дочку по голове, — ты будешь здесь счастлива, обещаю тебе. Пойдёшь в школу, у тебя появятся друзья, много-много друзей. Вы будете с ними играть в саду, бегать по дорожкам, сможешь приглашать их в особняк, показывать им свои игрушки.

— А Мустафа? — девочка вцепилась ручками в платье матери. — Мустафа останется со мной?

Лале поцеловала девочку в щёку — солёную от слёз, — прикоснулась своим лбом к её лбу, зажмурилась так крепко, что перед глазами поплыли звёзды. Затем бережно утёрла слезинки, которые катились из глаз малышки.

— Мустафа не останется, — прошептала она. — Ему нужно будет много работать, очень много, — выдумывала на ходу девушка, и ложь эта была горькой, как полынь. — А работа далеко, будет неудобно ездить из особняка каждый день. Понимаешь?

Послышался тихий, сдавленный всхлип Церен. Она сидела в углу кухни, и сердце её тоже разрывалось — на части, на осколки, которые уже не собрать.

— Мамочка, — Ирем замотала головой, и кудряшки запрыгали по плечам, — но ведь Мустафа может купить машину. Большую, красивую. Он будет ездить на работу на машине, а ты будешь со мной. Мы будем ждать его вместе. Разве так нельзя?

Девочка плакала навзрыд — по-детски отчаянно, не сдерживаясь, и её маленькое тельце сотрясалось от рыданий. Церен не выдержала. Она поднялась со своего места, подошла к Лале, присела рядом на корточки — так, что её колени коснулись холодных каменных плит, — и нежно, едва касаясь, погладила малышку по кудрявым волосам.

— Ирем, — заговорила она, и голос её был мягче шёлка, — я позабочусь о тебе, слышишь? Пока ты будешь ходить в школу, я буду тебя водить, каждое утро, за ручку. А потом мы с тобой будем играть в саду, я покажу тебе цветы, которые посадила. А по выходным — она перевела дыхание, — по выходным я буду привозить тебя к маме и дяде Мустафе. Каждую неделю. Обещаю.

Ирем плакала. Это маленькое детское сердце разбивалось на части, и никто не мог его склеить. Она так сильно прижалась к Лале, вжалась всем телом, вцепилась ручонками в её блузку, что у матери на коже появились красные пятна — следы отчаянной, бессильной детской

любви. Лале молча гладила дочь по спине, вдыхала запах её волос — такой родной, такой тёплый, — и про себя молилась, чтобы эти выходные никогда не заканчивались.

Лале и Мустафе пришлось уйти.

Хазар молча выгнал из гаража свою дорогую иномарку — чёрную, блестящую, с кожаным салоном, в котором всегда пахло его одеколоном. Он распахнул перед сестрой дверцу, но Лале даже не заметила этого жеста. Она шла, как во сне, не чувствуя ног, не слыша звуков. Мустафа бережно взял её под локоть — она была холодной, словно фарфоровая кукла, — и усадил на заднее сиденье. Сам сел рядом, не отпуская её руки.

Они ехали молча. Дорога петляла, уводя их всё дальше от центра, от особняка, от всего, что было родным. Хазар вёз их в один из самых отдалённых районов Мидьята — туда, где новые дома стояли ещё полупустыми, где улицы были тихими и безлюдными, где их никто не узнает и никто не найдёт. Там их ждала новая жизнь. В пустой квартире, где ещё не ступала ничья нога. Без детского смеха, без утренних объятий, без маленьких кудряшек на подушке. Без любви.

А в голове у обоих — у брата и сестры — стояла одна и та же ужасная, невыносимая картина, застывшая, как страшный снимок.

Вот они выходят за порог особняка. Ирем, почуяв неладное, срывается с места. Её маленькие ножки несут её через весь двор, она бежит, протягивая ручонки, и кричит: «Мамочка! Мустафа! Не уходите! Возьмите меня с собой!» Но дверь — та самая тяжёлая, кованая дверь — захлопывается прямо перед её лицом. Глухо, беспощадно. Ирем колотит в неё кулачками, плачет так, что голос срывается на хрип. А они — они уже по ту сторону. Им пришлось уйти. Они слышат её крик, чувствуют, как разрывается собственное сердце, но шаг за шагом удаляются прочь.

Они оставили там своё маленькое солнышко. Свою Ирем. И сколько бы Мустафа ни шептал сестре по дороге: «Так надо, Лале, так будет лучше для неё, она будет в безопасности», — эти слова ничего не значили. Они падали в пустоту, рассыпались, как сухая листва. Потому что никакая безопасность не стоила того крика, что до сих пор звенел у них в ушах, — пронзительного, отчаянного детского крика, от которого кровь стыла в жилах.

Они вошли в квартиру. Дверь за ними закрылась с глухим, железным стуком. Хазар, не сказав ни слова, сел в машину и уехал — только шум мотора растаял вдалеке. И тогда двое близняшек, которые столько лет старались быть сильными, столько лет держались из последних сил ради малышки Ирем, вдруг сломались. Разом. Как ломается перегруженная балка — с треском, с грохотом, не оставляя надежды на починку.

Лале молча прошла по длинному коридору. Шаги её отдавались эхом от пустых стен. Она вошла в просторный зал, где вся мебель была покрыта белыми полотнами — словно сава-нами, укрывшими прошлую жизнь. Здесь пахло пылью, застоявшимся воздухом и долгими, бесконечными годами одиночества. Полки, забитые книгами, покосились — казалось, тронь одну, и всё рухнет. Корешки книг выцвели, страницы пожелтели от времени. Фотографии в рамках — счастливая семья, смеющиеся лица, — аккуратно стояли на старом комод, словно кто-то когда-то расставил их с любовью и надеждой. Лале задержала взгляд на одной из них, но не коснулась.

Она прошла дальше. В спальню.

Здесь всё напоминало о том, что когда-то эта комната должна была принадлежать Хакану. Ему и ей. Молодым, влюблённым, строящим планы на долгую счастливую жизнь. Всюду были расставлены их совместные фотографии — в серебряных рамках, с выгравированными датами. На одной они смеялись где-то на набережной, на другой — танцевали на чьей-то свадьбе. Шкаф был забит красивыми вещами, купленными специально для их первой брачной ночи: шёлковое бельё, расшитое кружевом, изящные платья, туфли, что ждали своего выхода. В углу стоял будуарный столик с флаконами духов — нетронутых, запечатанных. Всё это предназна-

чалось для первых совместных выходов в свет, для долгих лет любви, для счастья. Любви, которой, как оказалось, вовсе не было. Исчезла. Испарилась. А может, её и не существовало никогда — только искусная ложь, в которую она так хотела верить.

И тогда Лале не выдержала.

В ней что-то взорвалось — глухо, страшно, без предупреждения. Она ненавидела Хакана всем своим сердцем, каждой клеточкой тела. Это он лишил её возможности остаться в Стамбуле с дочерью. Это из-за него ей пришлось отдать свою малышку чужим, по сути, людям. Это он отнял у неё всё. Лале закричала — дико, нечеловечески, так, что заложило уши. Она хватала рамки с фотографиями одну за другой и с силой швыряла их в стену, и серебряные уголки разлетались по комнате, звенело стекло, сыпалось на пол. Она вырывала из шкафа вешалки с одеждой, рвала красивые шелковые платья — те самые, в которых должна была блистать, — и ткань трещала, расходилась под пальцами, превращаясь в лохмотья.

— Сестрёнка! — Мустафа ворвался в комнату, запыхавшись, с расширенными от ужаса глазами.

Он обхватил рыдающую сестру обеими руками, прижал к себе так крепко, что она едва могла дышать. Держал, пока она вырывалась, билась в его руках, кричала ему в грудь. Он не отпускал — только сильнее сжимал объятия, превращаясь для неё в единственную опору.

— Брат, умоляю, — зашептала она сквозь слёзы, вцепившись в его рубашку, — иди к отцу. Попроси прощения. Он простит тебя! Он обязательно простит! Ты сможешь быть рядом с Ирем, сможешь видеть её каждый день! Прошу тебя, оставь меня и иди!

Но Мустафа знал. Знал так же твёрдо, как знал собственное имя: отец не простит его. Раз он не простил свою любимую дочь, свою нежную Лале, что говорить о нём, о сыне, который всегда был для отца лишь тенью сестры? Поэтому он продолжал стоять. Продолжал держаться — зубы стиснуты, челюсти сведены. Он слушал, как его близнец плачет навзрыд, как дрожит в его руках, словно раненый птенец. Мустафа гладил её по волосам — медленно, успокаивающе, — и едва сдерживал собственные слёзы, что жгли глаза и подступали к горлу. Он не мог позволить себе сломаться. Потому что если сломается он — сломается всё.

Глава 3

Волкан Кая сидел в своей только что купленной машине — чёрный, матовый внедорожник, от которого ещё пахло заводским пластиком и дорогой кожей, — и пил свежесваренный турецкий кофе. В этот раз без наслаждения. Он держал в руке телефон и в пятый раз перечитывал сообщение от сестры: «Мама в больнице. У неё заболело сердце. Сможешь прилететь?» Буквы расплывались перед глазами, хотя он знал их уже наизусть. И Волкан, бросая все свои дела и бизнес в Москве — встречи, контракты, звонки, — был готов вернуться домой. Прямо сейчас. Немедленно.

— В аэропорт, — бросил он своему водителю, и голос его прозвучал глухо, безжизненно.

Волкан смотрел в открытое окно автомобиля, подставляя лицо ветру, и думал одну и ту же горькую мысль: «Неужели судьба настолько жестока, что хочет отобрать у него ещё и мать?» После смерти отца — военного, героя, сложившего голову на поле боя, — этот широкоплечий и статный мужчина никак не ожидал продолжения чёрной полосы. Он думал, что судьба насытилась, что лимит горя исчерпан. Но ужас в его жизни не заканчивался. Его младшая сестра попала в аварию и уже четыре года томится в четырёх стенах частной клиники — не встаёт, не говорит, только смотрит в потолок. А теперь и мать. Его красивая, добрая, нежная мама, которая всегда пахла лавандой и пекла самый вкусный в мире хлеб, сейчас находится в больнице и борется за жизнь. Волкан набрал номер Али — своего партнёра по бизнесу и лучшего друга, единственного, кому он мог довериться в такой момент.

— Али, — сказал он в трубку, и голос его был сухим, как наждак, — ты сейчас где?

— Брат, я в офисе. А ты где? У нас совещание через полчаса, ты забыл? — раздался бодрый голос с того конца провода.

— Я еду в аэропорт, брат. Мама в больнице. — Волкан сделал паузу, прикрыл глаза. — Будешь ли ты рядом со мной в этот час?

Он закрыл глаза. Так он мог увидеть лицо матери — её ласковую улыбку, тёплые карие глаза, серебряные нити в тёмных волосах. Его любимой Селин Кая.

— Буду, брат, — ответил Али мгновенно, без колебаний. — Оставляю дела на Умута, ладно? Он справится.

— Ладно. Купи нам билеты на ближайший рейс. Я сейчас не в состоянии, Али. Просто не в состоянии.

Через десять минут Али прислал файл с билетами до Мардина, и Волкан смог немного успокоиться — ровно настолько, чтобы дышать ровнее. Прибыв во Внуково, мужчина быстрым шагом пересёк зал, подошёл к стойке регистрации и передал сотруднице свой паспорт.

— Куда вы летите? — спросила она с дежурной улыбкой.

— В Мардин, — ответил Волкан. — Я лечу домой.

Русский у Волкана был довольно хорош, почти без запинки, но всё же с лёгким, едва уловимым акцентом — мягким, южным. Ему пришлось выучить язык, чтобы развивать бизнес в России, их семейную ювелирную империю. Десятки салонов высшего класса по всей стране — от Москвы до Владивостока, — и за каждым нужен был глаз да глаз.

— Желаю хорошего полёта, — сказала девушка из-за стойки и передала Волкану документы.

Долго ждать Али не пришлось. Через десять минут двое мужчин — оба высокие, широкоплечие, в дорогих костюмах, — уже вместе проходили в зону международных вылетов, и их шаги гулко отдавались от мраморного пола.

— Больше не было вестей из дома? — спросил Али, поправляя дорожную сумку на плече.

— Нет, — ответил Кая, не глядя на друга. — Больше не было. Тишина.

Долго тянулось время в воздухе — самолёт гудел ровно, монотонно, а Волкан смотрел в иллюминатор на бескрайнюю пену облаков и не видел ничего. А ещё дольше тянулось время на пересадке в Стамбуле, где они сидели в зале ожидания, пили горький кофе из бумажных стаканчиков и молчали. Но Волкан держался. Единственный мужчина в семье — теперь, после смерти отца, — их опора и поддержка. Тот, кто владел всем бизнесом и содержал всю свою большую семью: мать, сестёр, брата, племянников. Он должен был держаться, даже если внутри всё рушилось.

Прибыв в жаркий, пропитанный солнцем Мардин, Волкана и Али встретил семейный водитель — пожилой, преданный мужчина, работавший на Кая ещё при отце. Дорога длиной всего в час казалась обоим нескончаемой. За окном проплывали пыльные улочки, оливковые рощи, каменные дома с плоскими крышами. И чем ближе они подъезжали, тем сильнее шалили нервы. Волкан тревожился за мать, прокручивая в голове самые страшные сценарии. А Али тревожился за Волкана — он слишком хорошо знал друга, чтобы не заметить, как тот балансирует на грани. Да и госпожа Селин была для Али почти матерью. Он вырос в их доме, проводил там больше времени, чем в своём собственном, и любил её как родную.

Они прибыли к дверям центральной больницы — старого, но крепкого здания с облупившейся штукатуркой и высокими окнами. С тяжёлым сердцем вошли внутрь, и запах медикаментов ударил в нос.

— Мы приехали к пациентке Селин Кая, — сказал Волкан медсестре, и голос его прозвучал хрипло.

Они шли по длинному, бесконечному коридору в отделение кардиологии. Под ногами скрипел линолеум, где-то пиликали приборы, слышались приглушённые голоса. И вот они увидели знакомые лица. Его старшая сестра Лейла сидела на стуле, склонив голову так низко, что волосы закрывали лицо. Такая взрослая, такая сильная женщина — а сейчас беззащитная, как ребёнок. Её сын Мехмет, светловолосый мальчишка пятнадцати лет с острыми коленками и испуганными глазами, сидел рядом и мял в руках край рубашки. А вот и младший брат Волкана — Темель, совсем ещё парень, только-только окончивший школу. В его глазах стоял страх пополам с растерянностью. И ведь ни на ком из них не было лица — серые, осунувшиеся, с тёмными кругами под глазами. Услышав шаги, все трое подняли головы. Лейла тут же вскочила и бросилась в объятия брата со слезами, повиснув на его плечах.

— Ох, Волкан! Слава Богу, ты приехал! Дай Бог нашей маме выстоять сегодня Дай Бог Волкан крепко обнял сестру, прижал к себе так, что она едва не задохнулась.

— Всё будет хорошо, — сказал он, хотя сам не верил в эти слова. — Всё будет хорошо. Тут же к ним подскочили Темель и Мехмет.

— Брат, ты приехал! — выдохнул Темель, и в его голосе прозвучало облегчение.

— Дядя, — затараторил Мехмет, — бабушке вдруг стало плохо на базаре. Мы были с ней, она вдруг схватила за грудь и побелела

И тогда в голове Волкана сошёлся пазл — с громким, оглушительным щелчком. А он всё гадал, почему мать не привезли в частную клинику, которой владели их друзья семьи. Скорая привезла её в государственную больницу, и Волкан едва не перепутал адреса, мчась сюда.

— Что говорит врач? — задал он вопрос Лейле, осторожно отстраняясь.

В её карих глазах стояли слёзы и следы глубоких, невыносимых переживаний. Но Лейла собралась — она всегда умела собираться в самый страшный момент. Поправила волосы дрожащей рукой, одёрнула ворот рубашки.

— У неё ведь слабое сердце, брат. Ты знаешь. Они с Темелем пошли на рынок — просто за фруктами, ничего особенного. Как вдруг там появился тот, чьё лицо для неё словно лик шайтана. — Лейла замолчала, поджала губы. — Она увидела Хакана Узуноглу.

В один миг лицо Волкана побагровело от злости. Кровь закипела в жилах, запульсировала в висках, и даже волосы на голове встали дыбом от ярости. Он схватил себя за голову обеими

руками, не в силах сдерживаться, словно пытался удержать взрыв. А потом сжал руку в кулак — крепкий, тяжёлый кулак ювелира и борца — и со всей силы ударил по стене. Костяшки хрустнули, и на светлой штукатурке остался кровавый след.

— Что вы делаете?! — закричала где-то рядом медсестра, всплеснув руками. — Вы в больнице, господин! Здесь нельзя!

Но Волкан её не слышал. У него звенело в ушах, перед глазами плыли красные круги.

Хакан Узуноглу был запретной темой в этой семье. Имя, которое не произносили вслух. Он не просто был их врагом — он был тем, кто разрушил их жизни, кто втоптал их честь в грязь и ушёл, не обернувшись. И как бы Волкану сейчас ни хотелось сорваться, выбежать из больницы, поехать на тот проклятый базар, отыскать Хакана и убить его голыми руками — он не мог. Не сейчас. Не здесь. Мать была важнее. Тем более из операционной как раз вышел врач — уставший, в зелёном хирургическом костюме, стягивающий маску с лица.

— Операция прошла успешно, — сказал он, и голос его звучал ровно, профессионально. — Ваша мама сейчас стабильна. Пока побудет в реанимации, но скоро переведём в палату.

И тогда вся семья — Лейла, Темель, Мехмет, Волкан и стоящий за его плечом Али — смогла выдохнуть. Один общий, долгий, дрожащий выдох облегчения.

Волкан взял под руки Темеля и Мехмета — одного за плечо, другого за локоть, — потечески прижал к себе и повёл к выходу. Али он оставил в больнице: пусть посидит немного с сестрой, пока та совсем не извелась от тревоги, а он тем временем съездит домой, соберёт всё необходимое и вернётся. Так будет правильно.

Водитель привёз их в особняк на окраине — родовое гнездо семьи Кая, стоявшее здесь уже не одно поколение. Огромный сад, размером с целую улицу, встретил их шелестом старых олив и кипарисов, что тянулись к небу, словно стражи. Красивый трёхэтажный дом из светлого камня, увитый плющом, возвышался в глубине. Чуть поодаль виднелась конюшня — пахло сеном и лошадьми, — а в центре сада стояла огромная деревянная беседка, где раньше, в другой, счастливой жизни, они собирались по вечерам: пили чай, смеялись, слушали рассказы отца. Теперь беседка пустовала.

Волкан вошёл на территорию вместе с братом и племянником. У ворот их встретила Азули — помощница по дому, немолодая, но ещё крепкая женщина с добрыми, встревоженными глазами. Волкан бережно передал ей Мехмета, а сам вместе с Темелем зашагал по мощёной дорожке к дому. Гравий хрустел под подошвами.

— Брат, я поеду с тобой в больницу, — сказал Темель, и в его голосе прозвучала решимость, какой Волкан давно в нём не слышал.

— Нет, брат, — твёрдо ответил он, не сбавляя шага. — У тебя ведь поступление в университет. Оставайся дома, готовься и ни о чём не думай. Мама поправится, а ты должен думать о будущем.

Темель начал возражать — что-то о том, что он уже не ребёнок, что имеет право быть рядом с матерью, — но старший брат никогда не терпел возражений. Он бросил на Темеля один короткий, тяжёлый взгляд, и тот осёкся на полуслове.

Волкан вошёл в дом, в котором не был уже больше года. Здесь всё пахло так же, как в детстве: деревом, свежее испечённым хлебом и едва уловимым лавандовым ароматом — духами матери. Он молча передал пиджак одной из помощниц, выслушал тихие слова поддержки и соболезнований — «Да хранит Бог госпожу Селин», — и поднялся по широкой лестнице на второй этаж. Ступени под его ногами скрипели знакомо, почти родно.

Его комната. Чистая, просторная, залитая мягким предзакатным светом. Всё было так, как он оставил перед уходом год назад, — ни пылинки, ни сдвинутой вещи. Все его книги стояли на полках ровными рядами, одежда висела в шкафу, картины на стенах — старый Мардин, портрет отца, морской пейзаж — смотрели на него, словно он и не уезжал. Волкан присел на

край кровати, и пружины под ним жалобно скрипнули. Он обхватил лицо обеими руками — ладони ещё пахли больничным антисептиком — и тяжело, с присвистом выдохнул.

— Хакан, — прошептал он в пустоту комнаты, и имя это обожгло ему губы, как яд. — Я найду тебя. Только мама поправится — и я найду тебя. Клянусь.

Волкан и Хакан были ровесниками. Познакомились ещё когда обоим было по пятнадцать, — мальчишки, угловатые, с ломающимися голосами и большими мечтами. Тогда Хакан только приехал в Мидьят, поступил в ту же школу, и они быстро сдружились — настолько, что их называли братьями. Они дружили много лет, были не разлей вода: вместе гоняли мяч, вместе лазали через заборы в чужие сады, вместе мечтали о будущем. Ровно до того момента, пока мать Хакана не вышла замуж за очень опасного человека — из тех, у кого деньги пахнут кровью, — и Хакан не начал сближаться с отчимом. Он очень изменился: стал отстранённым, холодным, в глазах появился незнакомый, расчётливый блеск. А с появлением в семье больших денег и вовсе сошёл с ума — почувствовал вседозволенность, безнаказанность, власть.

А самым ужасным для Волкана стало то, что его любимая младшая сестра Туркай — его маленькая, смешливая Туркай с косичками и веснушками на носу — влюбилась в этого паршивца. Без памяти, до дрожи, до безумия. Она сбежала с ним в Стамбул, никого не предупредив, оставив лишь короткую записку на столе: «Простите, я люблю его». А через год — всего через год — выяснилось, что Хакан изменил ей. Просто, обыденно, как меняют перчатки. И тогда Туркай, обезумев от горя, села за руль, выехала на ночную трассу и за пеленой слёз не увидела выезжавший навстречу грузовик. Удар, скрежет металла, темнота. Волкан положил её в лучшую частную клинику, не спал ночами, молился. Но даже выйдя из комы, она не заговорила. Ни слова. Только сидела у окна, смотрела на мир пустыми глазами и молчала. Четыре года молчания. Четыре года, за которые Волкан ни на минуту не забывал, кто в этом виноват.

Когда Волкан смог немного успокоиться — настолько, чтобы перестать слышать шум крови в ушах, — он принял душ. Горячая вода хлестала по напряжённым плечам, смывала дорожную пыль и липкий страх, но не могла смыть тревогу, засевшую глубоко внутри. Переоделся в более удобную одежду: мягкие брюки, простую рубашку с закатанными рукавами. Без пиджака и галстука он чувствовал себя немного свободнее, немного ближе к себе настоящему — не к тому Волкану Кая, что управлял империей, а к тому, что вырос в этом доме и лазал босиком по саду.

Он вышел в коридор — длинный, устланный старым, но всё ещё роскошным ковром, — и сам не заметил, как ноги привели его к комнате матери. Остановился перед дверью, помедлил секунду, прежде чем войти.

— Алия, — негромко позвал он, и голос его эхом разнёсся по дому.

На пороге тут же появилась молоденькая девушка — одна из помощниц, расторопная и тихая, с большой кожаной сумкой в руках. Она быстро, не задавая лишних вопросов, начала собирать всё необходимое: тёплый халат госпожи Селин — её любимый, бордовый, с вышивкой по вороту, — мягкие домашние туфли, гребешок для волос, молитвенник в потёртой обложке, флакончик с лавандовой водой.

А Волкан в это время стоял посреди комнаты и смотрел на стену. Там висел большой семейный портрет — тот самый, что заказали у приезжего художника десять лет назад. Они позировали в саду, под старой оливой, на фоне закатного неба. Отец сидел в центре — высокий, статный, с военной выправкой и спокойной, чуть усталой улыбкой человека, повидавшего слишком много. Рядом — мама, молодая и прекрасная, в бирюзовом платье, с тёмными волосами, уложенными вокруг головы короной. Лейла держала на руках крошечного Мехмета — тот тянул пухлые ручонки к объективу. Темель, тогда ещё совсем мальчишка с ободранными коленками, стоял, привалившись к отцовскому плечу. А сам Волкан — ему было двадцать три, — стоял чуть поодаль, серьёзный, широкоплечий, но с молодым, ещё не омрачённым бедами

взглядом. И Туркай Туркай сидела у ног матери, в светлом платье, с венком из полевых цветов на голове, и смеялась — так звонко, что, казалось, её смех до сих пор звенит в этих стенах.

Они были счастливы тогда. По-настоящему, безоглядно счастливы. Весь мир лежал у их ног, и никто не знал, что ждёт впереди.

Волкан стоял и смотрел на портрет, и в груди у него росла тяжёлая, горькая тоска по тому времени, которое уже не вернуть. Десять лет. Целая жизнь прошла — и какая жизнь.

Глава 4

Лале проснулась от острой головной боли — та пульсировала где-то в висках, тяжёлая, мутная, словно кто-то сдавил голову железным обручем. Она плохо помнила, что произошло вчера, только обрывки: крик, звон разбитого стекла, руки Мустафы, которые держали её, не давая рухнуть на пол. Мустафа, чтобы её успокоить, быстро спустился в аптеку на первом этаже, купил какой-то травяной отвар, пахнувший мятой и чем-то горьковатым, и заставил сестру выпить вместо чая. Так она и уснула, провалилась в темноту без снов.

Но теперь, проснувшись ещё до рассвета, когда небо за окном только начинало сереть, она поднялась с постели и удивлённо огляделась. Комната изменилась. Исчезли фотографии в серебряных рамках, исчезли шёлковые платья, что ещё вчера висели в шкафу, исчезли флаконы с духами. Мустафа вынес из спальни всё, что могло напоминать сестре о плохих днях её жизни, — всё, что кричало о Хакане и о несбывшемся счастье. Голые стены, чистый пол, только кровать да комод. Словно комната заново родилась.

— Мустафа, — тихонько позвала Лале, и голос её прозвучал слабо, будто она ещё не до конца вернулась из сна. — Где ты?

Но брат не ответил. Тогда девушка опомнилась, посмотрела на часы — даже пяти утра не было. Дом спал. Весь мир спал. Она поднялась с постели, взяла со стола телефон и, поколебавшись секунду, написала сообщение Эсин: «Как там моя девочка?». Эсин обязательно ответит — сестра никогда не оставляла её без ответа. Но пока Лале просто открыла фотографию в галерее. Они втроём: она, Мустафа и Ирем на фоне Галатской башни, что возвышалась над Стамбулом серой каменной громадой. Их сфотографировал какой-то взрослый мужчина на профессиональную камеру и прислал фото всего за десять лир. Лале тогда ещё не понимала, насколько ценным для неё будет этот случайный кадр. Теперь же она смотрела на него, и сердце сжималось от нежности и боли пополам.

У неё не было планов на жизнь в Мидьяте. Да и в Стамбуле их не было, если честно. Она просто жила, просто наслаждалась тем, что рядом были её брат и дочь — два якоря, державших её на плаву. Но теперь всё изменилось. Ей предстояло взять себя в руки. Нужно было найти работу, встать на ноги, крепко, уверенно, и суметь достичь тех высот, с которых она легко, одним движением, столкнёт Хакана с небес на землю и больше никогда не будет бояться. Ни его, ни кого-либо ещё. А ещё ей предстояло самое трудное: добиться прощения семьи. Вернуть то, что она потеряла семь лет назад.

Лале даже не заметила, как пролетело время. Она смотрела на фотографию и размышляла, а когда опомнилась, за окном уже совсем рассвело. Она вышла в зал, ступая тихо, почти на цыпочках. На диване, свернувшись калачиком под старым пледом, спал Мустафа. Он прибрался вчера, пока она спала: раскрыл всю мебель, сдёрнул белые полотна, вытер пыль, и теперь диван, стол, кресла выглядели почти уютно. Сам он тихо и мирно посапывал, уткнувшись лицом в подушку. Для него всё это — не меньший стресс. Он пожертвовал ради близняшки собственной жизнью, и она никогда этого не забудет. Никогда.

Как бы Лале ни старалась тихо пройти на кухню, половица предательски скрипнула под ногой. Брат тут же открыл глаза.

— Сколько времени? — сонно спросил он, щурясь от света.

Лале бросила взгляд на настенные часы.

— Почти семь, — ответила она.

Мустафа отбросил плед, сел, потёр лицо ладонями, прогоняя остатки сна.

— Спасибо, братик, — сказала Лале мягко, подходя ближе. — Ты успокоил меня вчера. Сам не спал, наверное, полночи. Да ещё и прибрался тут везде.

— Можешь посмотреть, есть ли у нас кофе? — спросил мужчина, пропуская благодарность мимо ушей. — Я бы выпил чашку и пошёл.

Девушка направилась в сторону кухни, теперь уже резвее, не боясь шуметь. Она открывала одну дверцу за другой, но не обнаружила даже крошки. Пусто. Только пыль да запах старого дерева.

— Кофе нет, — донёсся её разочарованный голос. — Вообще ничего нет. — Она выглянула из кухни. — А куда ты уходишь?

Мустафа вошёл в кухню и плюхнулся на стул — тот жалобно скрипнул под его весом.

— Пойду искать работу. Может, дойду до Альпа, если он ещё тут живёт. Где-то ведь он должен быть.

— Думаешь, твои друзья будут рады тебя видеть? — Лале присела напротив и внимательно посмотрела на брата. — Ты ведь и с ними связи оборвал. Не отвечал на звонки, не писал.

Мустафа тяжело вздохнул, и в этом вздохе было всё: и сожаление, и стыд, и тоска по прошлой жизни. Он вспомнил, какой счастливой была его жизнь до побега. Альп — его лучший друг, тот парень, с которым он делил школьную скамью и вечерние разговоры в саду особняка, когда они сидели под туей и мечтали о будущем. Он оставил его, не попрощавшись, и теперь надеялся, что тот простит. Но ему было страшно. Тот самый страх, что щекочет где-то внутри, под рёбрами, и не даёт покоя ни днём ни ночью.

— У нас с тобой даже одежды нет, — сказал Мустафа, оглядывая свой мятый вчерашний костюм. — Может, мы пойдём на рынок? Купим хоть что-то.

— Нет, — отрезала девушка. — Откуда у нас с тобой деньги?

— Отец дал.

Внутри Лале снова что-то обрушилось — тяжело, больно. Отец вместо того, чтобы забрать их под своё крыло, просто дал им денег и позволил жить в квартире, которая пустовала много лет, покрываясь пылью и забвением. Лале бы предпочла жить на улице, спать на голой земле, но услышать от отца одно-единственное «прощаю». Всего одно слово. Но он его не произнёс.

— Сходи и купи тогда, — сказала она, отводя глаза, чтобы брат не увидел в них слёз. — Мне самое простое и дешёвое платье. Без кружев, без всего. Простое.

Мустафа кивнул. Он быстро умылся ледяной водой, плеснув её в лицо, посмотрелся в зеркало — оттуда на него глядел уставший, небритый мужчина с тёмными кругами под глазами, и вышел во двор. Он не знал этот район, не бывал тут раньше. Всю свою жизнь он провёл в Старом городе и никогда не высовывался за его пределы. Узкие улочки, каменные дома, знакомые лица — вот его мир. А здесь всё было чужим. Он даже не знал, как ему добраться пешком, поэтому запрыгнул в первый попавшийся автобус и проехался до последней остановки, глядя в окно на проплывающие мимо дома. Как он помнил, семья Альпа жила через две улицы от его родного особняка.

И вот — знакомая вывеска на воротах. «Обособняк семьи Ялчин» — гласила она, и буквы чуть облупились от времени. Увидев её, Мустафа почувствовал, как сердце защемило от тоски — остро, до спазма. Он постучал в тяжёлую деревянную дверь и замер в ожидании. Через несколько минут дверь открыла знакомая ему женщина — Акса, та самая, что всегда отчитывала их с Альпом в юности за проделки: то они опрокинули бочку с водой, то залезли в чужой сад за абрикосами. Глаза Аксы округлились, стали похожи на два больших блюдца, рот непроизвольно приоткрылся.

— Здравствуйте, тётя Акса, — произнёс с тревогой Мустафа, и голос его дрогнул.

— Мустафа? — робко спросила она, будто увидела призрак, будто перед ней стоял не живой человек, а воспоминание.

— Да. Это я. Позвольте ли вы мне войти, тётя Акса?

Женщина молча пропустила его внутрь. Мустафа шагнул за порог и замер. Он увидел знакомый маленький фонтанчик в центре песчаного сада — вода в нём журчала всё так же тихо и умиротворённо. Увидел пошарпанную деревянную беседку, где они с Альпом сидели часами, скамейки рядом с клумбами, сам особняк — старый, но всё ещё крепкий, увитый виноградной лозой. Ничего не изменилось. Даже Акса осталась такой, какой Мустафа её помнил: пухлая женщина с волосами, выкрашенными в рыжий цвет, с лёгкими морщинами у глаз и большими зелёными глазами, в которых всё ещё читалось удивление.

— Дома ли Альп, тётя Акса? — спросил он.

Женщина всё ещё пребывала в шоке. Слова давались ей с трудом, она всплёскивала руками и, кажется, до сих пор не верила своим глазам.

— Нет, он вышел до магазина, — ответила она наконец, — но здесь его жена и сын. Гюль!

На пороге комнаты первого этажа появилась молодая девушка, не больше двадцати лет на вид. Её волосы не были покрыты платком, так что прямые каштановые пряди свободно падали на хрупкие плечи. А следом за ней выбежал светловолосый мальчишка — не больше трёх лет, в смешной рубашонке навывпуск. Он тут же схватился за юбку мамы и уставился на Мустафу своими маленькими, любопытными глазками-бусинками.

— Гюль, подойди, познакомься, — сказала Акса, и голос её всё ещё дрожал. — Это Мустафа, о котором часто говорил Альп.

Гюль сделала несколько шагов вперёд, ведя сына за руку. Но лицо её было холодным.

— Тот самый Мустафа, который бросил Альпа? — язвительно спросила она, и слова эти хлестнули, как пощёчина. — Тот, кто бросил его, когда он нуждался в поддержке?

У Мустафы отнялись руки. Он стоял и не знал, куда их деть. Эта женщина, так прямо высказавшая всё, что думала, была права. За неделю до того, как Мустафа покинул Мидьят, Альп просил его о помощи — просил помочь с работой, замолвить слово перед отцом. Но Мустафа просто не успел. А потом — просто не знал, как быть, и сбежал, не оглядываясь.

— Ты права, Гюль, — сказал он, и голос его прозвучал глухо. — Я был плохим другом твоему мужу. Но пусть он мне сам об этом скажет. Я пришёл к нему, а не к тебе.

Гюль опустила голову. А её сын вдруг отпустил руку матери и побежал — прямо к Мустафе. Мужчина улыбнулся, присел на корточки, готовясь принять его в свои объятия. Но мальчик пробежал мимо. Мустафа обернулся: на территорию особняка вошёл Альп, а мальчишка с радостным визгом запрыгнул к нему на руки. Несколько секунд Альп улыбался, поднимая сынишку в воздух, и лицо его светилось отцовским счастьем. А потом он увидел Мустафу и счастье в его глазах померкло, словно кто-то задул свечу. Он подошёл к Гюль и молча передал ей сына.

— Уведи Эмре в комнату, — сказал он тихо.

Гюль с ребёнком скрылись за дверью. Альп кивнул матери, чтобы и та оставила их. Мустафа сглотнул тугую ком в горле. Альп изменился. Ему было всего двадцать пять, но на тёмных волосах уже виднелась седина — серебряные нити, не по возрасту. Он отрастил аккуратную бороду, и носил теперь строгий костюм, а не как прежде — оборванные штаны и растянутые футболки. В сравнении с ним Мустафа сейчас выглядел просто парнем с улицы, а не сыном аги, которого знал весь Мидьят.

— Я думал, ты умер, — сурово сказал Альп, и каждое его слово было тяжёлым, как камень. — Лучше бы умер и не огорчал меня.

— Прости, что не умер, — спокойно ответил ему Мустафа. — Ещё и заявился в твой дом, как ни в чём не бывало.

Альп указал своему бывшему другу на скамью под старой оливой. Мужчины сели друг напротив друга — между ними пролегли семь лет молчания.

— Выглядишь ты паршиво, — сказал Альп, оглядывая его с головы до ног.

Мустафа улыбнулся краешком губ.

— С такой жизнью, какая была у меня, это даже комплимент.

Алып подозвал одну из работниц дома, попросил подать кофе и завтрак на двоих. Девушка кивнула и исчезла в доме.

— Я слушаю тебя, Мустафа, — сказал Алып, откинувшись на спинку скамьи. — Зачем ты вернулся? Спусти столько лет — зачем?

Мустафа сделал глубокий вдох, пытаясь совладать с собственным страхом. Отец уже выставил его. Если теперь и Алып бросит его — он будет сломлен окончательно. А ему ещё нужно держаться. Ради Лале. Ради Ирем.

— Я вернулся, потому что должен был защитить сестру.

— Ты сбежал разве не ради того же? — усмехнулся Алып, и в усмешке этой была горечь.

— Ты прав. Но теперь всё изменилось. У Лале есть дочь, которую мы привезли сюда, под защиту семьи.

Алып присвистнул. Он помнил Лале ещё девчонкой — той самой, что вместе с ними шаталась по городу, лазила по садам и пела по вечерам песни у очага. Теперь же он забыл, что она тоже выросла. Что время не стояло на месте.

— Как зовут?

— Ирем, — с любовью в сердце ответил Мустафа, и голос его потеплел. — Наш маленький ангел.

— Но почему ей нужна защита? Настолько серьёзная защита, что вы с Лале вернулись, рискуя всем? Где же она? В особняке?

Мустафа развёл руками — жест беспомощности.

— Отец не принял нас и не простил. Мы с Лале живём в квартире на окраине, вдвоём. А вчера мы оставили в доме нашего отца девочку и ушли. Просто ушли.

Помощница подала на стол завтрак: горячий омлет, свежий хлеб, оливки, сыр и две дымящиеся чашки крепкого кофе. У Мустафы от голода уже давно крутило живот — он не ел со вчерашнего утра. Запах свежего омлета буквально сводил его с ума, и он с трудом сдерживался, чтобы не наброситься на еду. Он поблагодарил девушку, взял вилку и с наслаждением отправил в рот первый кусочек.

— Что сказал господин Искандер? — спросил Алып, пригубив кофе.

— Сказал, что мы не можем остаться. Его обида слишком велика. — Мустафа отпил кофе — горький, обжигающий. — Мы обидели всех в этом городе, Алып. Но иначе быть не могло. И тебя я обидел не меньше, чем отца.

— Когда-то я называл тебя братом, — с горечью произнёс Алып, и в его голосе прозвучала старая, незаживающая рана. — Теперь же прошло много лет. У меня жена, сын, хорошая работа. Я построил всё это сам, без чьей-либо помощи. А у тебя, Мустафа? Разве стоил тот побег такой большой части жизни в одиночестве?

Мустафа посмотрел другу прямо в глаза — твёрдо, без колебаний.

— Стоил. Я бы сделал это ещё тысячу раз, если нужно. Ты ведь помнишь Хакана, за которого должна была выйти Лале?

Алып кивнул. Имя это упало между ними, как тень.

— Все эти годы мы жили в Стамбуле. Точнее — выживали, — Мустафа отставил чашку. — И вот недавно Лале встретила Хакана на улице. Случайно. Он узнал, что Ирем — его дочь. Не знаю, как он это понял, но он понял. И теперь он собирается отобрать её у нас. Поэтому мы здесь. Поэтому мы вернулись.

— Но как это возможно? — удивился Алып и даже подался вперёд, забыв про остывающий кофе. — Их свадьба ведь не состоялась. Все в Мидьяте помнят тот скандал, но никто не знал подробностей.

Мустафа стыдливо отвёл глаза. Пусть он и поддержал сестру, этот позор всё равно остался с ним — липкий, несмываемый. Он стал его тенью: шёл за ним по пятам, дышал в

затылок, не давал забыть. В Стамбуле, огромном и равнодушном городе, где никому не было дела до чужих историй, его никто не осуждал и не задавал лишних вопросов. Но здесь, дома, всё было иначе. Здесь каждое имя было на слуху, каждая семья — на виду. И Мустафа хорошо это понимал.

— Я понял, — сказал Альп, заметив, как потемнело лицо друга. — Не отвечай. Я снял вопрос. Но я так и не понял, почему та свадьба не состоялась. Что случилось в тот день?

— Хакан изменил Лале, — твёрдо ответил Мустафа, и в голосе его звякнула сталь. — За несколько минут до никяха. Она увидела это своими глазами. Мы не могли остаться.

— Да уж, — протянул Альп, покачав головой. — Вот, значит, как. А я-то думал — Он осёкся и замолчал, а потом спросил тише: — И как же вы жили там? Одни, без денег, без поддержки?

Мустафа тяжело вздохнул. Он вспомнил те ужасные дни — серые, бесконечные, когда он был единственной опорой для сестры, хотя сам разваливался на части, трещал по швам, но не мог себе позволить сломаться.

— Пока малышка не родилась, я работал практически сутками. Разгружал в порту контейнеры в две смены — знаешь, такие железные коробки, тяжёлые, как сама жизнь. Приходил домой и падал без ног. Беременность у Лале была тяжёлая, её постоянно тошнило, слабость, давление скакало — приходилось возить её в больницу, тратить последние деньги на врачей. А потом, когда малышка родилась, — Мустафа прикрыл глаза, — я работал ещё больше. Детское питание, одежда, подгузники и прочие хлопоты — я и не думал, что это всё так дорого. Ещё куча лекарств, витамины. Иногда нам не хватало даже на хлеб. Представляешь? На обычный хлеб.

Мустафа едва не расплакался. В горле встал ком — тугой, горячий, и он с трудом сглотнул его. Но сжал челюсть до скрипа, сжал кулаки — ногти впились в ладони — и продолжил:

— Потом Лале заболела. Сильно. Я сидел с малышкой, не мог выйти на работу, и в итоге потерял её. Мы много месяцев голодали, кое-как удавалось купить для Ирем детское питание — самое дешёвое, в разведённом виде. А сами ели что придётся. Иногда — ничего. — Он замолчал на секунду, переводя дыхание. — И все эти тяготы длились семь лет. Семь лет я не жил, а выживал. Я столько раз звонил отцу, когда не оставалось сил жить. Когда казалось, что всё, край. Но он ни разу не ответил. Ни разу. Не простил.

Альп тяжело вздохнул. Он смотрел на друга и видел перед собой не того Мустафу, которого помнил, — смешливого, уверенного в себе парня, сына богатого аги. Перед ним сидел измученный мужчина, прошедший через такие испытания, о которых Альп мог только догадываться. И что-то в его сердце дрогнуло.

— Я могу дать тебе работу, Мустафа, — сказал он тихо, почти буднично. — Я сейчас управляю небольшим таксопарком. Ничего особенного, но на хлеб хватает. Могу дать тебе на время одну из машин. Будешь возить пассажиров, зарабатывать.

Мустафа не верил собственным ушам. Он медленно поднял взгляд на друга и вдруг увидел не сурового, колючего мужчину, который час назад вошёл в ворота с холодом в глазах. Он увидел старого друга. Того самого парня, с которым они делили юность, мечты и бесконечные разговоры под звёздами. Того, кто когда-то называл его братом.

— Альп — выдохнул он, но слов больше не нашлось.

Тем временем в особняке Улусой взрослые сходили с ума от детских криков. Голоса, пронзительные и отчаянные, разносились по всему дому, отражались от высоких потолков, проникали в каждую щель. Двое детей — Ирем и Мурат — закрылись в комнате изнутри и никого не пускали. Дверь была заперта на маленький, хлипкий крючок, но для взрослых она сейчас казалась неприступной крепостью. Ирем, захлёбываясь слезами, плакала по маме, а Мурат, вооружившись игрушечным мечом, возомнил себя защитником маленькой сестры.

— Я никого не пущу, пока не придёт мама моей сестры! — кричал он сквозь дверь, и голосок его звенел от решимости. — Никого!

— Сынок, — пыталась сохранять спокойствие Эсин, хотя внутри у неё всё дрожало, — открой дверь, пожалуйста. Ведь Ирем страшно одной, я успокою её, обещаю. Мы вместе попьем чай с печеньем.

— Нет, мама, — отрезал маленький ага тоном, каким, наверное, разговаривал его дед. — Приведите тётю Лале! Или мы не выйдем!

Стоящие за дверью Эсин и Омер в страхе переглянулись. Взгляд у обоих был растерянный, лихорадочный. Если отец услышит этот шум, если узнает, что внучка рыдает и зовёт мать, он может просто приказать Хазару выбить дверь — и будь что будет. И тогда начнётся такое, что и представить страшно. Эсин достала телефон дрожащими руками и увидела на экране непрочитанное сообщение от сестры — то самое, утреннее: «Как там моя девочка?». Не раздумывая больше ни секунды, она набрала её номер.

— Лале, дорогая, — зашептала Эсин, прикрывая трубку ладонью, — ты можешь приехать в особняк? Сейчас?

— Что случилось? — голос Лале сорвался, и в нём послышался ледяной страх. — Что-то с моей дочкой? Ради Бога, Эсин, скажи!

— Они с Муратом закрылись в комнате. Требуют, чтобы ты приехала. Ирем плачет, зовёт тебя. Мы не можем их оттуда вытащить.

Лале тут же сказала, что уже выходит, и бросила трубку, не попрощавшись. Только короткое «я еду» — и гудки.

— Ты зря позвала её, — сказал Омер, потирая переносицу. — Твой отец выгонит нас всех, когда увидит её здесь. Ты же знаешь его нрав.

— Всё нормально, Омер, — отмахнулась Эсин, хотя голос её всё ещё дрожал. — Отец сейчас уедет в свою любимую лавку и не вернётся до обеда. Он всегда так делает по вторникам.

— А твоя мама? Эла-ханым? Она ведь дома.

— А мама будет молчать, — Эсин бросила быстрый взгляд в сторону лестницы, — если не хочет в очередной раз познать отцовский гнев. И если не хочет, чтобы дети просидели тут до конца веков, заливая слезами подушки.

Лале ворвалась в особняк через полчаса. Запыхавшаяся, раскрасневшаяся, в том самом платье, в котором была тут вчера. Волосы растрепались на ветру, но она этого даже не замечала. Благо, к этому времени отец уже укатил в город, Хазар и Церен уехали следом, а Омер ушёл последним — он как раз застёгивал пиджак у выхода и успел увидеть в дверях обеспокоенную сестру жены. Кивнул, поздоровался сдержанно и вышел, оставив их одних.

— Лале! — тихонько подозвала Эсин со второго этажа, свешиваясь через перила. — Сюда, быстрее!

Девушка взлетела по лестнице, не чуя под собой ног. Тихонько, на цыпочках, подошла к двери и осторожно постучала костяшками пальцев. От страха за дочь она машинально схватила Эсин за руку и сжала так, что сестра едва не вскрикнула.

— Дети, откройте дверь. Ирем, доченька! — голос Лале дрожал, срывался.

— Это точно ты, тётя Лале? — послышался из-за двери строгий, недоверчивый голосок Мурата.

— Да. Это я, Мурат. Открой, пожалуйста, мой хороший. Это я, честное слово.

Послышался щелчок — крючок отодвинули. Дверь со скрипом медленно отворилась, и из щели показались две детские мордочки: заплаканная, красная, с мокрыми дорожками на щеках — Ирем, и насупленная, решительная — Мурата. Лале тут же прошмыгнула внутрь, опустилась на колени прямо на мягкий ковёр, раскрыла объятия и дочка бросилась к ней, вжалась всем телом, обхватила ручонками за шею. Лале прижала её к себе так крепко, что девочка пискнула, но не отстранилась, а только сильнее прижалась. Эсин зашла следом, быстро

оглядела комнату — игрушки разбросаны, подушки свалены на пол — и предусмотрительно заперла дверь изнутри.

— Мурат, ну что же ты устроил? — с укоризной, но без злобы сказала Эсин, упирая руки в бока.

— Не ругайте его, — шмыгнула носом Ирем, отрываясь от материнского плеча. Её голос был ещё влажным от слёз. — Это я сказала, что скучаю по маме. Он просто помогал мне. Он хороший.

Тогда Лале ещё крепче прижала дочку к груди и едва не разрыдалась сама. Только усилием воли сдержалась. Нельзя. Не сейчас. Не при них.

— Мама, не уходи, — прошептала Ирем, заглядывая ей в глаза. — Пожалуйста. Я буду хорошо себя вести. Я всё буду делать, что скажут. Только не уходи опять.

Сердце Лале снова разрывалось на куски — в который раз за эти дни. Эта маленькая девочка, которая была для неё центром вселенной, смыслом всего, смотрела своими огромными чёрными глазами и просила о невозможном. Лале не могла остаться. Не могла. Она успокоила дочку — тихими словами, объятиями, поцелуями в мокрые щёки, — уложила её в постель, укрыла пледом и тихонько запела колыбельную. Ту самую, что пела ещё в крошечной стамбульской квартирке, когда за окном шумел дождь. Малышка всегда засыпала, когда мама ей пела. И сейчас тоже — веки её отяжелели, дыхание стало ровным, ручка, сжимавшая материнский палец, ослабла.

Так Лале, оставив своего спящего ребёнка, тихонько, словно тень, выскользнула из особняка. Убедилась, что никто её не видел: ни Нурай, ни помощницы, ни тем более мать. Вышла за ворота, завернула за угол — туда, где высокая каменная стена скрывала её от чужих глаз, — присела на корточки, обхватила голову руками и горько, беззвучно заплакала. Плечи её вздрагивали, а из груди вырывался только тихий, сдавленный стон. Чтобы никто не слышал. Никто.

Глава 5

Лале вернулась домой спустя несколько часов. Она открыла дверь квартиры тихо, почти крадучись, хотя знала, что Мустафы ещё нет. Заглянув в настенное зеркало в тёмном коридоре — старое, с мутным стеклом и потрескавшейся рамой, — она ужаснулась. Замерла и не могла отвести взгляд. Она и раньше выглядела досадно, знала это, но после истерики, которая случилась с ней там, за углом особняка, всё стало только хуже. Ей было всего двадцать пять, а выглядела она как уже матёрая, прожившая тысячи бед женщина, уставшая от всего на свете. Синяки под глазами — тёмные, глубокие, словно она не спала неделями. Морщины от слёз прорезались в уголках глаз тонкими, но уже заметными линиями. Кожа бледная, почти серая, волосы потускнели. Она даже не могла гордо поднять подбородок, когда рассматривала себя, — и от этого становилось ещё горше.

Но Лале знала: нужно быть сильной. Знала: нужно держаться, стиснув зубы. Знала, что другого пути нет. Только вот ей было так плохо — внутри всё ныло, — а ещё и голодно, что она едва переставляла ноги. Желудок сводило от пустоты, во рту пересохло. И денег у неё не было даже на чашку самого дешёвого чая и простой симит с кунжутом — тот самый, что продают на каждом углу.

Лале расчесала волосы — медленно, собирая их в небрежный пучок, — поправила платье, разгладила ладонями ткань. Вышла во двор и глубоко, полной грудью вдохнула вечерний воздух. Он был густой, душный, пахло пылью и нагретым за день камнем. Предстояло идти пешком до центрального базара и там искать работу. Ей однозначно нужна была работа — любая, хоть какая-нибудь, лишь бы не сидеть сложа руки и не сходить с ума от мыслей.

Дойдя до центра города пешком, она уже изрядно устала. Ноги гудели, пот тёк ручьём по лбу, по вискам, капельки скатывались по шее, и она то и дело вытирала лицо ладонью. Но вот — знакомая арка, увитая виноградом, узкая улочка, с которой начинался базар «Чарша». Сердце на мгновение сжалось. Когда-то сюда её приводила мать. Они шли вдвоём, держась за руки, вдыхая густой аромат пряностей — зиры, корицы, шафрана, — аромат сладкого чая и только что сваренного кофе, что доносился из соседней кофейни. Продавцы узнавали маленькую Лале, улыбались, трепали по щеке, угощали спелыми фруктами — абрикосами, инжиром, — и рассыпчатой пахлавой, тающей на языке. И тогда маленькая Лале была безмерно счастлива, шагая по этим камням и крепко держа мамочку за руку.

Но теперь она была одна.

Теперь она шла, вдыхая всё тот же знакомый запах и разглядывая знакомые палатки и магазинчики, но не испытывала того, что раньше. Тепло исчезло. Осталась только тревога. Дойдя до одного из магазинчиков — маленького, но уютного, где пожилая женщина по имени Дерия торговала овощами и фруктами, раскладывая их ровными горками, — Лале остановилась. Здесь собралось несколько покупателей: две женщины в платках набирали в сумки румяные персики и звонко обсуждали цены. Лале покорно отошла в сторону, подождала, пока они расплатятся и уйдут, и только потом встретила взглядом с Дерией. Сердце стучало где-то в горле.

— Здравствуйте, тётя Дерия, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Женщина сначала не узнала. Она прищурилась — глаза у неё были уже не те, что в молодости, — начала вглядываться в лицо Лале, медленно осмотрела её с ног до головы: простое платье, уставшее лицо, потускневшие глаза. А потом глаза её округлились, и она отшатнулась, словно увидела призрака.

— Лале? — с ужасом выдохнула она.

Девушка кивнула. На секунду её лицо накрыла робкая, осторожная улыбка. Ей показалось — всего на мгновение, — что тётушка Дерия, с которой раньше дружила её мать, с кото-

рой они вместе пили чай и обсуждали детей, примет её. Поймёт. Поможет. Ну или хотя бы не прогонит.

— Пошла вон.

Лале вздрогнула, будто её ударили.

— Простите? — переспросила она, не веря своим ушам.

— Уходи отсюда, чертовка, — Дерия повысила голос, и он сорвался на визг. — Если не уйдёшь сейчас же, я позвоню твоему отцу! Как ты посмела вернуться сюда, опозорив весь Мидьят?!

Дерия схватила за ящик с помидорами — теми самыми, что лежали на прилавке, спелые, красные, — выхватила один и швырнула в девушку. Помидор врезался Лале в грудь и разлетелся алыми брызгами. Нежного цвета платье тут же окрасилось в красный, и по ткани расплылось уродливое пятно. Лале в страхе попятилась, выбежала на улицу, едва не споткнувшись о булыжник.

Её унизили. Снова. Как вчера. Как всегда.

Но Лале не стала плакать. Она закусил губу до боли, убрала рукой с платья остатки помидора — липкие, пахнущие кислым соком, — и пошла дальше. В таком убогом виде, с пятном на груди и растрёпанными волосами, она вошла ещё в один магазин. Старик Махмут, державший лавку специй, тоже выставил её — замахал руками, закричал, чтобы не позорила его седины. Потом её выставили и в двух других: одна женщина плюнула ей под ноги, другая просто молча указала на дверь. С позором, с криками, с оскорблениями, которые жгли хуже пощёчин. Лале выходила из каждой двери, и спина её оставалась прямой, а внутри всё съеживалось в комок.

Но Лале шла дальше. Ноги уже едва слушались, в висках стучало, но она упрямо переставляла их — шаг за шагом. Она уже вышла на центральную часть базара, где не было больших магазинов, а лишь крошечные лавки стариков, притулившиеся друг к другу, словно ласточкины гнёзда. Здесь продавали ткани — шёлк, хлопок, муслин — и за лёгкими, колышущимися от ветра балдахинами прятались уютные ателье. Туда Лале и направилась — в тот ряд, которого она раньше не замечала, куда не забредала с матерью в детстве. Туда, где её не знали в лицо.

Она прошла вдоль рядов, разглядывая вывески, и вдруг увидела на стене одной из лавок пожелтевшее от времени объявление: «Требуется помощники». Буквы были выведены от руки, неровные, но старательные. Лале, не раздумывая ни секунды, отодвинула лёгкую занавеску и вошла внутрь.

Внутри было тесно, но как-то по-особенному уютно. Пахло пылью, старой бумагой и сухими травами. Ткани были повсюду: они занимали весь стол — рулоны шёлка громоздились друг на друге, — свисали с потолка, как разноцветные знамёна, лежали на стульях, выглядывали из открытых коробок. В воздухе плавали крошечные ворсинки, танцующие в луче света, что пробивался сквозь щель в шторе. За маленьким столиком, склонившись над шитьём, сидела пожилая женщина — явно старше семидесяти. Её пальцы, хоть и узловатые, двигались ловко и привычно: иглолка ныряла в ткань и выныривала обратно.

— Здравствуйте, — сказала Лале, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

Женщина подняла голову, отрываясь от шитья, и поправила очки на носу рукой, в которой всё ещё держала иглолку. Она прищурилась, разглядывая незваную гостью.

— Здравствуйте, — ответила она низким, чуть скрипучим голосом.

— Я увидела объявление, — Лале кивнула в сторону вывески. — Вам требуется помощник?

Женщина удивлённо заморгала, словно Лале была первой, кто зашёл в эту лавку за много лет. Её морщинистое лицо, похожее на печёное яблоко, вдруг озарилось улыбкой — мягкой, почти трогательной. Она медленно встала, поправила съехавший платок, одёрнула простенькое ситцевое платье.

— Требуются! — воскликнула она, и в голосе её прозвучала радость. — Очень не хватает лишней пары рук. Вот, сама видишь, — она обвела рукой помещение, указывая на царящий повсюду балаган: рулоны вперемешку с обрезками, нитки на полу, стопки заказов, придавленные ножницами. — Нужно будет убираться, приносить ткани со склада, иногда закупать материал на базаре и разносить готовые заказы. Работа не пыльная, но хлопотная. Хочешь устроиться?

Лале даже не дослушала до конца. В груди у неё вспыхнуло что-то горячее, похожее на надежду.

— Да! — вырвалось у неё раньше, чем она успела подумать. — Хочу! Очень хочу!

— Меня зовут Гюнай, — представилась женщина, и голос её прозвучал мягко, почти домашнему. — А как тебя, дочка?

Лале на секунду замешкалась. Имя застряло в горле, как рыбья кость. Она боялась произносить его вслух — теперь, после всего, оно звучало как приговор. Не только для неё самой, но и для любого, кто его услышит. Стоит сказать «Лале Улусой» — и лицо человека переменится, как переменялось лицо тётушки Дерии, старика Махмута и всех остальных. Но врать она не хотела.

— Меня зовут Лале, — сказала она, стараясь не отводить взгляд.

Но женщина просто кивнула. Ни её глаза, ни голос не дрогнули. Имя ничего ей не сказало.

— Лале, — повторила Гюнай, пробуя его на вкус, и кивнула снова. — Красивое имя. Ну что, тогда, может, сегодня и начнёшь? Время не ждёт, а работы у меня — сама видишь. Нужно прибраться в лавке и принести со склада рулон нежно-голубой ткани — такой, знаешь, цвета утреннего неба, — и кружево. Тонкое, турецкое, чтобы край не сыпался.

Так Лале и начала работать. Сразу, без отдыха, не успев даже перевести дух. Она двигалась быстро и ловко, словно всю жизнь только этим и занималась: собрала с пола все выпавшие рулоны, аккуратно рассортировала их по цветам и материалу — шёлк к шёлку, хлопок к хлопку. Подмела пол старой, выдавшей виды метлой, вытерла пыль с подоконника, со стола, с рамок на стене. Руки её делали привычную работу, а в голове крутилась только одна мысль: «Меня не выгнали. Меня не выгнали. Я здесь, я работаю, и меня не выгнали».

Когда в лавке стало заметно чище и светлее, Лале замерла на мгновение, собираясь с духом. Голод скручивал желудок тугим узлом, и перед глазами уже плыли тёмные пятна.

— Простите, госпожа Гюнай, — тихо произнесла она, подходя к женщине. — Не могли бы вы дать мне двадцать лир? Совсем немного. Я очень сильно голодна. Я верну, честное слово, отработаю

Женщина охнула, всплеснув руками. Она посмотрела на Лале — на её бледное лицо, на синяки под глазами, на пятно от помидора, так и застывшее на платье, — и в её старых глазах мелькнула такая материнская жалость, что у Лале защемило сердце. Гюнай молча полезла в пухлый, потёртый кошелек, покопалась там и достала купюру в пятьдесят лир — новенькую, хрустящую. Протянула девушке.

— Держи, дочка. И не вздумай возвращать. Купи себе нормальной еды, горячей. И поешь как следует, слышишь? А то смотреть на тебя страшно — один ветер внутри.

Тем временем Искандер Улусой приехал в офис, чтобы просмотреть отчётность и просто поздороваться с сотрудниками. Этот старый, почти священный ритуал позволял ему не просто отвлечься от домашней суеты и, теперь особенно, от тяжёлых мыслей о вернувшихся детях и о маленькой внучке, что сейчас была в особняке под присмотром Эсин. Этот ритуал помогал аге понять: он всё ещё нужен в этом мире. Что его империя жива, что колёса крутятся, что люди ждут его слова, его взгляда, его одобрения. Водитель открыл перед мужчиной дверь автомобиля, и ага, тяжело опираясь на трость из тёмного дерева, с серебряным набалдашником

ком, вышел перед дверьми своего офиса «Ткани Улусой». Вывеска блестела на солнце, и на мгновение его лицо накрыла улыбка, едва заметная, но искренняя.

На входе его встретила молодая красавица Айше — администратор, которую он лично нанял пару лет назад. Дочь одного из знакомых.

— Господин Искандер, добро пожаловать! — прошептала она, сверкнув белоснежной улыбкой. — Подать вам кофе в кабинет?

— Подай, дочка, — кивнул ага. — И скажи Хазару, чтобы зашёл ко мне. Есть разговор.

— Хазар-бей ещё не приходил в офис, — осторожно ответила Айше, чуть понизив голос.

Ага удивился. Хазар ведь уже должен быть на работе — часы показывали почти вечер, и солнце клонилось к закату. Куда он запропастился? Неужели опять?.. Но Искандер ничего не сказал, только сжал челюсть и молча кивнул. Он прошёл к лифту, и там его уже ждал Балкан — его личный помощник, человек, которому ага был готов доверить даже собственную жизнь, но пока ограничивался помощью в офисе. Они поздоровались крепким, мужским рукопожатием, как равные, хотя Балкан был ненамного старше Хазара — всего-то на пару лет. Вошли в лифт, и двери мягко закрылись за ними.

— Ты знаешь, где шляется мой сын? — спросил Искандер, глядя перед собой.

— Не знаю, господин, — сдержанно ответил Балкан.

— А эта — мужчине вдруг стало неприятно, что он впервые произнесёт это имя вслух, перед кем-то ещё. — Пембе в офисе?

— Пембе-ханым? — Балкан чуть приподнял бровь. — Кажется, она в кабинете. Я видел её час назад.

— Нужно её уволить, — твёрдо, без тени сомнения сказал ага. — И не спрашивай зачем и почему. Просто сделай.

Балкан кивнул. Не в его праве задавать взрослому человеку, тем более его начальнику, лишние вопросы. Господин Искандер взял его на работу много лет назад, когда у Балкана были сильные трудности: безденежье, долги, больная мать на руках. Он вырос из простого водителя буквально в партнёра — в личного помощника, который фактически управлял офисом, пока хозяин отсутствовал. Даже у Хазара — родного сына аги — не было таких полномочий, какие Искандер передал Балкану.

— Сегодня же будет готов приказ об увольнении Пембе-ханым, — просто, без лишних эмоций сказал мужчина.

Двери лифта открылись. Они вышли на втором этаже, и ага сразу направился в свой кабинет — просторный, с панорамным окном, выходящим на старый город. Балкан открыл перед ним дверь, пропуская вперёд, а после молча удалился выполнять поручение. Шаги его затихли в коридоре.

Искандер тяжело опустился в своё кожаное кресло — оно скрипнуло, принимая его вес, вытащил из ящика стола пухлые папки с бумагами. Отчёты прошлогодней давности, пожелтевшие документы о поставках, счета, чеки и прочее, до чего у него никак не доходили руки. Он крутил эти бумаги и так и эдак, но никак не мог сосредоточиться. Он не мог доверить эту работу Хазару — слишком уж тот был ветреным в последнее время. Как не мог взвалить всё и на Балкана — у того и без бумаг забот хватало. Но раньше — раньше! — он думал, что всем этим будет заниматься Мустафа. Его любимый Мустафа, такой чистый и светлый мальчик, в котором он ни капли не сомневался. Способный, с острым умом и добрым сердцем. Он должен был стать наследником всей империи, но выбрал побег. Выбрал сестру. Выбрал не его.

Искандер сегодня толком не спал. Стоило закрыть глаза и перед ним вставала одна и та же картина, яркая, как живая: двое его любимых близнецов застыли на пороге особняка, а рядом маленькая Ирем, испуганная, с чёрными кудряшками и розовыми бантиками. А потом он их выставил. Собственноручно. Потому что не мог иначе. Потому что отец с детства воспитывал

в нём честь — ту самую, непоколебимую, суровую мужскую честь, что не гнётся и не даёт трещин. И даже собственные дети не могли изменить этот устой. Даже они.

Дверь кабинета тихо скрипнула. Айше, ступая почти неслышно, вошла и поставила перед агой поднос: джезва с дымящимся кофе, изящная фарфоровая чашка на блюде и тарелочка с восточными сладостями — рахат-лукум, присыпанный сахарной пудрой, и маленькие кусочки пахлавы.

— Что-то ещё для вас, господин? — спросила она, и голос её прозвучал почтительно, но тепло.

— Нет. Ступай, дочка. Спасибо.

Айше вышла так же тихо, как и появилась, прикрыв за собой дверь. В кабинете снова воцарилась тишина — только часы на стене мерно отсчитывали секунды. Ага взял чашку с ароматным кофе, поднёс к губам, вдохнул горьковатый, насыщенный запах кардамона — и вдруг замер, так и не сделав глотка. Перед глазами всплыло лицо его маленькой Лале. Какой же вкусный кофе она всегда варила по утрам с особым, только ей известным секретом, и сама подносила ему перед завтраком, улыбаясь, с чашкой на маленьком серебряном подносе. Как часто они сидели вдвоём в саду, пока все ещё спали, и разговаривали обо всём на свете. Лале, укутанная в плед, с сонными глазами, рассказывала ему свои девичьи секреты, а он слушал и думал: как же ему повезло. Тогда ему казалось, что так будет всегда. Что эти утренние минуты — его законная награда, его маленькое отцовское счастье, и никто не в силах его отнять.

Даже когда к Лале пришли свататься — семья Узуноглу, шумная, богатая, уверенная в себе, — он, как любящий отец, несколько раз отводил дочь в сторону и спрашивал, глядя ей прямо в глаза: «Будешь ли ты с ним счастлива? Хочешь ли ты замуж? Только скажи и я откажу им, никто тебя не осудит». И ведь Лале всегда улыбалась, смотрела на него своими сияющими глазами и отвечала: «Да, папа. Я хочу. Я люблю его». А он, глупый, верил. А сам не хотел, чтобы она уходила. Не хотел, чтобы дочь покинула его так быстро! Он не успел насладиться её присутствием, её смехом, её голосом. И, как оказалось, больше никогда не успеет.

Искандера снова вырвал из тяжёлых, вязких мыслей звук открывающейся двери. В кабинет вошёл Хазар — быстрым шагом, слегка запыхавшийся, с растрёпанными волосами, что было совсем на него не похоже.

— Папа, ты звал меня? — спросил он, стараясь выровнять дыхание.

— Где ты был? — тяжело вздохнул ага, окидывая сына строгим взглядом. — Почему ты не на рабочем месте? Я приехал — тебя нет, Айше разводит руками. Что происходит, Хазар?

— Мне позвонила Церен, папа, — ответил сын, и голос его дрогнул. — Ей вдруг стало плохо. Прямо посреди дня. Вот я и рванул в магазин, чтобы быть с ней рядом. Она еле держалась на ногах.

— Что с ней случилось? — беспокоился ага, и голос его смягчился. Церен он любил — может, даже больше, чем собственного сына.

— Голова закружилась, папа. Но сейчас всё в порядке, — Хазар выдохнул, провёл ладонью по волосам. — Давление просто упало. Ты же знаешь, у неё часто так бывает. Слабость, головокружение Она прилегла, и я сразу поехал обратно.

Искандер немного успокоился и кивнул, откинувшись в кресле.

— Скажи мне, Хазар, — он пристально посмотрел на сына, — ты уже поговорил с директором школы?

— По поводу Ирем? — уточнил Хазар, хотя и так всё было понятно.

— Да. По поводу Ирем.

— Ещё нет, отец. — Хазар покачал головой. — Пусть девочка немного отдохнёт, привыкнет. Она ведь сейчас в новом доме, с новыми для неё людьми. Да ещё и без матери. — Он сделал паузу, но договорил, хоть и видел, как напряглось лицо отца. — Ей и так тяжело. Школа подождёт пару дней.

На душе у аги заскребли кошки. Острыми когтями, противно, до тошноты. Он понимал, что оторвал дочь от матери. Понимал — и всё равно не мог поступить иначе. Честь семьи. Слово аги. Нарушить их — значило нарушить самого себя. Поэтому он просто кивнул.

— Ещё по поводу той секретарши — начал было Искандер, но Хазар перебил, не дав договорить:

— Больше не повторится.

Голос его прозвучал глухо, но твёрдо.

— Конечно, не повторится, — холодно ответил отец. — Скоро её тут не будет.

— Что ты сделал? — Хазар встрепенулся, и в его глазах мелькнул испуг.

— Я увольняю её.

— Отец, но зачем лишать человека работы? — Хазар шагнул ближе к столу. — Это мои ошибки! Мои, а не её. Накажи меня! Я виноват, я и отвечу.

Ага ударил кулаком по столу так, что чашка с кофе жалобно звякнула, а бумаги подпрыгнули.

— Я не могу уволить тебя! — рявкнул он, и голос его прогремел, как гром. — Но больше вы не должны пересекаться. Ни в офисе, ни за его пределами. Ты меня понял?

Хазар хотел было сказать: «Конечно, папа, ты не можешь меня уволить. Ты можешь лишь всем своим поведением показать, что я для тебя самый презренный ребёнок. Что даже Балкан — чужой человек — для тебя важнее, чем я». Слова эти жгли ему язык, рвались наружу, горькие и острые, как осколки. Но он промолчал. Просто кивнул коротко, сжав челюсти, развернулся и вышел из кабинета, громко захлопнув за собой дверь.

Ближе к ночи, когда Мустафа и Алып уже довольно о многом переговорили — о прошлом, о настоящем, о том, что случилось за эти семь лет, и даже успели договориться о завтрашней встрече в таксопарке, Лале уже была дома. Она сидела в кресле в пустом зале, смиренно сложив руки на коленях, и ждала возвращения брата. За окном стусилась темнота, в комнате горела только одна тусклая лампа, и в её жёлтом свете лицо Лале казалось почти прозрачным.

Мустафа вернулся, тихо прокрутил ключ в замке, стараясь не шуметь, — боялся разбудить, если сестра вдруг уснула. Но, войдя и увидев, что Лале вовсе не спит, а смотрит на него своими большими, уставшими глазами, сразу расслабился. Плечи опустились, дыхание выровнялось.

— Ты чего не спишь? — спросил он, ставя на пол два увесистых пакета.

— Жду тебя, братик, — она поднялась с кресла, потянулась. — Что в пакетах?

— Здесь продукты, — он кивнул на белый, — а вот здесь одежда для тебя.

Лале смущённо улыбнулась, но не стала сразу заглядывать в пакет с вещами — успеет ещё. Взяла только продукты и отнесла на кухню, где принялась раскладывать их по пустым полкам: овощи, крупы, пакет кофе и коробка чая, свежий хлеб с хрустящей корочкой. Руки её двигались машинально, а в голове крутилось всё пережитое за день.

— Ты сможешь завтра приготовить обед? — крикнул из зала Мустафа.

— Я приготовлю сейчас, — отозвалась она, включая плиту.

— Сейчас? — он появился в дверном проёме и удивлённо приподнял бровь. — А что такое? Что за спешка?

— Я устроилась на работу, — Лале обернулась к нему, и на её лице расцвела улыбка. — Помощницей в ателье. На базаре. У одной пожилой женщины, её зовут Гюнай.

И тут взгляд Мустафы упал на её платье — на то самое алое пятно, что расплылось по ткани уродливой кляксой. Глаза его вмиг округлились, стали тёмными.

— Скажи мне, что ты просто испачкалась, — медленно, с нажимом произнёс он.

Лале отвела глаза, уставилась в стену.

— Мы же знали, что нас не примут. Не только дома, но и в городе. Я была готова.

— Кто посмел тебя обидеть? — голос брата понизился до опасного шёпота — так бывало всегда, когда он злился по-настоящему.

— Брат, всё правда нормально, — она подошла и мягко коснулась его руки. — Это сделала одна старушка, ты же не станешь вредить пожилой женщине? Просто помидор. Пятно отстирается, а моя гордость — она помедлила, — почти не пострадала.

Мустафа тяжело вздохнул, разжал кулаки. Помолчал, а потом спросил, глядя в пол:

— Как там малышка?

Лале присела на край стула, и лицо её сразу изменилось — стало мягче, но в то же время тревожнее.

— Ох, Мустафа, сегодня кое-что случилось. Перед тем как я пошла на базар, позвонила Эсин. Сказала, что Мурат и Ирем закрылись в комнате и никого не пускали. Представляешь? Пока я не приехала, дверь не открыли. Наша девочка так плакала. Так плакала, что я слышала её через трубку.

Сердце Мустафы сжалось в груди — резко, болезненно. Ему до боли захотелось увидеть это чудесное детское личико, эти огромные глаза и чёрные кудряшки. Ведь он так привык, что вот они — трое. Всегда. Вместе.

— Ладно, Лале, не грусти. — Он заставил себя улыбнуться. — У меня тоже новости. Я теперь тоже буду работать. Альп помог.

— Альп? — Лале удивлённо подняла брови. — Он живёт всё там же? С тётей Аксой?

Мустафа кивнул. Лале насыпала в турку кофе, залила водой и поставила на огонь.

— Да. Много говорили с ним. Он и о тебе спрашивал. Если всё пойдёт хорошо, встретимся как-нибудь все вместе на обед: мы с тобой и Ирем, он с женой и их сын.

— Что ты почувствовал? — вдруг спросила Лале, пристально глядя на брата. — Когда его увидел? Тебе стало легче? И как его жена, хорошая?

Мустафа усмехнулся — коротко, с горчинкой.

— Его жена отчитала меня как мальчишку за то, что я пропал. Так и сказала: «Тот самый Мустафа, который бросил моего мужа». А что я почувствовал — он замолчал на секунду, подбирая слова. — Тоску, сестра. Такую тоску, что дыра в душе разверзлась с новой силой. Словно и не было этих семи лет. Словно я снова тот мальчишка, что сбежал, ни с кем не попрощавшись. И теперь за это расплачиваюсь.

Глава 6

Хакан Узуноглу — мужчина, созданный словно из стали, безразличия и неприязни ко всем, кроме его собственной семьи, — вернулся в Мидьят спустя много лет. Один. Без беременной жены, оставшейся в Стамбуле под присмотром сиделок и личной охраны, без друзей, без свиты. Только он, его чёрный джип и его непоколебимая уверенность в том, что весь мир принадлежит ему по праву.

Он въехал на территорию особняка сквозь высокие кованые ворота, которые услужливо распахнул охранник. Чёрный, матовый внедорожник мягко заурчал, остановившись. Хакан вышел из машины — высокий, широкоплечий, в тёмно-синем костюме, что сидел на нём как влитой, сшитый на заказ у лучшего портного Стамбула. Идеальная укладка тёмных волос, аккуратно подстриженная борода — ни волоска лишнего. Он выглядел на фоне пыльных мидьятских улиц и старых каменных домов совсем чужеродно — белой вороной, хищником, случайно забредшим в провинциальную тишину. Но сам он себя таковым не считал. Хакан уже давно возвышал себя над другими, считал себя лучше, умнее, значительнее всех вокруг. И весь его вид кричал об этом.

Он небрежно подхватил пальцем пакеты с вещами от дорогих брендов и направился вглубь двора. Во дворе его первой встретила Айгуль — помощница матери, уже немолодая женщина с усталыми глазами и натруженными руками. Она улыбнулась ему той самой, дежурной улыбкой, на какую была способна женщина, в глубине души боявшаяся этого мужчину. И ведь Хакану это даже польстило. Он широко, почти по-звериному улыбнулся в ответ, сверкнув зубами, и прошёл мимо, даже не поздоровавшись.

Мать и отчима он заметил у фонтана — они сидели на старом каменном диванчике, укрытые тенью раскидистого платана. Басар и Карабарс о чём-то негромко переговаривались и даже не сразу заметили, что сын вернулся. Хакан бесшумно приблизился сзади и вдруг положил обе руки на плечи матери.

Она подскочила на месте, охнула, обернулась, и лицо её вмиг осветилось радостью.

— Мой сыночек! Ох, Боже, мой мальчик вернулся!

Хакан позволил матери обнять себя — она стиснула его в объятиях с неожиданной для такой хрупкой женщины силой. Он ответил ей коротко, почти формально, и отстранился. Подошёл отчим — Карабарс поднялся с диванчика тяжело, опираясь на резную трость. Хакан протянул ему руку, но старик не ограничился рукопожатием: притянул пасынка к себе за локоть и сильно, по-мужски похлопал по спине.

— Наш лев вернулся, — пророкотал он низким, прокуренным голосом, и в глазах его мелькнуло нечто похожее на гордость.

Хакан удивился тому, как сильно за год изменился Карабарс. Он и раньше, в силу возраста и своей тёмной сферы деятельности, выглядел паршиво — жизнь не щадила его. Но теперь лицо старика украшало ещё больше шрамов: один тянулся через бровь, другой — от виска к подбородку, третий терялся где-то под воротником рубашки. Волосы совсем поседели и поредели, так что мужчина теперь стригся практически налысо, и на солнце блестела его загорелая, покрытая старческими пятнами кожа. Но мать не изменилась. Всё такая же худая, прямая, красивая женщина с гордой осанкой, укрытая платками и платьями в тёмных тонах — чёрный, тёмно-синий, глубокий бордовый. Только в волосах прибавилось серебра, но оно её не старило, а придавало благородства.

— Как же так, Хакан? — удивлённо заморгала мать, рассматривая сына с головы до ног, будто не веря, что он стоит перед ней живой и настоящий. — Такой красивый мой сынок приехал, но без жены. Где же Афет? Почему ты один?

— Осталась в Стамбуле, — слегка грубо ответил сын, дёрнув плечом. — Негоже ей на шестом месяце шататься по городам, трястись в самолётах. Пусть сидит дома и бережёт наследника.

Он произнёс это без капли тепла — так, словно говорил о какой-то вещи, а не о женщине, носившей под сердцем его ребёнка. Хакан не любил Афет. Она была дочерью его партнёра по бизнесу — человека влиятельного, с которым нужно было породниться. Сначала заключили брак, красивый, шумный, с сотнями гостей, а затем и очень выгодный контракт, который увеличил состояние Хакана практически вдвое. Ради такого он был готов терпеть и Афет с её капризами, и этого будущего ребёнка, которого она так ждала. Терпеть, но не любить. Никогда.

Но настоящий ужас Хакана был в другом. Он уже был отцом. Хотя много лет даже не подозревал об этом.

Он увидел Лале на стамбульском базаре случайно — шёл с Афет, держа её под руку, и вдруг замер. Лале. Постаревшая, осунувшаяся, но всё ещё та самая Лале, что сбежала от него в день свадьбы. А рядом с ней маленькая девчонка лет семи, с чёрными кудряшками, державшая её за руку. Хакан тогда ничего не сказал, даже не выдал себя, но в голове уже закрутились шестерёнки. Пораскинул мозгами: девочке на вид как раз семь. Ровно столько лет прошло с того самого раза, как он овладел Лале в старом, полуразрушенном отеле на окраине Мидьята — ещё до свадьбы, когда она была наивной и безумно влюблённой. Он тогда был её первым.

Хакан не без помощи своих связей — а связи у него были везде, длинные, как щупальца, — выследил их квартиру в Стамбуле, пробрался внутрь, украл маленькую детскую кружку и заказал ДНК-тест в частной лаборатории. Результат пришёл через три дня. Отцовство — 99%. Шок и ярость — вот что он испытал. Шок — потому что привык держать всё под контролем, а тут его контроль дал трещину. И ярость — потому что Лале, эта глупая, наивная Лале, посмела скрыть от него дочь. Ему не нужна была эта мелкая девчонка, что оказалась его кровью. Ему нужно было другое: уничтожить Лале. Растоптать. Заставить заплатить за каждый год молчания.

— Сын, — мать мягко коснулась его локтя, выводя из задумчивости, и указала на диванчик у фонтана, — присядь. Расскажи, зачем ты приехал? У тебя какие-то дела в компании? Или что-то случилось?

Хакан помотал головой и сел, закинув ногу на ногу.

— Левент отлично справляется, — вклинился Карабарс, снова опускаясь на диванчик и постукивая тростью по каменной плитке. — Твой брат достиг уже больших успехов, держит офис в одном своём кулаке. Я сам проверял отчёты — без обмана, всё чисто.

Левент был младшим сыном семьи Узуноглу. Родным сыном Карабарса и Басар — в отличие от Хакана, в котором текла лишь половина крови. Ещё очень молодой, горячий, с юношеским румянцем на щеках и идеалистическими представлениями о чести. Ещё зелёный — так считал Хакан. Совсем не понимающий, как надо поступать с теми, кто предаёт семью. С такими, как, например, Лале Улусой. Левент бы, наверное, простил. Хакан — никогда.

— Я приехал, потому что узнал кое-что довольно неприятное, — с напускной скукой произнёс мужчина, откидываясь на спинку диванчика и глядя куда-то мимо родителей, на струи фонтана. Голос его звучал ровно, почти лениво, но в глубине его таилась сталь. — Я узнал, что у меня есть дочь.

Мать схватила за сердце — тонкая, униженная перстнями рука метнулась к груди. Но ей не было плохо по-настоящему, и все это отлично понимали. Этот жест был её собственным, почти театральным способом выразить крайнюю степень ужаса.

— Какая ещё дочь? — вспыхнул Карабарс, и его низкий голос прокатился по двору, как отдалённый раскат грома. Он подался вперёд, сжав трость так, что побелели костяшки пальцев.

— Дочь Лале Улусой, — протянул Хакан это имя — Ла-ле, — пробуя его на вкус спустя столько лет. Оно всё ещё обжигало губы, но он этого не показывал. — Наш с ней ребёнок. Моя дочь.

— Ты уверен? — спросила мать, и голос её дрогнул. — Лале не появлялась в Мидьяте семь лет, о ней ни слуху ни духу. Где ты её увидел? Как узнал?

— В Стамбуле, мама. — Хакан пожал плечами, словно речь шла о каком-то пустяке. — Буквально просто встретил их на улице — её и эту девчонку — и сразу всё понял. Достаточно было одного взгляда. Информация точная, я сделал тест ДНК. Девяносто девять процентов. Ошибки быть не может.

У бедной женщины сердце действительно было готово остановиться. Она побледнела, прижала ладонь к виску и слабым голосом подозвала помощницу. Айгуль тут же принесла ей стакан воды и таблетку от давления. Басар выпила её мелкими, дрожащими глотками. А Карабарс сидел, упираясь локтями в колени, и чувствовал, как его распирает изнутри дикая, почти животная злость. Какая-то девчонка — дочь Искандера Улусой — посмела скрыть этого ребёнка. Украла семь лет. Опозорила его пасынка, а значит — и всю их семью. Он сидел и думал одну-единственную мысль: «Не разозлится ли Хакан, если я сам убью эту Лале? Своими руками. Прямо сейчас».

— Вижу в твоих глазах зверя, отец, — холодно заметил Хакан, даже не поворачивая головы. Он словно чувствовал этот взгляд кожей. — Не стоит. Я сам. Это моя добыча.

Карабарсу ничего не оставалось. Только выдохнуть сквозь зубы, кивнуть, медленно, как будто через силу, и отпустить гнев, загнав его глубоко внутрь. Он знал: если Хакан сказал «я сам» — значит, так и будет. И горе тому, кто встанет у него на пути.

— А зачем же тогда ты приехал домой? — удивилась Басар, всё ещё прижимая платок к груди. — Если ты уже всё знаешь, зачем было лететь через всю страну?

Хакан медленно повернул голову к матери, и на его лице заиграла тёмная, не предвещающая ничего хорошего улыбка.

— Потому что Лале и её братец Мустафа вернулись в Мидьят. Их видели здесь, в городе. Они вернулись домой. — Он сделал паузу, и в наступившей тишине было слышно только журчание фонтана. — А значит, и девочка, скорее всего, здесь. Моя дочь. И я намерен её забрать.

— Хакан, а может, не стоит? — тихо, почти умоляюще спросила Басар, и её пальцы, униженные кольцами, нервно теребили край платка. — Зачем тебе сейчас, когда у тебя будет ребёнок от Афет, втягивать их в это? Пусть Лале живёт вместе со своим отпрыском где-нибудь далеко. Не появляйся в их жизни, не бери эту старую рану. Это ведь позор для всех нас, если правда выплывет наружу!

— Ох, мама, — Хакан усмехнулся, и усмешка эта была холодной, как зимнее утро. — Ну как же я могу позволить этой девчонке жить с такой матерью? Как я могу позволить Лале жить в спокойствии, зная, что она украла у меня семь лет?

— И что ты собираешься делать? — Карабарс подался вперёд, сверля пасынка тяжёлым взглядом.

Хакан пожал плечами — небрежно, почти лениво.

— Сейчас я поеду по делам. А мой доверенный человек займётся поиском этих паршивых близнецов. Они точно в Мидьяте, но не в особняке — я проверял. Старик Искандер, похоже, выставил их за порог. Придётся искать их по всяким помойкам на отшибах, но это лишь вопрос времени.

Он поднялся с дивана одним плавным, хищным движением и уверенными шагами зашагал в сторону особняка, не дав родителям и слова вставить. Только гравий хрустел под его дорогими туфлями.

Переодевшись в новенький, с иголки, костюм — на этот раз угольно-чёрный, — Хакан сел на водительское сиденье своего джипа и захлопнул дверцу. В салоне пахло дорогой кожей

и его одеколоном — терпким, с нотками сандала. Он достал телефон и набрал номер одного из своих людей.

— Осман, — произнёс он, когда на том конце ответили, — есть очень важное дело. Нужно найти человека в Мидьяте.

С другого конца провода послышался сиплый, прокуренный мужской голос:

— Да, брат, сделаю. Кого надо найти? Какие сроки?

— Девушку зовут Лале Улусой. Она живёт вместе со своим братом Мустафой. Скорее всего, где-то на окраине. Найди так быстро, как сможешь. Это важно.

— Понял. Будет сделано.

Этот короткий разговор оставил на губах Хакана неприятный, металлический привкус. Произносить имя этой женщины вслух было для него всё равно что хлебнуть уксуса — обжигало и вызывало тошноту. И тогда, чтобы отвлечься, он набрал другой номер. Договорился с одним из своих ребят, заведовавшим его складом в Мидьяте, об одной поставке. Очень важному человеку. Хакан и раньше поставлял шёлк на склад одного небольшого ателье, но теперь решил сделать это лично. Так он будто чувствовал: в этом мире ещё остался один добрый человек, которого он может порадовать. Одна-единственная живая душа, перед которой он ещё способен испытывать что-то похожее на тепло.

Он поставлял лучшие шелка на склад ателье своей бабушки Гюнай. Матери его покойного отца. Женщине, которая ненавидела всю семью Узуноглу так сильно, что отрёклась даже от Хакана — того самого Хакана, которого в детстве любила больше всех на свете. Возможно, именно это и изменило его. Сломало что-то внутри. Хакан раньше не был таким — холодным, расчётливым, жестоким. Внутри него когда-то жили тепло и свет. Но бабушка отвернулась, и свет погас. А он так и не сумел её забыть.

Хакан возил поставки в ателье бабушки уже больше десяти лет. И всегда придерживался одного-единственного правила: она не должна узнать. Делал он всё настолько профессионально, что комар носа не подточит. Не бесплатно — нет, это вызвало бы подозрения, — а по самой низкой оптовой цене, которую только можно вообразить. Доставлял на грузовике какой-то неизвестной простенькой фирмы, без опознавательных знаков. Нанял человека, который отыгрывал роль представителя этой вымышленной компании, и заключил через него договор — так, что ни одна живая душа не могла проследить связь с Узуноглу.

Так и сейчас. Хакан в своём тонированном джипе въехал на склад подле базара следом за грузовиком, на боку которого было выведено скромное название — не его компании. Грузовик остановился перед складскими воротами, тут же подскочили грузчики — крепкие, потные, в пыльных футболках. А Хакан просто сидел в машине, опустив стекло на пару сантиметров, и наблюдал за происходящим из тени.

Но вдруг кое-что привлекло его внимание.

Со склада вышла девушка. Мельком, сквозь толпу снующих туда-сюда людей, он увидел, как она держит в руках большую картонную коробку и осторожно, мелкими шажками идёт к выходу. Она стояла к нему сначала спиной: простая одежда, растрёпанные волосы, усталые плечи. Затем повернулась полубоком, поправляя носу. А потом на одно короткое мгновение повернула голову и сердце Хакана замерло. Пропустило удар.

Это была Лале.

Она прошла через толпу, лавируя между людьми, и скрылась в стороне базара — как раз там, где находился проход к знакомому ему ателье. Туда, где работала его бабушка.

Хакан ещё долго сидел неподвижно, глядя в ту сторону, где только что исчезла женщина, которую он искал. Руки его сжимали руль так, что побелели костяшки. Судьба, похоже, решила посмеяться над ним. Лале работала у его бабушки. В том самом месте, куда он тайно возил шёлк все эти годы. Мир оказался до смешного, до абсурда тесен.

Лале сидела на крохотном пуфике внутри ателье, поджав под себя ноги, и держала в руках остатки тканей — те самые обрезки, что уже должны были отправиться в мусорный мешок. Но как она могла их выбросить, если в голову ей пришла чудесная, тёплая идея: остаться после работы, воспользоваться старенькой швейной машинкой Гюнай и сшить для Ирем летний сарафан? Из ничего — из лоскутков, из обрывков — создать маленькое чудо. Девушка бережно отложила себе кусочки голубого и розового хлопка — нежного, в мелкий цветочек, — прикинула размер на глаз, вспоминая плечи дочки, её тоненькие ручки.

— Лале, я уйду, — Гюнай накинула платок и взяла свою потёртую сумку. — Ты закроешь лавку, когда закончишь? Ключ под половиком оставь.

— Конечно! — Лале встрепелась и поднялась, провожая хозяйку до двери.

Гюнай была в курсе ситуации девушки — Лале сама рассказала ей. И старая женщина не отвернулась, не выставила, не плюнула под ноги. Она приняла её и поддержала — молча, по-матерински.

Когда хозяйка ушла, Лале ещё несколько часов просидела под тусклым, жёлтым светом лампы, склонившись над машинкой. Колёсико крутилось, иголка ныряла в ткань и выныривала обратно, а она старательно, высунув кончик языка, пыталась превратить обрывки в произведение искусства. И у неё получилось. Коротенький сарафан — верхняя часть и маленькие рукавчики-фонарики розовые, а юбка — небесно-голубая. На лиф она пришила пару перламутровых пуговок для красоты и расправила ткань, любуясь. Дочка будет в восторге.

Довольная, она шагала к автобусной остановке, прижимая к груди пакет с подарком. Вечерний воздух был тёплым и густым, где-то вдалеке слышался призыв к молитве. Вдруг телефон в руке завибрировал, и на экране высветилось: «Сестра Эсин».

— Да, моя дорогая! — Лале поднесла трубку к уху, и голос её дрогнул. — Ирем в порядке? Что-то случилось?

— В порядке, сестра, всё хорошо, — раздался на том конце спокойный, успокаивающий голос Эсин. — Мы с Церен, Муратом и Ирем хотим зайти к вам с Мустафой в гости сегодня. Прямо сейчас. Только детей соберём и выедем. Ты как, не против?

В душе Лале словно расцвёл сад. Тёплая волна радости захлестнула её с головой. Ей обещали, что увидеть дочь она сможет только в выходные, а сегодня была всего лишь среда. Среда!

— Конечно! Конечно, приезжайте! — затараторила она в трубку. — Я уже бегу домой, приготовлю ужин. Только Мустафа придёт поздно, он сегодня устроился на работу.

— Ничего, мы его подождём. До встречи, сестра.

Лале доехала до своей квартиры, взбежала по лестнице, перепрыгивая через ступеньку, и сердце её колотилось от счастья. Она положила пакет с подарком для дочки на диван, а сама быстро вымыла руки и начала доставать из холодильника продукты. Мясо ещё не купили, но она решила приготовить жаркое из овощей. Застучал нож по доске, нарезаая лук, морковь, перец. Всё полетело в глубокую сковороду, зашипело на масле. По кухне поплыл уютный, домашний аромат.

Теперь нужно было хоть немного привести себя в порядок. Лале достала сменное платье — одно из тех, что купил ей Мустафа: белое, до колен, приталенное, с простым вырезом. Расчесала волосы перед старым зеркалом, собрала их в аккуратный хвост, умыла лицо холодной водой, чтобы согнать усталость с щёк.

И вот — стук в дверь.

Лале, радостная, подскочила с места, даже не спросив «кто там», даже не заглянув в глазок. Открыла дверь, широко улыбаясь, готовая принять дочку в объятия. Но на пороге стоял тот, о ком она боялась даже думать. Тот, чьё имя для неё было словно сама смерть.

Хакан стоял в дверном проёме, небрежно упираясь локтём в косяк. Его лицо накрыла довольная, широкая улыбка — улыбка хищника, загнавшего добычу в угол. Лале тут же рвану-

лась закрыть дверь, вложила в это движение всю свою силу, но мужчина одним резким, почти ленивым движением плеча толкнул створку и вошёл за порог.

Лале в ужасе попятилась. Ноги стали ватными, не слушались. Она не могла сделать даже одного короткого вдоха — воздух застрял где-то на полпути к лёгким.

— Ну привет, Лале, — произнёс он с ядовитой, приторной сладостью, и голос его разнёсся по пустой квартире, ударился о стены.

Лале бросилась на кухню. В голове билась одна-единственная, отчаянная мысль: найти хоть что-то, хоть нож, хоть вилку, хоть что-нибудь острое, чем можно защититься. Но она просто не успела. Хакан настиг её в три широких, размашистых шага — догнал, схватил за волосы, намотал их на кулак, резко развернул лицом к себе и с силой впечатал в холодную стену так, что с потолка посыпалась побелка. Его пальцы сомкнулись на её горле — крепко, безжалостно. Лале начала задыхаться сразу, мгновенно, захрипела, вцепилась руками в его запястье, пытаясь оторвать от себя, но он был словно из камня. Перед глазами поплыли тёмные, багровые круги.

— И где моя дочь? — прорычал Хакан, приблизив лицо почти вплотную, так, что она почувствовала его горячее дыхание на своей коже.

Лале попыталась сказать хоть слово, разлепить губы, но из горла вырвался лишь сдавленный, животный хрип. Тогда мужчина чуть ослабил хватку — ровно настолько, чтобы она могла дышать и говорить.

— Я не скажу тебе, — выдавила девушка сквозь слёзы, которые хлынули из глаз и потекли по щекам, смешиваясь с кровью из разбитой губы.

Хакан просто ухмыльнулся. Его улыбка стала ещё шире, ещё страшнее — оскал зверя, почуявшего кровь. А затем он снова сжал пальцы на её горле и с силой ударил её затылком о стену. Раз. Второй. Глухой, страшный звук. У Лале закружилась голова, в глазах потемнело, и мир вокруг поплыл, теряя очертания. Она практически отключилась, и лишь крепкая мужская хватка удерживала её на плаву, не давая рухнуть.

— Говори, — скушающим, почти ленивым тоном произнёс Хакан, словно речь шла о каком-то пустяке, — или я просто убью тебя. Мне не сложно. А потом найду твоего братца Мустафу и убью его тоже. Может, он окажется более сговорчивым?

Лале замотала головой из последних сил, из упрямства, из любви к дочери и брату. И тогда Хакан замахнулся и обрушил всю свою силу на её лицо. Пощёчина вышла страшной, хлесткой — Лале не просто получила удар по щеке, она снова ударилась затылком о стену. Перед глазами вспыхнули искры. Хакан отпустил её, и она рухнула на пол, как подкошенная, больно ударившись коленями о холодную плитку.

Но он не остановился.

— Ты думаешь, я шучу, Лале? — Хакан обошёл её, как хищник обходит раненую жертву, и остановился прямо над ней. — Думаешь, я не найду Мустафу? Я найду его быстрее, чем ты очнёшься. Он ведь где-то здесь, в этом городе.

Он пнул её сильно, носком дорогого ботинка, прямо в рёбра. Лале вскрикнула, свернулась калачиком, прижав руки к животу. Боль была острой, пронзительной, дыхание перехватило.

— Где моя дочь? — повторил Хакан, присаживаясь на корточки рядом с ней.

Лале молчала, только тихо стонала, закусив губу до крови. Тогда он схватил её за волосы снова, рывком поднял голову с пола, заставляя смотреть на себя. Её лицо было залито слезами, на щеке алел след от удара, но в глазах не было покорности. Только ненависть.

— Ты ты не получишь её, — прошептала она. — Никогда.

И прежде чем Хакан успел что-то ответить, Лале собрала во рту всё, что осталось — слюну, кровь, и плюнула ему прямо в лицо. Красная капля стекла по его идеально выбритой щеке.

На секунду время замерло.

А потом Хакан взревел. Вся его наигранная скука, всё напускное спокойствие исчезли в один миг, сметённые волной чистой, животной ярости. Его глаза налились кровью, лицо искажилось гримасой бешенства. Он схватил Лале за плечи, оторвал от пола и швырнул обратно, а затем ударил кулаком, прямо в скулу. Голова девушки мотнулась в сторону, изо рта выплеснулась струйка крови. Он ударял снова и снова, уже не контролируя себя, ослеплённый гневом. Лале захрипела, попыталась прикрыться руками, но они были слишком слабы.

— Тварь! — рычал он, пока его кулак снова и снова опускался на неё. — Ты посмела скрыть! Ты посмела!

Он снова схватил её за волосы и протаскил по полу от стены до кухонного стола, а когда отпустил, Лале уже не двигалась. Её тело безвольно обмякло, руки раскинулись в стороны, голова запрокинулась. Из разбитой губы и рассечённой брови сочилась кровь, на белом платье — том самом, новом, что купил Мустафа — расплывались алые пятна.

Хакан тяжело дышал, стоя над ней. С его лица капал пот пополам с её кровью. Он вытер лоб рукавом дорогого пиджака, поправил воротник и пнул Лале ещё раз в плечо, проверяя. Она не пошевелилась. Только едва заметно вздымалась грудь.

— Я найду её, — тихо, почти шёпотом произнёс он, глядя на бездыханное тело. — И ты мне не помешаешь.

Он вышел из квартиры, громко хлопнув дверью, оставив Лале лежать на холодной кухонной плитке одну, в лужице собственной крови, за миг до того, как в дверь должны были постучать её сестра и дочь.

Глава 7

Мустафа за день сделал целых пятнадцать заказов. Женщины с тяжёлыми сумками, мужчины в деловых костюмах, старушка, которой нужно было проехать всего пару кварталов до аптеки, и парень, что гнал с другого конца города к своей жене. Кого он только не возил. Парень знатно устал — рубашка прилипла к спине, в машине он пропёкся, как хлеб в печи, под беспощадным мидьятским солнцем. Но заработал приличную для одного дня сумму — больше, чем ожидал. И сегодня он собирался это отметить. Хотел купить свежего мяса, специй, зелени и приготовить домашний кебаб, какой они с Лале ели только по большим праздникам в Стамбуле.

Он уже подходил к дому с большими, шуршащими пакетами в обеих руках, насвистывая себе под нос, как вдруг увидел карету скорой помощи у подъезда. Сначала он просто бросил один короткий, равнодушный взгляд на двоих крепких парней с носилками, которые забежали внутрь. Мало ли, соседи. Потом вдруг на секунду замер прямо посреди дороги, словно невидимая рука схватила его за горло и сжала. Сердце пропустило удар. Он что-то почувствовал — то самое щемящее, необъяснимое предчувствие, которое накрыло его ещё в таксопарке пару часов назад. Тогда он отмахнулся: усталость, нервы. А теперь это чувство вернулось с удесятёрённой силой и ударило под дых.

Руки ослабели. Пакеты выпали на землю — покатались помидоры, лопнул пакет с рисом, мясо шлёпнулось в пыль. А через минуту из подъезда вынесли девушку. За докторами, спотыкаясь и плача, бежали две женщины с ребёнком на руках. Церен, Эсин и маленькая Ирем.

Мустафа сразу всё понял. Ещё не увидев лица, ещё не разглядев, кого именно кладут на носилки, он уже знал.

Он ринулся к ней, не разбирая дороги.

— Мустафа, стой! — перед ним выросла Эсин, упёрлась ладонями ему в грудь. — Ты напугаешь ребёнка! Остановись, прошу!

Он замер как вкопанный. Смотрел не на сестру, а сквозь неё, через её плечо. Туда, где Церен держала за плечи маленькую Ирем — его племянницу, его маленького ангела, которая рыдала навзрыд, размазывая слёзы по щекам. Её розовое платьице было помято, бантик сбился набок, а глаза — огромные, чёрные, полные ужаса — смотрели на носилки.

— Что с Лале? — голос Мустафы дрогнул и сорвался почти на шёпот.

— Мы пришли к вам в гости, как договаривались, — торопливо, глотая слова, заговорила Эсин, — но нашли её на полу в кухне. Кто-то ворвался в квартиру. Кто-то избил её, Мустафа. Она вся в крови, там всё в крови

Мустафа сразу всё понял. Одно имя вспыхнуло в голове, как огненная печать.

— Хакан.

И тогда парень, слегка отодвинув сестру плечом, медленно, на негнущихся ногах подошёл к племяннице. Опустился перед ней на корточки, оказавшись с ней лицом к лицу. Она дрожала, как маленький испуганный птенец, и слёзы безостановочно текли по её щекам.

— Моя малышка плачет, — тихо, почти шёпотом произнёс он и бережно, кончиками пальцев вытер её слёзы. — Но она должна быть сильной, слышишь? Чтобы мама не расстраивалась. Мама поправится, а ты должна быть храброй. Ради неё.

— Дядя, но маме так плохо, — всхлипнула девочка, и голосок её прервался. — У неё кровь Я видела

Мустафа обхватил Ирем обеими руками, крепко-крепко прижал к себе, зажмурился до боли в глазах и поцеловал в лоб — нежно, едва касаясь губами.

— Мама поправится, — повторил он, и на этот раз голос его прозвучал твёрже, хотя внутри всё разрывалось. — А пока вы с тётей Церен поезжайте домой. В особняк. Слышишь?

Там твой братик Мурат, там дедушка с бабушкой. Они о тебе позаботятся. А я поеду с мамой и ни на шаг от неё не отойду. Обещаю.

Мустафа поднялся, с трудом разогнув колени, и кивнул Церен. Та всё поняла без слов, молча взяла Ирем за руку и повела к машине.

А Мустафа запрыгнул в карету скорой помощи, не спрашивая разрешения, не слушая возражений. Дверцы захлопнулись, сирена взвыла, и машина рванула с места.

Лале лежала на узких носилках, подсоединённая к капельнице. Тонкая прозрачная трубка тянулась к её руке, а сама она была бледной, как полотно. Всё её хрупкое тело, казалось, было переломано — одна рука вывернута под неестественным углом, на лице множество ранок и ссадин, разбитая губа распухла, под глазом наливался страшный синяк. Волосы слиплись от крови, и кровь эта ещё не до конца запеклась.

Мустафа сел рядом, не чувствуя ног. Взял холодную, безвольную ладонь сестры в свою и начал молиться — тихо, одними губами, раскачиваясь в такт движению машины. Слова молитвы перемешивались с дорожной тряской, с воем сирены, с глухими ударами собственного сердца. Его братское сердце было готово остановиться — прямо здесь, прямо сейчас, — лишь бы сердце сестры продолжало бороться. Лишь бы оно билось. Лишь бы она жила.

Скорая прибыла на территорию городской больницы. Задние дверцы распахнулись, и носилки с Лале выскользнули наружу — быстро, отработанными движениями. Мустафа бежал за ними, не отставая ни на шаг, не чувствуя под собой ног. Эсин, выскочив из своей машины, бежала следом — запыхавшаяся, с мокрыми от слёз щеками.

Перейдя порог больницы, к этому каравану страха прибавились ещё медсёстры и врачи — они выныривали отовсюду, в белых халатах, с серьёзными, сосредоточенными лицами. Все бежали к дверям реанимации. Кто-то кричал: «Давление падает!», кто-то: «Готовьте операционную!». Голоса сливались в единый, пугающий гул. И на этом моменте — прямо перед тем, как тяжёлые стальные двери захлопнулись перед его носом, — Мустафе пришлось отпустить руку сестры. Разжать пальцы. Оставить её там, по ту сторону.

Он прижался спиной к холодной, выкрашенной бледно-зелёной краской стене, ноги подкосились, и он медленно съехал вниз, пока не рухнул на пол — прямо на холодный больничный линолеум. Прижал ладони к глазам, вдавил изо всех сил, чтобы слёзы не текли ручьями, чтобы хоть как-то удержать себя в руках. Но не вышло. Его рот исказился в какой-то ужасной, неестественной гримасе — той, на которую способен исключительно рыдающий от отчаяния человек. Из груди вырвался звук — не то стон, не то вой, приглушённый ладонями.

Эсин упала перед ним на колени, не думая о том, что пачкает платье, и взяла его за руки — крепко, отчаянно, пытаясь оторвать их от лица.

— Брат, тише, — зашептала она, и голос её дрожал. — Тише, мой дорогой. Лале будет в порядке. Ей сейчас помогают лучшие врачи. Слышишь? Посмотри на меня.

Мустафа оторвал руки от лица. Его глаза были красными, воспалёнными, мокрыми — в них стояла такая боль, что Эсин на мгновение отшатнулась.

— Как я могу быть тише? — голос его сорвался на хрип. — Этот шайтан посмел коснуться её! Посмел навредить моей сестре! — Он ударил кулаком по полу, и звук разнёсся эхом по пустому коридору. — Теперь ты видишь, почему мы приехали домой? Почему мы умоляли отца защитить нас? Вот для чего мы вернулись!

— Не кричи, Мустафа. — Эсин сжала его лицо в ладонях, заставляя посмотреть на неё. — Я на вашей стороне. Я всегда была на вашей стороне. И я сделаю всё, что в моих силах. Всё, слышишь?

Она обняла брата — крепко, как только могла. Его широкие плечи затряслись, и он заплакал — уже не сдерживаясь, не стыдясь. Громко, навзрыд, уткнувшись лицом в плечо сестры. Плач, которого не стыдился только любящий сестру брат. Плач, в котором было всё: семь лет одиночества, страх, боль, отчаяние и эта проклятая беспомощность перед бедой.

Мустафа даже не заметил, что прошёл целый час. Время в больничном коридоре текло иначе — вязко, тягуче, как смола. Он так глубоко погрузился в собственные воспоминания, так сильно ушёл в себя, прокручивая в голове каждое мгновение их жизни: Стамбул, голод, смех Ирем, усталое лицо Лале, их первую ночь в пустой квартире, — что просто ничего вокруг не замечал. Коридор жил своей жизнью: где-то пиликали приборы, хлопали двери, проходили медсёстры, — но он не слышал ничего.

Не заметил он и того, как по коридору зашагали шаги — множество шагов, которые должны быть ему знакомыми. Торопливый стук каблуков, тяжёлая мужская поступь, шарканье трости по линолеуму. К ним шли Хазар и Омер, госпожа Эла в тёмном платке, и даже Искандер-ага шёл позади — медленно, тяжело опираясь на трость, но шёл.

Первым к Эсин подошёл Хазар, за ним — остальные.

— Дочка, — прошептала госпожа Эла, и голос её предательски дрогнул, — что-то известно? Что говорят врачи?

— Врач ещё не выходил, — тихо ответила Эсин, качая головой. — Мы ждём. Уже час.

Омер молча подошёл к жене и обнял её, прижал к себе, спрятав её лицо у себя на груди. Эла сделала несколько неуверенных шагов вперёд и вдруг замерла, прижав руку к губам. Её сынок, её любимый Мустафа, сидел на полу, привалившись спиной к холодной стене, и вид у него был такой, словно он сейчас не здесь. Словно его душа была где-то далеко, за теми стальными дверями реанимации, вместе с сестрой.

— Сынок, — тихо позвала она, и это слово повисло в воздухе.

Мустафа медленно поднял голову. Его лицо было мокрым, опухшим от слёз, глаза красные, воспалённые, но в них не было ни злости, ни тепла — только пустота. Бесконечная, выжженная пустота.

— Я слушаю вас, мама, — произнёс он холодно, вкладывая в голос всю накопившуюся обиду. — Я слушаю.

— Как ты? — робко спросила женщина, и вопрос этот прозвучал беспомощно.

— Как я? — он истерично усмехнулся, и усмешка эта вышла страшной. — Плохо, мама. Из-за того, что моя семья выставила нас с сестрой за дверь, она теперь борется за жизнь. Из-за того, что мы оказались одни, без защиты, без дома. Так как, по-твоему, я могу себя чувствовать? — Он перевёл дыхание, глядя матери прямо в глаза. — Стоит ли её жизнь ваших с отцом обид? Ответь мне.

Эла не нашла, что сказать. Слова застряли в горле. Да и что она могла ответить? Она лишь обернулась — медленно, беспомощно — и посмотрела на Искандера. На его лице был страх.

Она увидела это за привычной маской холонокровия, за этой вечной суровой складкой между бровей — увидела, потому что прожила с ним уже больше сорока лет. Слишком хорошо Эла Улусой знала своего мужа. Она знала каждый его жест, каждое движение, каждый вздох. И сейчас, по праву жены, по праву матери, она просто кивнула ему — коротко, требовательно. Кивнула так, что это означало только одно: «Хватит. Прекрати. Забудь о своих обидах, о своей гордости, о своей проклятой чести. Твои дети нуждаются в тебе. Прямо сейчас».

Искандер сделал шаг. Потом ещё один. Каждый давался ему с трудом — он тяжело опирался на трость, и она подрагивала в его руке. Но дело было не в старческих ногах. Дело было в стыде. В жгучем, невыносимом стыде за то, что не уберёг, не защитил, не послушал. Он подошёл к Мустафе, который снова опустил голову, не желая смотреть на отца. Медленно, кряхтя, сел на стул рядом с сыном и положил свою тяжёлую, морщинистую ладонь на его плечо.

— Прости меня, — сказал отец.

Голос его прозвучал глухо, надтреснуто, но в нём было то, чего Мустафа не слышал никогда раньше: раскаяние.

Мустафа поднял голову, не веря своим ушам. Он посмотрел на отца так, словно видел его впервые в жизни. Их глаза встретились: заплаканные, красные — сына, и стыдливые, влажные — отца.

— Когда Лале поправится, — продолжил Искандер, и голос его дрогнул, — мы заберём её в наш дом, сынок. И тебя тоже. Вы вернётесь. Оба. Я не должен был не должен был выгонять вас. Прости своего глупого старика-отца.

Мустафа хотел бы что-то ответить но не смог. Двери реанимации разъехались, в коридор врач. И тут же их головы Мустафы пропали все мысли, все доводы, которые он собирался сказать отцу. Он быстро, чуть не поскользнувшись, поднялся.

Двери реанимации наконец распахнулись, и в коридор вышел врач — уставший, в зелёном хирургическом костюме, стягивающий маску с лица. Мустафа вскочил с пола так резко, что перед глазами поплыли круги.

— Доктор! — практически закричал он, бросаясь к нему. — Что там с моей сестрой? Она жива? Скажите, она жива?

В один миг доктора окружили все: Эсин, до этого сидевшая на корточках у стены, вскочила и подбежала, сжимая руки в замок; Хазар, забыв про свой идеально отглаженный костюм, шагнул вперёд; Омер, поддерживающий Элу под локоть; и даже Искандер-ага поднялся со стула, тяжело опираясь на трость, и сделал шаг ближе. Его лицо, обычно непроницаемое, сейчас было бледным и напряжённым — в каждой морщине застыла тревога.

— У вашей сестры было внутреннее кровоотечение, — спокойно, с профессиональной сдержанностью начал врач, — но сейчас она стабильна. Мы смогли его остановить. Операция прошла успешно. Ещё у неё сотрясение мозга и сломано запястье, но мы наложили гипс, кость срастётся. — Он сделал паузу, обводя взглядом напряжённые лица. — Скоро она придёт в себя, и мы переведём её в палату. Тогда вы сможете к ней пройти. По одному, без шума. А пока — пусть всё страшное останется в прошлом.

Все наконец смогли выдохнуть. Эла прижала ладонь к губам и тихо, беззвучно заплакала. Эсин уткнулась лицом в плечо мужа, и её плечи затряслись — на этот раз от облегчения. Хазар прикрыл глаза и запрокинул голову к потолку, шепча благодарственную молитву. Даже Искандер-ага едва заметно выдохнул — жест, которого никто из присутствующих не ожидал.

Все смогли выдохнуть. Кроме Мустафы.

Он стоял у самых дверей реанимации, вцепившись побелевшими пальцами в дверной косяк, и не двигался. Его лицо оставалось напряжённым, челюсти сжаты, глаза неотрывно смотрели туда, за стальные двери, где всё ещё была Лале. Он не успокоится, пока не увидит её сам. Пока не убедится, что его душа, его любимая сестра, его вторая половинка теперь в порядке. Пока не возьмёт её за руку и не почувствует ответное тепло. Только тогда. Не раньше.

Волкан Кая, собрав все необходимые вещи — сумку с мамиными любимыми халатами, пакет с фруктами и свежей выпечкой, что передала Азули, — уже загружал их в свою машину, когда ворота особняка с шумом распахнулись. На территорию въехал семейный автомобиль, а через минуту из него пулей вылетела маленькая девочка. Его племянка, второклассница, красавица по имени Джейлин. Она, увидев любимого дядю, бежала без оглядки, бросив портфель прямо на дорожку. По ветру развевались её длинные каштановые волосы, а зелёные глазки — точь-в-точь как у матери, — так и сверкали от радости.

— Дядя! — запищала она, с разбегу запрыгивая в его объятия.

Волкан, широко улыбаясь, легко подхватил девочку на руки и закружил.

— Моя дорогая Джейлин, — ответил он, ставя её на землю. — Ты приехала из школы? Почему так рано?

— Да, у меня сегодня было только четыре урока! — гордо заявила девочка, поправляя съехавший бантик. — А потом мы с классом остались на чаепитие, и я съела целых два куска торта!

Волкан ещё немного покружил малютку, а затем аккуратно поставил на ноги и ласково потрепал по волосам.

— Я сейчас поеду по делам, а скоро приедет твоя мама, — сказал он, решив не упоминать, что мама сейчас в больнице. — Беги обедать.

— Я тогда пойду! — Джейлин молниеносно ринулась к особняку, только пятки засверкали, а за ней, тяжело переводя дух, поспешила её няня. Трудно ей уже было успевать за этой мелкой непоседой.

Волкан приехал к дверям больницы, припарковался, вытащил увесистую сумку и несколько пакетов и решительно вошёл внутрь. В холле, как всегда, пахло лекарствами и хлоркой.

— Селин Кая уже перевели в палату? — спросил он у девушки на стойке регистрации.

— Палата номер двадцать девять. По коридору направо, второй этаж.

Волкан, оглядываясь по сторонам, заметил табличку с навигацией и быстрым шагом зашагал в нужном направлении. Нужная ему палата оказалась открытой. Внутри, на высокой больничной кровати, обложенная подушками, лежала его мама. Рядом сидел Мехмет, листавший какой-то учебник, а Лейла устроилась в кресле у изголовья, держа мать за руку. Мужчина широким шагом вошёл внутрь, опустил пакеты на пол и приблизился к постели. Мама была в порядке — бледная, уставшая, но в полном сознании, и даже улыбалась, заметив его.

— Моя мама, — выдохнул он, беря её прохладную ладонь в свою. — Ты так напугала меня. У меня чуть сердце не остановилось.

Тёплый, ласковый взгляд Селин успокоил его сумасшедшее сердце, бившееся где-то в горле.

— Ты приехал, Волкан, — прошептала она. — Конечно, теперь я в порядке. Разве могло быть иначе, когда мой сын рядом?

Он сжал руку матери и едва слышно прошептал: «Боже, спасибо».

— Лейла, — повернулся он к сестре, — поезжай домой. Джейлин нуждается в тебе. Я только что видел ее — она уже вернулась из школы и ждёт тебя.

— Хорошо, брат, — Лейла поднялась с кресла, разминая затёкшие ноги. — Я поеду. Может, к тому времени и Алихан вернётся. — Она строго посмотрела на младшего. — Мехмет, марш за мной. Маме нужен покой.

Волкан кивнул. Алихан — муж Лейлы — уже, должно быть, мчался сюда из Карадениза. Видимо, долгое время был без связи и не сразу узнал о случившемся. Ничего, скоро будет здесь.

— Сынок, — тяжело, с лёгкой ноткой драматизма вздохнула мать, когда они остались вдвоём, — я ведь чуть не ушла из жизни. Так и не увидев твою свадьбу. Так и не подержав внуков на руках. Подумай только, Волкан! Кто продолжит род Кая?

Волкан закатил глаза. Начинается.

— Ну мама — протянул он. — Ты ведь только пришла в себя. Давай хотя бы сегодня обойдёмся без этого разговора. Я принесу тебе воды.

Он быстро вышел в коридор, радуясь короткой передышке. Увидел кулер в другом конце и зашагал к нему, доставая из стопки пластиковый стаканчик. Нужна была всего минута тишины, прежде чем Селин Кая продолжит свой любимый монолог о семье, детях и внуках. Волкан нажал кнопку холодной воды, стакан начал наполняться, как вдруг — бам! — в него сзади кто-то влетел на полной скорости. Стакан выпал из рук, вода разлетелась во все стороны, залив рубашку.

Он резко развернулся, уже готовый отчитать нахала, который не смотрит по сторонам. Но увидел перед собой ребёнка.

Малышка с чёрными, как смоль, кудряшками, что торчали в разные стороны, смотрела на него огромными, блестящими глазами и быстро-быстро моргала.

— Ой, — пискнула она.

Волкан смерил её взглядом.

— Ты ещё кто? — спросил он, невольно смягчая голос.

Девчушка задрала нос — точь-в-точь как Джейлин, когда та важничала.

— Я — Ирем Улусой! — гордо ответила девочка, расправив плечики. — А ты?

Волкан невольно рассмеялся и покачал головой.

— А я Волкан Кая.

Ирем нахмурила бровки, что-то сосредоточенно вспоминая, а потом её лицо просияло.

— Нам учительница читала русскую сказку про волка. Ты и есть тот самый волк?

Мужчина расхохотался в голос — да так, что проходящая мимо медсестра неодобрительно покосилась. Благодаря хорошему знанию русского языка он оценил шутку по достоинству.

— Почти, маленькая, — ответил он, отсмеявшись. — Только я не злой. Ты с кем тут, Ирем Улусой? Потерялась?

— Я с мамой! И с дядей Мустафой, и с дядей Хазаром, и с дядей Омером, и с тётей

— Так, стоп, — Волкан поднял руку, останавливая поток. — Где твоя мама?

— В другой палате, — девочка махнула рукой куда-то в конец коридора. — Меня привезла тётя Церен, а ей стало грустно, и она вышла подышать, а я пошла искать приключения.

— Ну пойдём, искательница приключений. Отведём тебя к твоей семье, пока они тебя не хватились.

И тогда малышка Ирем, ни секунды не сомневаясь, схватила Волкана за руку — своей крошечной, тёплой ладошкой так, будто они были знакомы сто лет. На секунду мужчина опешил. Застыл, глядя на это маленькое создание, что доверчиво вцепилось в его пальцы. Что-то в груди дрогнуло. А потом девочка скомандовала: «Нам туда!» и резво побежала в противоположную сторону коридора. Волкану ничего не оставалось, кроме как смириться и побежать следом за этой черноволосой малявкой, чувствуя, как уголки губ против воли ползут вверх.

Вся семья Улусой разъехалась, убедившись, что Лале в порядке. Хазар увёз мать, Омер — Эсин, а Искандер-ага уехал последним, тяжело опираясь на трость и то и дело оглядываясь на больничные двери. В палату позволили зайти только Мустафе. Он сидел у изголовья, сгорбившись на неудобном больничном стуле, держал холодную, тонкую ладонь сестры в своей и с ужасом смотрел на её перебинтованную голову. Белый бинт охватывал лоб, закрывал часть волос, и из-под него виднелся край страшного, наливающегося синевой синяка. Изредка его взгляд падал на загипсованную руку — та безжизненно лежала поверх больничного одеяла. Этот вид израненной сестры до чёртиков пугал его. Не только пугал, но ещё и злил. Злость эта клокотала где-то в груди, поднималась к горлу, требовала выхода.

— Мустафа, прошу, — прохрипела сестра, с трудом разлепляя пересохшие, разбитые губы, — успокойся. Я же вижу, что у тебя в глазах. Не делай глупостей.

— Как я могу успокоиться, Лале? — он подался вперёд, и стул под ним жалобно скрипнул. — Этот урод посмел заявиться в наш дом! Он посмел тебя тронуть! Чуть не убил тебя! Ты лежишь тут вся переломанная, а он ходит где-то там, дышит, живёт!

— Не убил, брат, — тихо, почти шёпотом повторила она. — Не убил. Я жива. И ты мне нужен живой, а не за решёткой.

Мустафа сжал свободную руку в кулак так, что побелели костяшки.

— Я его убью, — процедил он сквозь зубы, и в голосе его не было сомнений.

Он хотел было сказать что-то ещё, но дверь палаты вдруг с шумом распахнулась, ударившись о стену. В комнату влетела Церен — запыхавшаяся, раскрасневшаяся, с безумными от страха глазами.

— Ирем тут нет?! — выпалила она, хватаясь за косяк.

— Нет, — Мустафа нахмурился. — Что ей тут делать? — И вдруг осёкся, до него дошло. — Стоп. Ты привезла её сюда и потеряла?

Церен бросила обеспокоенный, полный вины взгляд на Лале.

— Да, мы приехали. Я хотела, чтобы она повидала маму, хотя бы на минутку. А потом Я на секунду отвернулась, только моргнула — а её уже нет! Исчезла!

Лале попыталась подняться на локтях, но крепкая рука брата мягко, но настойчиво удержала её за плечи.

— Где моя дочка? — голос её сорвался на хрип.

— Она ведь не могла далеко уйти, — Церен схватила руками за голову, в отчаянии оглядываясь по сторонам. — Она точно где-то в больнице! Тут всё закрыто, охрана на входе

И тут дверь, всё ещё приоткрытая, распахнулась до конца. В палату влетела Ирем — с растрёпанными, торчащими во все стороны кудряшками, в съехавшем на бок белом платье, перепачканном чем-то похожим на сок.

— Да тут я! — звонко объявила она, сияя так, будто только что выиграла приз.

Все шумно выдохнули единым, облегчённым вздохом. Малышка тут же подскочила к кровати, попыталась залезть, но не смогла — высоковато для её маленького роста. Тогда она просто встала на цыпочки и положила ладошки на край матраса.

— Ты где была, дочка? — прохрипела Лале, и в голосе её смешались страх, облегчение и слабость.

— А я бегала, бегала — затараторила девочка, захлёбываясь словами, — и познакомилась с дядей Волканом! Он такой большой, вот такой! — она развела руки в стороны. — И он как в той сказке, только добрый! Совсем не злой волк!

— Какой ещё дядя Волкан? — начал закипать Мустафа, переводя взгляд с племянницы на дверь.

Церен обернулась и провела взглядом по мужчине, который как раз вошёл в палату следом за Ирем. Взрослый, широкоплечий, в дорогом, явно сшитом на заказ пиджаке, с аккуратной стрижкой и спокойным, уверенным взглядом. Мустафа мгновенно дёрнулся, поднялся со стула, отпуская руку сестры, и заслонил собой кровать.

— Кто ты такой? — резко спросил он. — И какое право имеешь входить в чужую палату?

— Простите, — спокойно ответил мужчина, поднимая руки в примирительном жесте. — Я был в коридоре, набирал воду, как вдруг в меня врезалась ваша дочь. Буквально впечаталась. Я решил, что она потерялась, и пошёл за ней. Она сказала, что её мама здесь.

— Так вы тот самый дядя Волкан, о котором говорит Ирем? — удивлённо спросила Церен, прижимая руку к груди. — Простите нас, ради бога. Она такая непоседа, убежала от меня в один миг.

Волкан кивнул коротко, сдержанно. Мустафа продолжал сверлить его взглядом, не двигаясь с места.

— Это моя дочка, — тихо, но твёрдо произнесла Лале, приподнимая здоровую руку. — А это мой брат Мустафа и невестка Церен. Большое спасибо вам, что привели её. Мы уж испугались.

— Не стоит благодарности, — Волкан чуть улыбнулся, и улыбка эта была тёплой. — Что ж, выздоравливайте. Пусть всё пройдёт и беды останутся позади.

Лале благодарно кивнула, не в силах больше говорить.

— Церен, заberi Ирем, — бросил Мустафа, не оборачиваясь. — Отвези домой. Немедленно.

— Пойдём, моя сладкая девочка, — Церен протянула руку, и Ирем, насупившись, нехотя поплелась к ней. Но прежде поцеловала мамину руку, обняла Мустафу и вышла под руку с тётей.

— Пока, дядя Волкан! — крикнула она уже из коридора, и её голосок эхом разнёсся по больничным стенам.

Волкан ещё несколько секунд стоял в дверях, гордо выдерживая тяжёлый, испытывающий взгляд Мустафы. Затем перевёл взгляд на Лале — в нём мелькнуло что-то похожее на сочувствие.

— Ещё раз пожелаю вам скорейшего выздоровления. Я пойду. Моя мама тоже здесь, не хочу оставлять её надолго.

Он коротко кивнул и покинул палату.

Мустафа выдохнул, плечи его чуть опустились. Но стоило ему снова взглянуть на сестру — на её печальный, потухший взгляд, на бинты, на синяки, на раны, которыми было покрыто её тело, — как ярость вспыхнула в нём пуще прежнего. Горячая, ослепляющая, неконтролируемая.

— Мне нужно на работу, — сказал он вдруг, отводя глаза. — Приеду вечером.

Он даже не дал Лале сказать и слова в ответ — просто развернулся и вышел. В его голове уже созрел план: найти Хакана и уничтожить. Разорвать его на куски за то, что он сделал. Стереть с лица земли. Чтобы больше никогда, никогда этот человек не посмел даже близко подойти к его сестре.

Мужчина вышел в коридор. В нескольких метрах от палаты стоял тот самый Волкан. Он стоял спиной, держал в одной руке пиджак и отряхивал его от каких-то капель воды. А под ремнем брюк Мустафа увидел пистолет. Чёрный, матовый, едва заметный под белой рубашки. И мысль — ужасная, отчаянная, бесповоротная — пронзила его, как молния. Он сделал несколько быстрых, почти бесшумных шагов вперёд, специально пошатнулся и резко врезался плечом в мужчину.

— Извини, — бросил он, будто совсем случайно задел, и одновременно с этим — одним ловким, почти неуловимым движением — выхватил пистолет из его кармана. Тяжёлый, холодный. Быстро сунул его под рубашку, прижал локтем.

Мустафа быстрым шагом зашагал прочь, не оборачиваясь, чувствуя, как холодная сталь обжигает кожу. Пока этот Волкан и опомниться не успел. Пока никто ничего не заметил. Сердце колотилось как бешеное, но лицо оставалось непроницаемым. Теперь у него есть оружие. Теперь он сможет защитить свою семью. Чего бы это ни стоило.

Глава 8

В голове парня, чей гнев сейчас был сильнее здравого смысла — сильнее инстинкта самосохранения, сильнее всего на свете, — зародился план. Простой, как выстрел, и такой же бесповоротный. Хакан Узуноглу точно вернулся в свой родной особняк. Где ещё ему быть? Не в отеле же, не в съёмной квартире — этот павлин любит роскошь, привык к ней. Именно там, в родовом гнезде, он сейчас и прячется. И именно там Мустафа найдёт его. И убьёт.

Он шагал по пыльным мидьятским улочкам, буквально не разбирая дороги, но точно помня, что идёт в верном направлении. Ноги сами несли его к окраине, где за высокими каменными заборами прятался особняк Узуноглу. Перед глазами стояла картина — та самая, единственная, что могла сейчас успокоить его воспалённый разум: Хакан стоит перед ним на коленях, жалкий, раздавленный, всё его высокомерие исчезло без следа. Холодное дуло пистолета направлено прямо в его лоб, между бровей, и в глазах этого зверя — страх. Животный, липкий страх. И мольба о прощении, которую Мустафа не примет.

Оружие было хорошо спрятано под рубашкой — он придерживал его локтем, чувствуя, как холодная сталь постепенно нагревается от его разгорячённого тела. Никаких подозрений. Он шёл быстро, но не бежал, опустив голову, стараясь не привлекать внимания редких прохожих. Но чем ближе он подходил, тем яснее становилась одна проблема: как пройти через охрану?

Узуноглу не были обычной семьёй. Там, в особняке, жил сам Карабарс — отчим Хакана, глава местной мафии, человек, о котором ходили такие слухи, что кровь стыла в жилах. Он точно позаботился о безопасности. Высокий забор, камеры по периметру, крепкие ребята у ворот — Мустафа знал это, потому что когда-то, в другой жизни, они с Лале могли войти в этот дом как гости, как родня. Но теперь — теперь он был врагом. И его пристрелят на месте, едва заметив.

Мустафа обошёл особняк с тыльной стороны, прижимаясь к стенам соседних домов, прячась в тени старых олив. Сердце колотилось где-то в горле, в висках стучало. И он не придумал ничего лучше, чем просто перелезть через забор.

Каменная кладка была старой, с выступами и трещинами — достаточно, чтобы зацепиться. Он подпрыгнул, ухватился за край, подтянулся. Мышцы заныли, но адреналин глушил боль. Перемахнув через верх, он спрыгнул в густые заросли сада — прямо в колючий кустарник, оцарапав руки и шею. Замер, прислушался. Тишина. Только где-то вдалеке журчал фонтан да лениво переговаривались охранники у главного входа.

Мустафа скрылся в тени садовых деревьев, перебегая от ствола к стволу, стараясь не хрустеть ветками под ногами. Он помнил расположение комнат — когда-то, ещё до побега, они с Лале бывали здесь. Помнил, где комната Хакана. Большое окно на первом этаже, выходящее в сад. Он пробрался туда, пригибаясь, как зверь, крадущийся к добыче. Окно было приоткрыто — шторы слегка колыхались от вечернего ветерка. Мустафа заглянул внутрь: комната была пуста. Ни Хакана, ни охраны. Только включённая лампа на столе да недопитый стакан виски.

Одним ловким движением он перемахнул через подоконник и оказался внутри. Теперь оставалось только ждать. Пистолет он перехватил поудобнее и встал у стены, в тени, сливаясь с полумраком. Когда Хакан войдёт — он даже не успеет понять, что случилось. Мустафа ждал, и в его груди гулко билось сердце, отсчитывая последние минуты до возмездия.

Мустафа стоял, вжавшись спиной в холодную стену, и не слышал ничего, кроме оглушительного грохота собственного пульса. Кровь стучала в висках, как барабан, заглушая все остальные звуки: и далёкое журчание фонтана за окном, и приглушённые голоса охраны у ворот, и даже скрип половиц в соседней комнате. Он не слышал, как за его спиной, в то

самое приоткрытое окно, через которое он сам проник в особняк, бесшумно скользнула тёмная фигура.

Волкан Кая приземлился на ковёр почти беззвучно — сказала военная выучка. Он сразу заметил пропажу пистолета: хватился буквально через минуту после столкновения в коридоре больницы. Этот парень — Мустафа — даже не успел скрыться из виду, а Волкан уже понял: толчок был не случайным. А когда он увидел, куда направляется этот обезумевший от ярости мужчина — напрямик к особняку Узуноглу, который Волкан знал слишком хорошо, — сомнений не осталось.

Он выпрямился во весь рост за спиной Мустафы. Тот даже не обернулся — настолько был поглощён своей яростью, своим ожиданием. И тогда Волкан сделал шаг вперёд и схватил его за плечо.

Мустафа вздрогнул и резко развернулся, вскидывая пистолет. Но Волкан был быстрее: одной рукой он перехватил запястье парня, выкручивая его в сторону, а другой зажал ему рот, глуша готовый вырваться крик.

— Тихо! — прошипел Волкан прямо ему в ухо, и в голосе его был не шёпот, а настоящий, сдерживаемый рык. — Ты совсем обезумел?

Мустафа дёрнулся, попытался вырваться, но хватка у Волкана была железной — не зря он столько лет тренировался.

— Отпусти! — прохрипел он сквозь стиснутые зубы, когда Волкан чуть ослабил ладонь. — Это не твоё дело! Он избил мою сестру! Он почти убил её! Он заслуживает смерти!

— Может, и заслуживает, — Волкан резко развернул его к себе лицом, впечатав в стену, и теперь они стояли почти вплотную, глаза в глаза. — Но не так. Не сейчас. И уж точно не моим оружием.

Он вырвал пистолет из ослабевших пальцев Мустафы одним точным, отработанным движением и сунул его обратно под ремень.

— Ты хоть понимаешь, что было бы дальше? — продолжал Волкан, и голос его вибрировал от едва сдерживаемой злости. — Ты бы выстрелил — и всё. Тебя бы повязали через минуту. Охрана, полиция, суд. И что дальше? Твоя сестра осталась бы одна. Без брата. Без защиты. А ты бы сгнил за решёткой. Или тебя бы просто пристрелили на месте, как бешеного пса. Ты этого хочешь?

Мустафа тяжело дышал, его грудь вздымалась, ноздри раздувались. Он смотрел на Волкана с бешенством, с ненавистью, но постепенно в его глазах что-то начало меняться. Ярость уступала место чему-то другому. Осознанию.

— Он должен заплатить, — прошептал он, и голос его надломился.

— Заплатит, — твёрдо ответил Волкан, всё ещё удерживая его за плечи. — Но не ценой твоей свободы и не ценой спокойствия твоей сестры. Она сейчас лежит в больнице и молится, чтобы ты был рядом. А ты что творишь? С пистолетом в чужом доме, готовый пустить себе жизнь под откос?

Он отпустил Мустафу, отступил на шаг.

— Твоя сестра нуждается в тебе, парень. Живом. Свободном. А ты чуть не выбросил всё это в мусор из-за слепой ярости. Отомстить — не значит победить. Победить — значит остаться рядом с теми, кого ты любишь, и защищать их. Понял?

Мустафа молчал. Его плечи опустились, кулаки разжались. Он всё ещё дрожал от пережитого напряжения, но в глазах уже не было того безумного, опасного блеска. Он посмотрел на Волкана и увидел в нём не чужого, не случайного прохожего, а человека, который только что, возможно, спас его от непоправимой ошибки.

Они вышли так же тихо, как и зашли: две тени, скользнувшие через сад, через забор, в ночную тишину. Ни одна собака не залаяла, ни один охранник не обернулся. Перемахнув через каменную стену, они приземлились на пыльную дорогу, и Волкан, не церемонясь, буквально

затолкал Мустафу в свой чёрный джип — широкой ладонью надавил на плечо, усаживая на пассажирское сиденье. Дверца захлопнулась с глухим, дорогим звуком.

— Куда ты едешь, брат? — выдохнул Мустафа, всё ещё тяжело дыша, когда Волкан втопил педаль газа и джип рванул с места, подняв облако пыли.

— Поедем с тобой, немного поговорим, — бросил Волкан, не отрывая взгляда от дороги. — Как там тебя, напомни?

— Мустафа.

— Так вот, Мустафа, — он на секунду повернулся к нему, и в его глазах мелькнула сталь, — пока не остынешь, я тебя не отпущу. Даже не надейся.

Они приехали в ресторан — тот самый, где Волкан когда-то частенько проводил вечера с Али или со своей младшей сестрой Туркай, когда та ещё была здорова и смеялась. Уютное место с живой музыкой и старыми каменными стенами. Зашли внутрь, и Волкан по-свойски похлопал по плечу администратора — немолодого мужчину с пышными усами, — как старого друга. Тот понимающе кивнул и молча проводил их к дальнему столику под каменной аркой, где было тихо, сумрачно и где их разговор никто не мог услышать.

— Есть ли для нас раки? — спросил Волкан у подошедшего официанта.

— Да, брат мой, — ответил тот с лёгким поклоном. — Что ещё для вас?

— Что пожелает мой друг? — Волкан кивнул в сторону Мустафы.

Парень, всё ещё ошарашенный, всё ещё прокручивающий в голове произошедшее — и больницу, и особняк, и пистолет, — быстро заморгал.

— Просто мезе. Что угодно.

Официант удалился, и Волкан сел поудобнее, откинувшись на спинку стула и скрестив руки на груди. Он смотрел на собеседника внимательно, изучающе.

— Рассказывай, Мустафа, что же случилось с вашей семьёй? Почему ты пришёл в особняк Узуноглу? Я так ничего толком и не понял, а хочу понять.

Мустафа замялся. Он с недоверием смотрел на мужчину напротив — на его дорогой пиджак, на спокойный, уверенный взгляд, на руки, что держали стакан с водой. Он уже отчётливо понимал: в руках этого человека многое. Волкан мог просто пойти в полицию. Мог заявить о краже оружия, о незаконном проникновении в особняк Хакана — и тогда Мустафе конец. Но он не пошёл. Вместо этого привёз его сюда, заказал раки и смотрит без осуждения.

— Этот шайтан — Мустафа выплюнул это слово, как яд, — он вломился в нашу квартиру. Пока я был на работе. Он избил мою сестру. Ты видел её в больнице — всю переломанную, в бинтах. Он едва не убил её.

— Её же зовут Лале?

— Да. Лале. — Мустафа кивнул и на мгновение прикрыл глаза. — Он посмел к ней прикоснуться. Поднял на неё руку. На мою сестру.

Официант принёс раки — молочно-белую, пахнущую анисом, — и тарелки с мезе: оливки, сыр, дымящийся хлеб, острые закуски. Мустафа выпил стопку залпом, и огненная жидкость обожгла горло. Храбрость влилась в него, словно разряд тока.

— Лале должна была много лет назад выйти за него замуж. Это было ещё до побега. И Ирем та маленькая девочка с кудряшками — он запнулся, но договорил: — Хакан Узуноглу узнал, что она его дочь.

Волкан едва удержался, чтобы не ударить кулаком по столу, не опрокинуть всё его содержимое на пол. Ему стоило невероятных усилий сдержаться — только желваки заходили на скулах да пальцы сжали стакан так, что тот едва не треснул. Значит, Лале. Эта девушка с перебинтованной головой и сломанной рукой — очередная жертва Хакана. Очередная сломанная судьба. Он вспомнил, как плохо она выглядела там, на больничной койке: бледная, израненная, с синяком в пол-лица. А потом вспомнил малявку — ту самую, с чёрными кудряшками, что вцепилась в его руку и побежала по коридору больницы, смешно перебирая ножками. Внутри

Волкана всё изменилось в один миг. Ненависть — старая, знакомая, дремавшая где-то глубоко — родилась в нём с новой силой. Хакан. Снова Хакан. Снова тот, кто разрушил жизнь невинной девушки.

— Брат Волкан, — Мустафа подался вперёд и схватил его за рукав, — только прошу, не говори никому. Мы столько лет скрывались от этого чудовища, и я не хочу подвергать Лале ещё большим опасностям. И ей не рассказывай. Она не должна знать, что я чуть не натворил. Она и так еле держится.

— Конечно, не скажу никому, — Волкан медленно кивнул, и голос его прозвучал глухо, но твёрдо. — О таком не болтают. Это дело чести.

Они ещё немного посидели в тишине, нарушаемой только звоном посуды и далёкой музыкой. Мустафа постепенно остывал, плечи его опускались, дыхание выравнивалось. А Волкан смотрел в одну точку перед собой и молчал.

Он уже знал: он не сможет оставить эту ситуацию. Не сможет пройти мимо. Хакан задолжал слишком многим. И теперь — ещё и этой маленькой девочке с кудряшками, и её израненной матери. Волкан Кая не был тем, кто забывает долги. Особенно такие.

Волкан отвёз Мустафу до таксопарка — тот вышел, всё ещё немного пошатываясь, но уже не от ярости, а от усталости и выпитого раки. На прощание они обменялись номерами, и Волкан, коротко кивнув, надавил на газ. Джип взревел и с огромной скоростью полетел в сторону особняка Кая, рассекая вечерний воздух.

Он нашёл Али во дворе. Тот сидел в полном одиночестве на старых деревянных качелях под раскидистым кипарисом, задумчиво глядя куда-то в темноту сада. Скрип качелей был единственным звуком, нарушавшим тишину.

— Брат мой! — Али подскочил с места, едва завидев друга, и бросился к нему, заключая в крепкие объятия. — Ну как там мама? Ты пропал на несколько часов! Я уже волноваться начал, хотел ехать в больницу.

И тут в голове Волкана произошёл взрыв. Ослепительная вспышка осознания. Он совершенно забыл. Забыл, что просто отошёл из палаты налить воды и исчез на несколько часов. Мама! Он же оставил её одну! Быстро, лихорадочно набрал сообщение одному из своих людей с просьбой немедленно поехать в больницу, побыть с Селин-ханым, позаботиться.

— У меня тут такое произошло, Али, — выдохнул он, присаживаясь на качели рядом с другом. — Ты даже представить не можешь. Я сейчас тебе всё расскажу, только не кричи сразу. Дай слово.

— Не буду, — Али внимательно вглядывался в лицо друга, пытаясь считать эмоции, которых там было через край. — Рассказывай.

Волкан тяжело вздохнул, потёр переносицу.

— Я встретил в больнице тех, кому Хакан Узуноглу сломал жизнь. Девушку зовут Лале. Она там лежит — избитая, переломанная, едва живая.

— О чём ты? Какая Лале? — Али нахмурился, подавшись вперёд.

— Она, как я понял, сбежала вместе с братом в день их свадьбы с Хаканом. Много лет назад. Ещё до того, как он с Туркай уехал в Стамбул. Понимаешь? До всего. Я не знаю точно, что там случилось, почему она сбежала прямо из-под венца. Но у неё есть ребёнок дочка. От Хакана. Маленькая совсем, кудрявая, зовут Ирем. И Хакан только сейчас это узнал. Выследил их, ворвался в квартиру и избил Лале так, что она едва выжила. У нее сотрясение, сломана рука.

Али слушал, и лицо его мрачнело с каждым словом.

— А её брат — Мустафа — украл у меня пистолет. Прямо в больнице, пока я отвлёкся. И бросился в особняк Узуноглу, чтобы убить Хакана. Я едва успел его образумить, перехватил прямо в комнате этого урода. Ещё бы минута и парень натворил бы непоправимого.

— Да что ты говоришь, Волкан? — Али вскочил с качелей и принялся мерить шагами дорожку. — Я суть уловил, но это какой-то кошмар. Кому только Узуноглу не сломали жизнь Сначала твоя сестра, теперь эта девушка, её дочь Сколько можно?

Волкан молча кивнул. Его лицо было твёрдым, как камень.

— И поэтому, брат мой, — произнёс он, поднимаясь, — на тебе дело. Узнай всё, чем сейчас дышит этот Хакан. Каждую мелочь. Где бывает, с кем встречается, какие у него планы. И ещё — он помедлил секунду, — узнай, что за семья у этих Лале и Мустафы. Кто они такие? Какую роль играют в Мидьяте? Мне нужно знать всё.

Али сжал кулаки. Желваки заходили на скулах — он всегда тяжело переживал несправедливость, а тут речь шла о Хакане, которого он ненавидел всей душой ещё с тех пор, как тот погубил Туркай. Но быстро взял себя в руки, выдохнул и достал телефон. Пальцы забегали по экрану — он набирал сообщения своим людям, тем, кто умел добывать информацию быстро и незаметно. Пусть пробьют семью этих бедняг — кто они, откуда, почему их не защитили.

А вот Хакан Хаканом он займётся сам. Лично.

Спустя несколько дней после трагедии, когда Лале уже пошла на поправку — медленно, но верно, — вся семья Улусой собралась в особняке за завтраком. Солнце только поднялось над садом, стол ломился от привычных яств, но воздух был наэлектризован. Не хватало только младших детей — Мурата и Ирем, которых Нурай увела кормить на кухню, подальше от взрослых разговоров.

— Нурай, — негромко подозвала помощницу госпожа Эла, промокнув губы салфеткой, — Искандер-ага сейчас уезжает, принеси его дипломат.

Девушка тут же взметнулась по лестнице, прямо в кабинет аги — только подол платья мелькнул. А Эла тем временем прожигала мужа взглядом. Смотрела на его руки, на то, как он аккуратно, неторопливо вытирал рот салфеткой после плотного завтрака, и на то, каким спокойным оставалось его лицо. Слишком спокойным. Лицо человека, который чуть не потерял дочь, не могло выглядеть вот так — без единой трещинки, без тени вины. И это добивало её материнское сердце. Каждый день. Каждую минуту.

— Хазар, — произнесла мама, и голос её был обманчиво нежным, как шёлк, под которым прячется остриё, — не мог бы ты напомнить отцу о его обещании?

Искандер и Хазар в один миг синхронно напряглись. Вилки замерли на полпути.

— О чём ты, мама? — тихо спросила Церен, переводя встревоженный взгляд с одного на другого.

— Ваш отец обещал, что Лале вернётся домой, — Эла отчеканила каждое слово, и в тишине они прозвучали как приговор. — Почему она всё ещё там, в больнице? И почему, кроме меня и Эсин, никто не навестил бедную девочку? Почему её родной отец и родной брат сидят здесь, едят омлет и делают вид, что ничего не случилось?

Эсин, сидевшая в дальнем конце стола, опустила глаза, но на губах её мелькнула едва заметная гордая улыбка. В этот момент Омер, попрощавшись, быстро зашагал к своему автомобилю — благоразумно решил не впутываться в скандал, который уже был готов разразиться.

— Жена, — грозно, понизив голос, произнёс ага, отложил салфетку и медленно поднял на неё взгляд, — а ты что, со мной не разговариваешь напрямую? Решила через детей действовать?

— Почему же, муж, не разговариваю? — Эла выпрямилась, и глаза её сверкнули. — Я просто жду, пока ты ответишь. А потом решу — стоит ли вообще иметь с тобой дальше дела.

Хазар, не дожидаясь продолжения, тут же поднялся со стула, одёрнув пиджак. За ним, словно хвостик, бесшумно поднялась и Церен.

— Мне пора в офис, — быстро сказал он, избегая смотреть на родителей. — Отвезу ещё жену в магазин. Всем хорошего дня.

Они исчезли так стремительно, что Эла и Искандер даже не заметили их ухода. Не заметили и того, как Эсин тихо выскользнула из-за стола, и как Нурай бесшумно поставила дипломат у двери и тут же удалилась, испуганно втянув голову в плечи.

— Не выводите меня из себя, госпожа Эла, — Искандер тяжело опёрся ладонями о стол. — Я всегда держу обещания, которые даю. Когда твоя дочь поправится, Мустафа привезёт её в особняк. Слово аги.

— Ты должен был пойти к ней, — голос Элы дрогнул, но она не отступила, — и умолять простить себя. Стоять на коленях, если нужно! Она чуть не погибла из-за нашего эгоизма! Из-за твоей гордости!

— Я не собираюсь просить прощения, — отрезал ага, поднимаясь. — Я всё делал так, как считал нужным. И если я позволю этим детям жить здесь, это не значит, что я их простил. Запомни это.

Эла поднялась из-за стола и просто ушла. Даже не одарила мужа своим ласковым прощанием, как делала уже много-много лет. Не коснулась его плеча, не шепнула «береги себя». Ушла, не оборачиваясь, и её прямая спина в дверном проёме была красноречивее любых слов. Ага остался один.

Он смог немного выдохнуть, но не успокоился. Что-то внутри него било тревогу, скреблось где-то под сердцем, и он никак не мог понять, в чём дело. В том ли, что его малышка Лале сейчас лежит в больнице с переломами и синяками? Или в том, что жена, его верная Эла, впервые за сорок лет посмотрела на него как на чужого? Он отогнал эти мысли.

— Дорук! — бросил он водителю, который мирно подрёмывал в тени старой туи. — Едем в офис. Быстро.

С утра ему поступило несколько звонков от Балкана — телефон вибрировал не переставая, — но он не взял трубку. Это было его принципом: никогда не отвечать на звонки по утрам, не смешивать работу с домашними делами. И всё же, если что-то случилось, он узнает у помощника уже на месте.

Но стоило Искандеру-аге войти в двери офиса, к нему тут же подлетели Балкан и Эмине — двое людей, на которых держались самые важные аспекты работы. Балкан — его правая рука, и Эмине — главный бухгалтер и финансовый мозг компании. Лица у обоих были бледные, встревоженные.

— Господин, у нас просто огромная беда! — затараторила Эмине, нервно теребя край платка.

— Скорее, пойдёмте в переговорную, — перебил её Балкан. — Хазар уже ждёт нас там.

Все трое зашли в лифт. У Искандера засосало под ложечкой. Что же могло произойти такого, что весь офис стоит на ушах? Они вышли на втором этаже, быстрым шагом прошли по коридору, где за стеклянными дверями переговорной уже сидел Хазар. Обеспокоенный, с бледным, осунувшимся лицом, он нервно постукивал пальцами по столу. И, увидев отца, вошедшего первым, его обезумевшие глаза сказали всё за него — случилось нечто непоправимое.

— Папа — только и выдавил он.

Ага остановился на пороге, переводя взгляд с одного на другого.

— Сядьте все, — скомандовал он, и в голосе его прозвучала сталь. — Сядьте и спокойно всё скажите.

Все четверо расселись за круглым столом. Ага — в самом центре, остальные — напротив, как провинившиеся школьники перед директором.

— Говорите! — потребовал он.

Хазар закинул ногу на ногу, нервно качнул носком ботинка и уставился на Балкана. Он не хотел стать тем, кто сообщит отцу эту ужасную новость. Когда он выходил утром из особняка и наконец перезвонил Эмине, он сразу для себя решил: сам говорить не будет. Хватит. Пусть кто-то другой примет на себя этот удар.

— Хазар! Балкан! — голос аги повысился.

Тогда Балкан понял, что выбора нет. Он бросил короткий, почти извиняющийся взгляд на Хазара — тот отвернулся, пряча глаза. А испуганная Эмине и вовсе тряслась, как осиновый лист, комкая в руках платок.

— Господин Искандер — тихо начал Балкан, и голос его прозвучал глухо, — у нас очень неприятные вести. Господин Джамиль

— Что с господином Джамилем? — Искандер схватился за сердце, и лицо его вмиг побелело.

— Он разрывает с нами контракт. Мы лишаемся нашего основного спонсора.

Тишина повисла в комнате. А потом Искандер взревел — так, что задрожали стёкла. Он поднялся одним резким, яростным движением, схватил кипу бумаг со стола и с грохотом сбросил их на пол. Листы разлетелись по всей переговорной, закружились в воздухе.

— Что это значит?! — прорычал он.

— Успокойся, отец, — прошептал побледневший Хазар, вжимаясь в кресло.

— Устройте нам с Джамилем встречу! — ага ударил кулаком по столу. — Сейчас! Немедленно!

Эмине, дрожащими руками, тут же выхватила из кармана телефон и набрала номер спонсора.

— Здравствуйте, господин Джамиль, — пролепетала она, стараясь придать голосу уверенность. — Господин Искандер Улусой просит вас о личной встрече — она замерла, прислушиваясь к ответу. — Да Да, конечно, я передам. Спасибо.

Эмине убрала телефон и посмотрела на агу затравленным взглядом.

— Господин Джамиль заедет в офис через полчаса. Он сказал, что будет проезжать мимо и сможет зайти всего на пять минут.

— Нахал! — вскричал Искандер, и вены на его шее вздулись. — На пять минут! После того, что натворил! После того, как всадил нам нож в спину — он даёт нам пять минут!

Он поднялся со стула и, тяжело опираясь на трость, зашагал к двери. Вошел в свой кабинет, сделал звонок по офисному телефону Айше и попросил два кофе. Минуты ожидания его многолетнего партнера казались джаханнамом. Тот, кому он доверял, предал его. Десять лет они работали вместе, рука об руку и вот, все закончилось вот так.

Айше принесла два кофе — крепкий, чёрный, без сахара, как любил ага, — и бесшумно удалилась, прикрыв за собой дверь. Через десять минут в кабинет вошёл сам Джамиль. Балкан, проводивший его до дверей, бросил короткий, полный напряжения взгляд на хозяина и тут же вышел, оставив их наедине.

Джамиль Денмез, мужчина пятидесяти лет, крупный бизнесмен, владелец сети текстильных фабрик и — до этого самого дня — верный товарищ и партнёр Искандера Улусоя, деловито уселся в кресло напротив. Он был одет с иголочки, в дорогой серый костюм, и на его ухоженном, сытом лице не было ни тени смущения или вины. Он поправил запонку на манжете и непринуждённо закинул ногу на ногу.

— Я слушаю тебя, Искандер, — произнёс он таким тоном, будто они встретились обсудить погоду.

Ага медленно поднял голову и посмотрел на него — тяжело, исподлобья. Его пальцы, сжимавшие подлокотники кресла, побелели.

— Слушаешь? — переспросил он, и голос его прозвучал глухо, как раскат далёкого грома. — Это я слушаю тебя. Это ведь ты — предатель. Ты, с кем я делил хлеб и соль. Ты, кому я доверял как самому себе.

Джамиль лишь усмехнулся — легко, снисходительно, словно разговаривал с обиженным ребёнком.

— Искандер-ага, не принимай всё это так близко к сердцу. Мне предложили более выгодную сделку, и я просто согласился. Ничего личного. Бизнес. Ты сам всегда так говорил.

— Ты мог прийти ко мне, — ага подался вперёд, и его трость глухо стукнула об пол. — Мог обсудить наш контракт, потребовать больше дивидендов, лучшие условия. Мы бы договорились! Но ты просто ударил в спину, даже не предупредив.

— Я не могу тебе раскрыть все карты, — Джамиль развёл руками с притворным сожалением. — Это главное условие моего нового партнёра. Но я могу сказать так: не горюй. Найдёте нового спонсора. У вас крепкая компания, вы справитесь.

— Десять лет — Искандер злобно втянул воздух, и грудь его тяжело вздымалась. — Десять лет тебя всё устраивало. Ты получал прибыль, ты богател на наших контрактах. Что за шайтан втянул тебя в этот хаос? Кто стоит за этим?

— И этого сказать не могу, — Джамиль пожал плечами и начал подниматься с кресла, давая понять, что разговор окончен.

И тут ага произнёс это имя — то самое, что пришло ему в голову сразу, как только он услышал печальную новость. Оно вспыхнуло в мозгу, как молния, и теперь сорвалось с губ, обжигая:

— Это Хакан Узуноглу переманил тебя?

Джамиль замер на полпути. Всего на секунду. Его лицо не дрогнуло, но в глазах мелькнуло что-то — то ли удивление, то ли подтверждение. Он ничего не сказал, но Искандеру этого мгновения хватило. Кто же ещё мог так сильно желать насолить семье Улусой? Сначала Лале, теперь бизнес. Этот зверь методично разрушал всё, что было дорого аге.

— Будь здоров, Искандер, — бросил Джамиль через плечо, уже взявшись за ручку двери. — Береги себя. Сердце у тебя не железное.

И вышел. Просто вышел. Оставил мужчину одного — с дрожащими руками, с трясущейся от ярости челюстью, с пустотой в груди. Искандер смотрел на закрытую дверь и чувствовал, как его многолетний, выстроенный с таким трудом мир рушится по кирпичику. И за всем этим стоял один человек. Хакан.

Мустафа закончил работу и уже мчал в сторону больницы, лавируя между машин, нервно поглядывая на часы. Сегодня Лале выписывают, а он уже изрядно опаздывает — задержал последний заказ, какой-то старик с рынка, которого он просто не мог не подвезти. Внутри него теплилось чувство ожидания — трепетное, почти забытое. Сейчас он заберёт сестру, и они вернутся в отчий дом. Туда, где прошло их детство. Туда, где она будет в безопасности, где о ней позаботятся. Ведь так сказал отец. Отец, который вчера позвонил ему сам — впервые за семь лет.

Он вошёл в палату, когда на часах уже пробило шесть вечера. Лале сидела на краю кровати, одетая в простое, но чистое платье, и выглядела гораздо лучше, чем несколько дней назад. Синяки на лице почти сошли, осталась лишь лёгкая желтизна на скуле, а запястье было аккуратно загипсовано. Но всё же сердце Мустафы болезненно сжалось, когда медсестра начала осторожно снимать с головы девушки бинт — виток за витком. Под ним обнаружился уже затянувшийся шрам на виске, и волосы вокруг него были коротко острижены. Но Лале сидела с высоко поднятым подбородком, прямая, как струна, и в её глазах не было ни капли жалости к себе. Она уже ждала его. Ждала, что сейчас они поедут в особняк и она сможет увидеть дочь.

— Как она? — спросил Мустафа у медсестры, не сводя глаз с сестры.

— В полном порядке, — мягко улыбнулась женщина. — Сейчас я принесу документы о выписке, вы подпишете и можете забирать свою сестру. Только пусть бережёт себя: никаких резких движений, гипс не мочить, и побольше отдыха.

Медсестра вышла, и они остались вдвоём. Лале смотрела на брата, и глаза её были полны надежды — той самой, что теплилась в ней даже в самые тёмные времена.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он, присаживаясь рядом.

— Хорошо, — ответила она, и голос её окреп. — Немного ещё ноет тело, но это ерунда. Я просто хочу домой. Хочу увидеть Ирем.

— Я принесу кресло, — решительно сказал Мустафа. — Не хочу, чтобы ты шла пешком до машины. Ты ещё слишком слаба.

Он быстро вышел в коридор, переговорил с медбратом и выпросил инвалидное кресло. Затем вернулся на стойку регистрации и подписал все бумаги — размашисто, не читая, лишь бы скорее. А когда снова вошёл в палату, Лале уже стояла, опираясь здоровой рукой о спинку кровати.

— Ну кто просил вставать? — проворчал он, но в голосе его была только нежность.

Он аккуратно, словно хрустальную, помог сестре, усадил её в кресло, укрыл колени пледом. Затем медленно, стараясь не трясти, выкатил Лале в больничный коридор, а оттуда на улицу, где их ждал тёплый вечерний воздух и старенькое такси.

Дойдя до машины, Мустафа открыл дверцу, легко, но осторожно подхватил сестру на руки и пересадил на пассажирское сиденье. Она была лёгкой, почти невесомой.

И вот они уже мчались по пыльным мидьятским дорогам, мимо старых каменных домов и оливковых рощ, прямо в свой родной дом. Туда, где теперь их ждали. Где ждала Ирем. Где, может быть, даже отец встретит их на пороге — не с упрёком, а с объятиями. Мустафа смотрел на дорогу, но краем глаза видел, как Лале улыбается, прижавшись лбом к стеклу, и впервые за долгие-долгие дни на сердце у него стало чуть легче.

Они оказались перед дверьми особняка. Высокие кованые ворота, увитые плющом, те самые, что когда-то захлопнулись перед ними, теперь медленно и торжественно распахнулись. Лале снова сидела в кресле, укрытая лёгким пледом, а Мустафа стоял позади, крепко держась за ручки. Они гордо вошли внутрь — словно не возвращались с повинной, а возвращали себе то, что принадлежало им по праву.

Но их никто не встретил. Только несколько охранников у входа да привычный шелест листвы в саду.

— Где все? — настороженно спросил Мустафа, оглядывая пустой двор.

— Сейчас сообщу, что вы пришли, — ответил один из работников и торопливо скрылся в доме.

Мустафа напрягся. Как же так? Отец ведь сам позвал их — позвонил вчера, говорил сухо, но твёрдо. Почему же он не сказал остальным, что они сегодня приедут? Неужели снова? Неужели опять

Через несколько минут во двор выбежала Эсин, а за ней — Эла и Нурай, вытирающая руки о передник.

— Сестра! Брат! — воскликнула Эсин, подбегая так быстро, что едва не споткнулась о каменную плитку.

Она опустилась на колени прямо перед испуганной, растерянной Лале, взяла её здоровую руку в свои.

— Ты почему в кресле? Что-то серьёзное? Тебе больно?

— Мне пока тяжело ходить, дорогая, — Лале попыталась улыбнуться. — Но почему нас никто не встретил? Отец ведь нас позвал. Он сам позвонил.

Эсин округлила глаза.

— Он ничего нам не сказал, сестра. Ни слова. Но какая разница? — она сжала её пальцы. — Главное, что вы теперь дома. Остальное не важно.

Эла подошла ближе — медленно, величественно, но в глазах её стояли слёзы. Она положила свою мягкую, тёплую ладонь на руку Лале и нежно сжала.

— Доченька, как ты?

— Уже лучше, мама. Спасибо. Намного лучше.

Эла подняла взгляд на Мустафу — вопросительный, но не враждебный. Словно спрашивала: «Что же вы тут делаете? Почему вернулись сейчас?»

— Нас позвал отец, — коротко ответил парень, всё ещё стоя за креслом сестры.

И в глазах матери заискрилась радость — та самая, которую она так долго прятала под маской строгости и смирения. Она выпрямилась и оглядела двор, словно впервые за долгое время увидела его таким, каким он должен быть: полным детей.

— Проходите! Не стойте на пороге. Нурай! — позвала она, и голос её зазвенел. — Готовь комнаты! Комнаты Лале и Мустафы, немедленно!

Нурай, широко улыбаясь, всплеснула руками и тут же побежала в сторону комнат на первом этаже — туда, где раньше жили близнецы и где сейчас не было ничего, кроме многолетней тишины и пыли на запертых дверях.

Мустафа докатил кресло с сестрой до диванчиков и кресел, что стояли в тени старой туи — того самого места, где семья всегда собиралась поговорить и попить чай. Он снова поднял сестру — легко, хоть и осторожно, — и аккуратно усадил на мягкие подушки. Рядом с Лале тут же опустилась Эла и с огромной, трепетной любовью взяла дочку за руку. Лале на мгновение замерла — она даже не поверила. Словно эта материнская любовь была сном, миражом, который вот-вот растает. С другой стороны присела Эсин, положила руку на колено сестры, и её тёплые пальцы чуть подрагивали. Мустафа сел напротив и облегчённо выдохнул.

— Мужчины ещё не вернулись? — спросил он.

— Хазар позвонил мне днём, — ответила госпожа особняка, поправляя платок. — Сказал, в офисе какой-то переполох. Думаю, скоро уже будут.

— Где Ирем? — тихонько спросила Лале, и голос её дрогнул.

— Они с Муратом в подготовительной школе, — мягко ответила Эла. — У девочки пока небольшие проблемы с учёбой, нужно немного подтянуться перед основной школой. Но она умница, схватывает на лету.

— Ох, — Лале тяжело вздохнула, опустив голову. — Я старалась дать ей азы, учила её всему, чему могла но не смогла. Времени не хватало, сил Спасибо вам, что занялись ею.

— Опусть голову мне на плечо, доченька, — ласково сказала Эла.

И Лале опустила. Прижалась щекой к материнскому плечу, вдохнула родной запах — лаванды, свежего хлеба и чего-то ещё, что она помнила с детства. И на душе стало легче. Хотя бы на мгновение.

Но уже скоро двери особняка снова распахнулись. Во двор вошли Хазар и Церен — оба напряжённые, с усталыми лицами. За ними — Омер, нервно поправляющий галстук. А последним шёл отец — Искандер-ага, тяжело опираясь на трость. Ни на ком не было лица. Будто кто-то умер.

— Что случилось? — Эсин резко поднялась. — Что с вашими лицами?

И тогда все подняли головы и увидели Мустафу с Лале. Хазар и Церен, несмотря ни на что, тут же заулыбались — устало, но искренне. Даже Омер коротко кивнул в знак приветствия. А вот Искандер взорвался ещё большей яростью, хотя ярость эта была направлена не на них.

— Мустафа, — отрывисто бросил он, — в мой кабинет. Немедленно.

И снова в глазах отца они оказались нежеланными. Ничего не понимающий Мустафа переглянулся с сестрой и молча поднялся вверх вслед за отцом. А во дворе повисло тяжёлое, гнетущее молчание.

— Омер, — бросила Эсин требовательно, — что случилось? Скажи сейчас же!

— В компании проблемы, — ответил Омер, устало плюхнувшись в кресло.

— От нас ушёл спонсор, — закончил Хазар, усаживаясь рядом с Церен и беря её за руку. — Господин Джамиль. Наш основной партнёр.

— Что ты говоришь? — Эла побледнела и прижала руку к груди. — Как же так?

— Господина Джамиля переманили, — Хазар выдержал паузу, — и отец думает, что это дело рук Узуноглу.

Лале забыла, как дышать. Воздух застрял в груди. Она выпрямилась и положила здоровую руку на сердце, которое забилося с перебоями. Не может быть! Хакан, который едва её не убил, ещё не насытился? Сколько же горя он принёс ей одной, а теперь взялся и за всю её семью?

— Отец зол на Мустафу? — с тревогой спросила Эла.

— Не думаю, — покачал головой Хазар. — Просто хочет обсудить с ним что-то. Без нас. Лале всхлипнула и опустила голову.

— Простите меня Это всё из-за нас. Нам не стоило возвращаться. Мы только принесли беду. Мы уйдём.

— Не говори чушь, — резко, твёрдо отрезала Эла, и в голосе её зазвучал металл. — Ты и твой брат покинете этот особняк только в одном случае: если ваш отец решит выгнать и меня. А этого не будет. Никогда.

Лале осеклась. Она вжалась в мягкие подушки, словно пыталась испариться, раствориться, исчезнуть. А вскоре двери особняка снова открылись, и во двор с радостными криками вбежали Ирем и Мурат.

— Мама! Мамочка!

Ирем с визгами пронеслась к матери, даже не глядя под ноги. Едва не упала, запнувшись о край ковра, но Хазар успел подхватить её в последний момент.

— Куда же ты так летишь, маленькая?

— К мамочке! — девочка вырвалась и бросилась вперёд.

Она припала к матери всем телом, вжалась в неё. Лале обхватила дочку изо всех сил, хотя тело тут же отозвалось тупой, ноющей болью — она не обратила на неё никакого внимания. Вдохнула запах волос малышки, но не смогла насытиться. Усыпала её щёки поцелуями — лоб, нос, подбородок, снова лоб.

— Как ты, моя девочка? Да ты, кажется, выросла за эти дни! Смотри, какая высокая уже стала!

— Я всё равно выше! — обиженно заявил Мурат, прижимаясь к Эсин.

— Конечно, — рассмеялась она, глядя сына по голове, — ты же мальчик. Высокий и такой красивый. Самый лучший.

Раздался звук шагов. Мустафа и отец спускались по лестнице. Все вокруг замерли, пытаясь угадать — удалось ли им прийти к какому-то соглашению? Удалось ли сохранить мир? И когда ага подошёл к семье, остановился и положил свою тяжёлую ладонь на плечо сына, все затаили дыхание.

— Добро пожаловать домой, — сказал он просто.

И все шумно выдохнули.

— Мустафа теперь будет работать в компании, — продолжил ага, и в голосе его звучала гордость, которой он сам, кажется, не ожидал. — Он будет отвечать за поставки. Нужны молодые силы.

Лале поджала губы, сдерживая восторженный крик. Ирем подскочила к дяде, и Мустафа тут же легко подхватил её на руки.

— Поздравляю, сынок, — тихо, с теплотой произнесла Эла, и в её глазах стояли слёзы.

— Поздравляю! — подхватили остальные.

Мустафа широко улыбался — той самой улыбкой, которую они не видели семь лет. Он взглянул на Лале, встретился с ней глазами и умиротворённо кивнул. Они остаются. Они дома.

— Тогда давайте уже поужинаем, — сказала Церен, поднимаясь и потягиваясь. — Весь день на ногах, с утра во рту ни крошки.

Мустафа опустил Ирем на землю и подошёл к сестре, чтобы привычным движением отвести её к столу.

— Позволь мне, — вдруг перед ним встал Хазар.

Он наклонился, поднял младшую сестру на руки — осторожно, словно она всё ещё была той маленькой Лале, что когда-то засыпала у него на плече, — и понёс её в сторону летней обеденной, где уже суежилась Нурай, накрывая на стол. Лале обхватила его за шею здоровой рукой и прошептала едва слышно, одними губами:

Глава 9

Мустафа, впервые за долгие, бесконечные семь лет, выпался по-настоящему. Не просто забылся тревожным сном, а именно выпался — глубоко, без сновидений, без страха. Всё потому, что под его головой лежала мягкая, пахнущая лавандой подушка, а воздух в комнате был тот самый — из детства. Смесь старого дерева, благовоний и едва уловимого аромата сада за окном. В углу комнаты тихо догорала палочка благовония, оставленная заботливой Нурай, за окном уже рассвело, и тёплый утренний свет заливал комнату. Мужчина проснулся сам — даже без будильника.

Сегодня его первый день в компании. Первый раз он ступит на порог офиса не как сын аги, забежавший после школы, а как равный брату. Как равный отцу. Он ждал этого момента очень долго — возможно, всю свою сознательную жизнь. Вчера, когда отец отвёл его в кабинет и закрыл дверь, Мустафа ожидал чего угодно: упрёков, нового наказания, холодного тона. Но вместо этого отец просто предложил перемирие. Попросил помощи в трудный момент. И теперь, когда Хакан угрожает всей семье Улусой, Мустафа должен помочь. Он должен вместе со всеми мужчинами семьи стоять горой за своих женщин.

Но сначала ему предстояло кое-что завершить. Поблагодарить Альпа за поддержку и честно сказать, что больше работать в такси он не может. Что ему нужно исполнить долг перед отцом. Он быстро собрался и бесшумно выскользнул из особняка, пока все ещё спали. Быстрым шагом пересёк знакомые улочки, ещё пустынные в этот ранний час, и достиг особняка друга. Перелез через забор ровно в том месте, где они с Альпом лазали в детстве, — там, где каменная кладка была чуть ниже.

В доме друга всё ещё спали. Кроме самого Альпа. Он уже стоял на пороге в строгом чёрном костюме, вертел шеей — то ли разминал затёкшие мышцы, то ли поправлял воротник, — и выглядел так, словно страшно устал.

— Ранняя птичка ты, Альп, — тихо усмехнулся Мустафа, появляясь из-за кустов.

Друг вздрогнул, удивлённо заморгал и подошёл ближе.

— Ты что тут делаешь? Как ты вошёл? Охрана же...

— Перелез через забор. Как в старые добрые.

— Дурак, — Альп покачал головой, но уголки его губ дёрнулись в улыбке.

— Я хотел тебя поблагодарить. За то, что не отвернулся, не обидел. Помог, когда я уже не надеялся. Но теперь я пришёл, чтобы сказать: отец просит меня помочь в компании. Он позвал меня. Я должен вернуть тебе ключи и машину. Прости, что так скоро.

— Что ж, — Альп вздохнул, но взгляд его оставался тёплым, — тогда привези машину сам в таксопарк. Когда будешь свободен, конечно. Никакой спешки.

Мустафа поднял глаза на друга и вдруг ощутил, как сильно он по нему скучал все эти годы.

— Давай поужинаем сегодня. Немного поговорим. Ты мне нужен, брат.

— Хорошо, — Альп просто пожал плечами. — Позвони мне, как освободишься. Я приеду за тобой. И не опаздывай, как в школе.

Мустафа и Альп разошлись — каждый в свою сторону, но теперь не на семь лет, а всего на несколько часов. Мустафа вернулся к особняку, взял у охраны ключи от одного из домашних автомобилей — старого, но надёжного седана, — сел за руль и помчал в сторону офиса. Город ещё только просыпался. С минаретов зазвучал озан — протяжный, чистый, плывущий над крышами. Мустафа помолился. За себя. За сестру. За всю семью.

Он вошёл внутрь офиса, где за стойкой ресепшена уже сидела сонная милая девушка. Услышав шаги, она тут же подскочила, поправила бейджик на груди.

— Господин? Вы к кому? Доброе утро!

— Доброе утро, — Мустафа выпрямился и постарался, чтобы голос звучал уверенно. — Меня зовут Мустафа Улусой.

— Ах, да! — она понимающе кивнула. — Мустафа-бей, прошу вас, ваш кабинет на первом этаже, я провожу. Хотите, заварю чай или кофе?

Для него это было в новинку. Он не был в стенах компании много лет, да и тогда, в прошлой жизни, был ещё мальчишкой. Всё изменилось: офис стал более современным, появились новые лица, новые порядки. Он прошёл вслед за Айше — её каблучки звонко цокали по мраморному полу — и оглядывался по сторонам, пытаясь впитать каждую деталь.

— Принесите чай, пожалуйста. С сахаром. — Он помедлил. — И с кем я могу поговорить по поводу документов?

— Каких именно документов, Мустафа-бей?

— Пусть ко мне зайдёт тот, кто заведовал раньше поставками. У него и спрошу.

— Поняла, — Айше улыбнулась и кивнула. — Сообщу господину Умуту и сейчас же принесу ваш чай. Располагайтесь.

Мустафа занял кожаное, пахнущее новой обивкой кресло и откинулся на спинку. Тяжело выдохнул, прикрыл глаза. Ему предстояло не просто работать — ему предстояло всего за несколько дней обучиться всему, что должен знать руководитель отдела поставок. Вспомнить то, чему когда-то учил его отец. И когда в кабинет вошёл пожилой, грузный мужчина с кипой папок — господин Умут, — Мустафа достал из ящика стола старую записную книжку и начал записывать. Внимал каждому слову, брал из рук Умута накладные, логистические карты, контракты. Цифры, маршруты, поставщики, сроки. Мозг был готов взорваться, но он знал: Мустафа, что носит такую фамилию, как Улусой, со всем справится. Это лишь мелкие трудности на пути.

Когда Умут наконец вышел, Мустафа потянулся и встал из-за стола. Решил размяться. Поднялся на второй этаж, прошёлся по коридору, разглядывая знакомые и незнакомые таблички на дверях. И нашёл кабинет Хазара. Дверь была приоткрыта. Старший брат сидел за столом, уткнувшись в телефон, и лицо его было напряжённым.

— Можно? — Мустафа постучал костяшками по дверному косяку.

Хазар поднял голову, и на его лице медленно проступила улыбка.

— Заходи, брат. Как первый день? Голова ещё не кругом?

— Кругом, — честно признался Мустафа, присаживаясь в кресло напротив. — Но я справлюсь. Ты как? Выглядишь так, будто не спал всю ночь.

— Потому что не спал, — Хазар отложил телефон и потёр переносицу. — Думал. Обо всём. О нас. О компании. Об отце.

— И до чего додумался?

— До того, что мы должны держаться вместе, — Хазар посмотрел брату прямо в глаза. — Сейчас, как никогда.

— Конечно, брат, — Мустафа кивнул и откинулся в кресле, внимательно глядя на Хазара. — Ты как всегда прав. Но мне кажется, дело тут не только в компании. Я же вижу тебя. Что-то ещё случилось. Что у тебя на душе?

Хазар отвёл глаза. Он долго молчал, вертя в пальцах дорогую ручку, потом положил её на стол и тяжело вздохнул.

— Я не знаю, как и сказать, брат. Я наделал много ошибок. Очень много. Запутался. И честно, — он поднял на Мустафу усталые, покрасневшие глаза, — я не хочу сейчас об этом говорить. Не готов. Может быть, позже.

— Тогда не говори, — Мустафа пожал плечами, но голос его оставался мягким. — Не хочешь — не надо. Я не давяю. Но помни вот что, Хазар: каждую ошибку можно исправить, пока мы живы. Пока дышим — всё можно починить. Разве я сам не наделал ошибок? Ещё

каких. Сбежал, бросил всех, семь лет ни слуху ни духу. Думал — всё, обратной дороги нет. А теперь посмотри: я здесь. Сажу в твоём кабинете. Что-то да получилось. Понимаешь?

Хазар поднял голову, посмотрел на младшего брата долгим, изучающим взглядом. А потом улыбнулся по-настоящему, хоть и с тенью грусти.

— Спасибо, Мустафа, — тихо сказал он.

Слова брата, конечно, не могли мгновенно исцелить то, что болело у него внутри. Не могли стереть прошлое, не могли развязать тот тугой узел, что затянулся в груди. Но стало немного легче. Совсем чуть-чуть — ровно настолько, чтобы снова сделать вдох полной грудью.

Искандер-ага не знал, как быть. Сегоднешнее утро показалось ему настолько тоскливым, настолько серым и безрадостным, что он решил не ехать ни в магазин, ни в компанию. Не было сил. Он пролежал в кровати до самого обеда, отвернувшись к стене, едва отмахнулся от встревоженной Элы, которая всё грозила позвать доктора — измеряла ему пульс, прикладывала ладонь ко лбу. А потом, не позавтракав и не пообедав, ага просто поднялся и вышел на улицу. Без трости, без водителя, без цели. Просто пошёл.

Ноги сами вели его в сторону базара. Он шёл медленно, заложив руки за спину, кивал проходящим мимо знакомым лицам. Люди желали ему доброго утра и мира в доме, и он отвечал им коротко, почти машинально. Но солнце сегодня жарило пуще обычного — беспощадное, палящее. Сердце уже не то, не выдерживало такой нагрузки, и он почувствовал, как в висках начинает стучать. Решил немного передохнуть.

Он вошёл внутрь прохладного кафе — старого, с низкими каменными сводами и запахом свежемолотого кофе, — где его тут же встретил старый знакомый Идрис, владелец заведения. Идрис был почти его ровесником, но сохранил юношескую живость и пышные, всё ещё чёрные усы.

— Брат мой, Искандер! — он широко улыбнулся и раскинул руки. — Присаживайся, дорогой. Сколько лет, сколько зим!

Ага сел за столик прямо на террасе, отделённой от улицы широким, колышущимся на ветру балдахинном. Заказал чай и пахлаву. Ему бы такое не есть — доктор запрещал сладкое, — но сегодня захотелось особенно сильно. Так, что устоять было невозможно. Идрис лично принёс для аги поднос и, не спрашивая разрешения, уселся напротив со своим стаканом горячего чая.

— Я уж думал, не зайдёшь, дорогой. Давно тебя не видел. Думал, забыл старика Идриса.

— Как я мог не зайти? — ага слабо усмехнулся. — Дел было много, но вот, пришёл. Ноги сами принесли.

— Уже два часа, Искандер, — Идрис достал из кармана старый телефон и глянул на экран. — Может, вместе пообедаем? Одной сладостью сыт не будешь. Да и что-то у тебя случилось. Я же вижу. У тебя на лице всё написано.

Ага тяжело вздохнул.

— Ты прав, Идрис. Случилось. Проблемы в компании.

— Что же могло случиться? У вас же целая тканевая империя! На весь Мидьят, на всю округу.

— От нас ушёл спонсор. — Искандер отвёл глаза. — Без него загнёмся уже через несколько месяцев. И я потеряю всё, что строил мой отец, а потом и я. Всю жизнь. Псу под хвост.

— Слушай, — Идрис подался вперёд и понизил голос, — не хочу лезть не в своё дело, но разве нельзя найти другого спонсора? Столько бизнесменов здесь, в Мидьяте, да и в других городах Турции. Ты же не последний человек.

— Я не знаю, друг мой. — Ага пожал плечами, и в этом жесте было столько беспомощности, что Идрис даже отвёл взгляд. — Не знаю. Принесёшь всё-таки обед? У меня от сладкого желудок заурчал ещё сильнее. Хоть поем по-человечески.

Хозяин заведения понимающе кивнул, похлопал друга по плечу и удалился на кухню.

А Искандер откинулся на спинку стула и посмотрел на улицу. Прямо к заведению в этот момент подъехал большой чёрный джип — матовый, блестящий на солнце. Из него вышел молодой светловолосый мужчина. Выглядел он, на взгляд аги, скорее вычурно для такого простого района: синий дорогой костюм, галстук, лакированные туфли, а в руках — ноутбук. Мужчина поднялся на террасу, прошёл мимо Искандера — от него пахло дорогим одеколоном, — и сел за дальний столик в тени, раскрыл ноутбук и углубился в работу.

А вот и официант принёс два подноса с дымящимся обедом. Чечевичный суп, свежий хлеб, козий сыр с зеленью, оливки, истекающие маслом. Идрис, не заставляя себя ждать, снова уселся напротив друга, по-хозяйски разложил салфетку на коленях. Ага с наслаждением взялся за кусочек козьего сыра — солоноватого, рассыпчатого, — и на мгновение даже прикрыл глаза от удовольствия.

— Кстати говоря, о спонсорах, — Идрис кивнул в сторону дальнего столика, понизив голос. — Видишь того паренька? Ну, в синем костюме, с ноутбуком?

— Ну, вижу, — ответил Искандер, бросая короткий взгляд через плечо.

— Этот парень ещё очень молод — вроде чуть больше тридцати ему, — но уже сказочно богат. Владелец огромной ювелирной империи. По всей Турции салоны, и в России тоже что-то есть, насколько я слышал. — Идрис придвинулся ближе. — И ещё я слышал, что он ищет, куда вложить деньги. Новые направления, новые проекты. Понимаешь, к чему я? Подойди и поговори с ним.

— Я не вожусь с молодой кровью, — прыснул ага, отмахиваясь. — Пусть сами ко мне приходят, если что-то нужно. Ещё и мне самому подойти, на поклон?

Идрис отложил ложку и строго посмотрел на старого друга.

— Когда твоя компания рухнет, Искандер, ты вспомнишь этот разговор. И свои слова вспомнишь. Гордость — это, конечно, хорошо, но она не спасёт твой бизнес.

И вот Искандер Улусой задумался. Отодвинул тарелку, откинулся на спинку стула и задумался крепко. Стоит ли из-за своих предрассудков, из-за глупой гордыни не попытаться поймать удачу за хвост? В конце концов, что он теряет? Отказ? Ну так он и так на грани краха. Он прокашлялся, вытер губы салфеткой и медленно поднялся.

— Подойду, — бросил он Идрису.

Тот лишь понимающе кивнул и отсалютовал стаканом чая.

Искандер тяжело переставлял ноги, проходя через несколько столиков, пока не оказался прямо перед молодым мужчиной. Тот был полностью погружён в работу — длинные пальцы быстро бегали по клавиатуре, на лице застыло сосредоточенное выражение. Ага на мгновение замешкался, но всё же произнёс:

— Могу я присесть?

Светловолосый поднял голову, оторвавшись от экрана. Его лицо поначалу не выражало никаких эмоций — только холодную, изучающую оценку. Искандер напрягся. Сердце ёкнуло. Не дай Бог сейчас его решимость пошатнётся, не дай Бог этот юнец окинет его презрительным взглядом и вернётся к работе. Но вдруг молодой мужчина улыбнулся — открыто, тепло, — и закрыл крышку ноутбука.

— Конечно. Присаживайтесь, прошу вас. — Он отложил ноутбук в сторону и всем корпусом развернулся к собеседнику, показывая, что полностью в его распоряжении.

Ага сел напротив, тяжело опираясь на стол.

— Меня зовут Искандер Улусой, — представился он, стараясь, чтобы голос звучал ровно и достойно.

— Приятно с вами познакомиться, Искандер-ага, — молодой человек слегка склонил голову в знак уважения. — А меня зовут Волкан Кая.

Он протянул руку для рукопожатия — открытую, крепкую, без тени высокомерия. Искандер пожал.

— А я ведь слышал кое-что о вас. Улусой, — Волкан произнёс это имя медленно, словно пробуя его на вкус, перекачивая на языке, как глоток хорошего вина. — Ну да, конечно. Я часто проезжаю мимо вашего офиса. «Ткани Улусой» — красивая вывеска, её трудно не заметить. Солидное место.

Ага невольно расплылся в довольной улыбке — такой, какая бывает у отца, когда хвалят его детище.

— Заказать вам кофе, ага? — Волкан чуть подался вперёд, и в его голосе прозвучало искреннее участие. — Так приятно с вами посидеть, немного поговорить. Вы ведь не откажете обычаю — угостить гостя?

— Спасибо, сынок. Не нужно, право слово. Я только что чай пил.

— Ну как же, — Волкан мягко улыбнулся и, не слушая возражений, кивнул пробежавшему мимо официанту, — прошу вас, мне будет приятно. Принесите Искандеру-аге кофе. Самый лучший, какой у вас есть.

Этот простой, но искренний жест очень польстил такому человеку, как Искандер Улусой. Волкану удалось мгновенно, одним движением расположить его к себе. Ведь когда кто-то — пусть даже незнакомец — проявляет заботу, это всегда обезоруживает. Особенно того, кто привык заботиться обо всех сам.

— Господин, — Волкан откинулся на спинку стула и внимательно посмотрел на агу, — вы, может, хотели что-то спросить? Или я, может, позабыл — мы с вами уже где-то встречались? Ваше лицо кажется мне очень знакомым.

— Нет-нет, — Искандер покачал головой, — не встречались. — Он на мгновение замолчал, подбирая слова, и наконец решился: — У меня к тебе деловой вопрос, сынок. Владелец этого кафе — мой хороший друг. И он сказал мне, что ты ищешь для развития новые направления. Новые проекты, в которые можно вложить средства.

— Ваш друг верно сказал, — Волкан кивнул, и в его глазах мелькнул живой, деловой интерес.

— Моя компания сейчас — ага снова запнулся, не в силах выдавить из себя слово «предательство», — ищет нового спонсора. Со старым разорвали контракт. Так вышло. Обстоятельства.

Он не смог сказать правду, что спонсор сам ушёл, предал, переметнулся к врагу, словно и не было этих долгих лет сотрудничества, рукопожатий, взаимных уважений. Стыдно было. Горько.

— Вы ведь говорите о своём тканевом бизнесе? О «Тканях Улусой»? — уточнил Волкан.

— Верно.

— Это интересно, — молодой человек на мгновение задумался, постучал пальцами по столу. — Очень интересно. Мы можем это обсудить. Но вы знаете, Искандер-ага — он чуть наклонил голову, — я человек немного сложный. В работе люблю полный контроль. До мелочей. Боюсь вас чем-то даже обидеть, показаться дотошным, слишком въедливым. Меня многие за это не любят.

— Не обидишь меня, Волкан, — ага неожиданно для самого себя усмехнулся. — Я тоже люблю держать всё под контролем. Значит, в этом мы с тобой уже сошлись. Два сапога пара.

— Что ж, тогда давайте встретимся немного позже. Я могу подъехать в ваш офис — Волкан на секунду заглянул в телефон, — завтра утром. В десять. Удобно?

— Договорились, сынок. Приезжай. Я распоряжусь, чтобы нас не беспокоили.

Волкан кивнул, взял со стола ноутбук, лёгким движением убрал его в сумку. Затем вытащил из бумажника крупную купюру и оставил на столе — намного больше, чем стоил весь их недолгий разговор.

— Доброго вам дня, Искандер-ага. Берегите себя. — Он слегка поклонился, прижав руку к сердцу.

— И тебе доброго дня, Волкан.

Молодой мужчина развернулся и зашагал к своему джипу — широкоплечий, уверенный, с прямой спиной. Ага проводил его долгим взглядом. И впервые за это ужасное, тоскливое утро почувствовал внутри что-то, отдалённо похожее на надежду.

Глава 10

Волкан наконец-то забрал маму из больницы. Врачи долго не хотели её отпускать — всё проверяли сердце, снимали показатели, качали головами. Но Селин Кая была женщиной с характером: если она решила, что здорова, — значит, здорова. И вот она уже сидела на заднем сидении его джипа, укутанная в мягкий шёлковый платок, и улыбалась той самой улыбкой, которую Волкан так боялся потерять.

— Ох, мама, — выдохнул он, поглядывая на неё в зеркало заднего вида, — напугала ты всех нас. Я чуть не поседел.

— Мне уже лучше, сын. Гораздо лучше, — она погладила его плечо. — Но знаешь, что помогло бы мне окончательно поправиться?

Мужчина напрягся, мысленно перебирая варианты. Частная клиника в Германии? Лучшие доктора? Отдых на море? Он уже готов был предложить всё, что угодно.

— Мне бы помогло увидеть, как ты женился, — ласково продолжила Селин. — Как маленькие детки бегают по нашему саду, как смех разносится по дому. Вот что лечит материнское сердце, Волкан. Не таблетки.

Мужчина обречённо вздохнул. Ну конечно. Не нужно ей никакое лечение. Только внуки.

— Мама

— Ну что, сын мой? Тебе уже достаточно лет! Ты успешен, богат, красив — весь в отца. Я хочу увидеть твою свадьбу прежде чем

— Даже не договаривай, — перебил он резче, чем хотел. — Пожалуйста. Ты будешь жить вечно, я тебе обещаю.

Они въехали в ворота особняка. Волкан вышел первым, открыл перед мамой дверь и подал руку, помогая выбраться. Селин оперлась на его локоть и медленно направилась к дому.

— Пусть меня никто не беспокоит, — сказала она обиженно, когда они вошли в прохладный холл. — Я буду у себя в комнате. Молиться за будущее своих внуков, раз уж иначе нельзя.

Волкан только улыбнулся и покачал головой. К ней тут же подскочили помощницы и вместе с ней засемили в сторону комнат.

Теперь нужно было найти Али. Друг куда-то запропастился с самого утра, и это было на него не похоже. Спит, что ли? Волкан быстрым шагом направился к комнате друга, постучал и, не дожидаясь ответа, решительно вошёл. Али лежал в постели, одеяло было натянуто до самой макушки, закрывая даже лицо.

— Али! Вставай!

— А?! — тот подскочил как ошпаренный, испуганно заозирался и начал судорожно искать одежду. — Что? Что случилось? Кто-то умер?

— Мы едем в офис Улусой. Я же тебе вчера говорил. Ты забыл?

Вчера они немного выпили — отмечали будущее возвращение матери. И если у Волкана было врождённое чувство меры, то у Али этот аспект ещё прихрамывал.

— Я не услышал будильник, — пробормотал он, натягивая брюки и пытаясь застегнуть рубашку. — Две минуты. Клянусь, буду готов через две минуты.

Волкан кивнул и вышел в коридор. И действительно — ровно через две минуты они вдвоём уже шагали к машине. Оба в деловых костюмах, оба сосредоточенные.

— Помнишь, как себя вести? — негромко спросил Волкан, заводя мотор.

— Друг, ну не обижай меня, — Али усмехнулся. — Я тебе ведь сам какие-то идеи предлагал. Всё помню.

— Тогда давай сыграем в эту игру и выйдем победителями. Мы обязаны.

Вскоре они примчали прямо к офису «Ткани Улусой». И, войдя внутрь, были встречены самим господином Искандером. Рядом с ним стояли ещё двое мужчин. В первом Волкан сразу

узнал Мустафу — того самого безумца, что ради сестры чуть не сел в тюрьму, украв его пистолет. У парня глаза вмиг округлились, и в них отчётливо читался непомерный страх. Страх, что Волкан сейчас, здесь, при всех, поведаёт отцу о том позорном дне их знакомства. Второго мужчину Волкан не знал, но был уверен: это старший сын, Хазар. Высокий, в строгом костюме, с аккуратной бородой и усталым лицом.

— Добрый день, господин Искандер, — Волкан первым протянул руку, открыто и уважительно.

— Здравствуй, Волкан, — ага ответил крепким рукопожатием. — Кто же с тобой?

— Мой партнёр — Али. Мой друг и некровный брат, который всегда со мной, даже в бизнесе. — Али тоже пожал руку аге. — А с вами, как я понимаю, сыновья? Верно?

— Верно. Мои Хазар и Мустафа.

— С Мустафой мы уже виделись, — Волкан спокойно, без тени насмешки, протянул руку парню. — В больнице случайно встретились. Моя мама перенесла операцию на сердце, вот и пересеклись в коридорах. А вот второго вашего сына, — он повернулся к Хазару, — ещё не довелось узнать.

— Пусть всё это останется в прошлом, — с искренним сожалением произнёс ага, имея в виду, видимо, всё сразу: и операцию матери, и больницу, и беды, что свалились на всех.

Хазар и Волкан обменялись рукопожатием — твёрдым, мужским. Али тем временем вдруг занял позицию переговорщика и вышел вперёд, шагая рядом с Искандером и Хазаром, начал что-то обсуждать уже на ходу. Волкан и Мустафа чуть отстали.

— Волкан, спасибо, — едва слышно произнёс Мустафа, наклонившись к нему. — Спасибо, что не сказал отцу о моём позорном поступке. Я я не знаю, что бы делал.

— Ничего, брат мой, — Волкан чуть улыбнулся. — Это всё в прошлом. Я же сказал. Мы тогда всё решили, и нечего к этому возвращаться.

— Но как вы с отцом познакомились? Как вдруг решили работать вместе?

— Твой отец сам подошёл ко мне вчера. Я сидел в кафе, работал, а он подошёл и заговорил. Кто-то рассказал ему, что я ищу, куда вложить средства. Ну а я с удовольствием согласился обсудить. — Волкан на секунду задумался. — И вот мы здесь. Судьба, наверное.

Все пятеро поднялись в переговорную — просторную, светлую, с большим круглым столом и окнами во всю стену. Заняли места друг напротив друга. Искандер-ага в центре, Хазар и Мустафа по бокам от него, а Волкан и Али — напротив. Али достал из портфеля документы, ручку, блокнот. Волкан откинулся в кресле и приготовился слушать.

Искандер-ага занял место в центре, Хазар и Мустафа — по бокам от него, словно стражи. Напротив расположились Волкан и Али, разложившие перед собой документы.

— Итак, господин Искандер, — Волкан первым нарушил молчание, откидываясь в кресле, но сохраняя прямую, уверенную осанку. — Прежде чем мы перейдём к деталям, я хотел бы услышать о вашей компании из первых уст. Чем вы гордитесь больше всего? Что считаете своим главным достижением?

Ага прокашлялся и расправил плечи. Этот вопрос явно пришёлся ему по душе.

— «Ткани Улусой» существуют уже больше сорока лет, — начал он, и в голосе его зазвучала сдержанная гордость. — Мой отец начинал с одной маленькой лавки на базаре. Теперь у нас шесть магазинов по всему Мидьяту, офис, склады и собственное небольшое производство. Мы одеваем весь город — от простых рабочих до уважаемых семей. Наши ткани знают и в Мардине, и в Стамбуле. Качество, проверенное поколениями.

— Впечатляет, — кивнул Волкан. — Али, что думаешь?

Али, всё это время молча изучавший какие-то цифры в своём блокноте, поднял голову.

— Я тут прикинул кое-что навскидку, — он подвинул блокнот Волкану. — Шесть магазинов, свой склад, производство. Если грамотно вложиться в маркетинг и расширить сеть хотя

бы до десяти точек, можно увеличить прибыль вдвое за пару лет. Особенно если добавить онлайн-продажи. Сейчас это перспективно.

Хазар, до этого молча слушавший, одобрительно кивнул.

— Мы как раз обсуждали это несколько месяцев назад. Хотели запустить интернет-магазин, но не хватило средств и нужного специалиста.

— Это мы можем решить, — Волкан перевёл взгляд на агу. — У меня есть люди, которые занимались запуском онлайн-продаж для ювелирной сети. Опыт есть, наработки тоже. Но прежде чем мы двинемся дальше, позвольте задать один вопрос. Прямой.

Искандер чуть напрягся, но кивнул.

— Спрашивай, сынок. В бизнесе не должно быть недомолвок.

— Почему от вас ушёл предыдущий спонсор? — Волкан обвёл взглядом всех троих. — Господин Джамиль Денмез, насколько я знаю, работал с вами десять лет. Это долгий срок. И вдруг он разрывает контракт — резко, без предупреждения. Что случилось? Я должен понимать, с чем имею дело, прежде чем вкладывать деньги.

В переговорной повисла тяжёлая тишина. Хазар отвёл глаза и уставился в стол. Искандер поджал губы, и на его лице отразилась внутренняя борьба. Но прежде чем он успел что-то сказать, Мустафа, сидевший с краю, вдруг сжал кулаки и выпалил:

— Это всё Хакан Узуноглу. Он переманил Джамиля. Он хочет уничтожить нашу семью.

Волкан медленно перевёл взгляд на Мустафу. Его лицо осталось спокойным, но в глазах мелькнуло что-то острое.

— Хакан Узуноглу, — повторил он, и это имя прозвучало в тишине как удар колокола. — Объясните.

— Мустафа! — одёрнул сына Искандер, но было поздно.

— А что скрывать, отец? — Мустафа повернулся к нему, и в его глазах стояла боль. — Мы уже обожглись на том, что молчали. Больше нельзя.

Волкан перевёл взгляд на агу и спокойно, но твёрдо произнёс:

— Господин Искандер, если я стану вашим партнёром, я должен знать, с кем имею дело. И с какими рисками. Если за разрывом контракта стоит личная вражда, я должен понимать её причины. Это честно.

Ага тяжело вздохнул. Он долго молчал, глядя в стол, и наконец поднял голову. Его глаза, обычно строгие и непроницаемые, сейчас были полны боли и стыда.

Ага тяжело вздохнул. Он долго молчал, глядя в стол, и наконец поднял голову. Его глаза, обычно строгие и непроницаемые, сейчас были полны боли и стыда.

— Моя дочь Лале семь лет назад должна была выйти замуж за Хакана Узуноглу, — начал он сухо, без эмоций, словно зачитывал деловой отчёт. — В день свадьбы она сбежала вместе с братом. С тех пор Хакан не может ей этого простить. Недавно он узнал, что у Лале от него дочь. И теперь он мстит. Сначала ворвался в их квартиру и навредил ей. Теперь взялся за мой бизнес, переманил Джамиля. Он не успокоится, пока не уничтожит нас. Это всё, что я могу сказать.

Волкан перевёл взгляд на Мустафу. Тот сидел, вцепившись побелевшими пальцами в край стола, и едва заметно мотал головой — коротко, почти умоляюще: «Не говори, что ты уже всё знаешь. Не выдавай меня». Волкан понял без слов. Он чуть заметно кивнул и отвёл глаза.

— Теперь мне всё ясно, — произнёс он, и голос его зазвучал жёстче. — Господин Искандер, Мустафа, Хазар Я предлагаю вам нечто большее, чем просто сделку. У меня есть ресурсы, связи и возможности, которых нет у Хакана Узуноглу. Я предлагаю не просто вложить деньги в ваш бизнес. Я предлагаю полное уничтожение Хакана. Не убийство — я говорю о том, чтобы лишить его власти, денег, влияния. Чтобы он больше никогда не смел угрожать вашей семье.

— Почему вы хотите нам помочь? — тихо спросил Хазар, всё ещё хмурясь. — Кроме бизнеса, я имею в виду.

Волкан на мгновение замолчал, подбирая слова.

— У меня есть свои причины не любить Хакана Узуноглу. Этого достаточно. — Он не стал вдаваться в подробности. — Но чтобы наше сотрудничество было нерушимым, чтобы Хакан не мог даже близко подойти к вашей дочери и внучке, я предлагаю скрепить наш союз по-настоящему. Породниться.

В переговорной повисла гробовая тишина. Ага замер, не веря своим ушам. Хазар поднял брови. А Мустафа подался вперёд и впился в Волкана взглядом.

— О чём вы говорите, Волкан-бей? — переспросил Искандер. — Какое именно родство вы имеете в виду?

Волкан выпрямился в кресле, и его голос прозвучал ровно, спокойно, с той же уверенностью, с какой он заключал многомиллионные сделки.

— Я прошу руки вашей дочери, Искандер-ага. Лале Улусой. Я возьму её и её дочь под свою защиту. Хакан не посмеет тронуть члена семьи Кая — это он прекрасно знает. С вашего благословения, разумеется.

Повисла гробовая тишина — такая глубокая, что было слышно, как жужжит кондиционер и как где-то вдалеке за окном проехала машина. Ага замер, не веря своим ушам. Хазар поднял брови. А Мустафа — Мустафа вскочил со стула так резко, что тот с грохотом отъехал назад и ударился о стену.

— Что?! — выкрикнул он, и его голос сорвался на хрип. — Что ты себе позволяешь, Волкан?!

Он упёрся ладонями в стол, нависая над ним, его глаза метали молнии.

— Вы оба думаете, если у вас есть деньги и связи, то можно просто так заявиться и просить руки моей сестры, как будто она — товар на рынке? Как будто её можно купить в обмен на защиту?! — Он тяжело дышал, ноздри его раздувались. — Лале не продаётся! Она не разменная монета в ваших деловых играх!

Волкан не шелохнулся. Он сидел, сохраняя ледяное спокойствие, и смотрел прямо на Мустафу, не отводя глаз и не оправдываясь.

— Сядь, Мустафа, — тихо, но твёрдо произнёс Искандер.

Мустафа не сел. Он продолжал сверлить Волкана взглядом, полным ярости и недоверия.

Хазар промолчал. Он сидел, сложив руки на столе, и смотрел куда-то в сторону, каменный и безучастный. Не поддержал брата, но и не остановил. Просто молчал.

Искандер поднялся со своего места — медленно, тяжело опираясь на стол. Его лицо было бледным, но исполненным достоинства.

— Волкан, — произнёс он глухо, — я ценю твоё предложение. И ценю твою прямоту. Но ты должен понять одну вещь. — Он поднял на него свои старые, уставшие глаза. — Я не продаю свою дочь. Ни за деньги, ни за защиту, ни за что на свете. Она уже достаточно пострадала, чтобы её судьбу решали мужчины в переговорной.

Волкан выслушал молча, не перебивая. Затем медленно поднялся. Али, сидевший рядом, тоже встал.

— Я услышал вас, Искандер-ага, — спокойно произнёс Волкан. — И я уважаю ваше решение. — Он взял со стола свой ноутбук. — Мы выйдем, чтобы вы могли обсудить всё внутри семьи. Если захотите продолжить разговор — позвоните. Моё предложение о сотрудничестве остаётся в силе. Дверь открыта.

Он коротко кивнул Хазару, затем Мустафе — без тени обиды, — и вместе с Али покинул переговорную. Дверь за ними закрылась с тихим щелчком.

В коридоре Али негромко спросил:

— Ты ожидал, что они так отреагируют?

— Да, — коротко ответил Волкан. — И я бы на их месте поступил так же. Но это ничего не меняет. Я своего решения не меняю.

Глава 11

Лале сидела в своей комнате, укутанная тёплой пуховой шалью, и пила горячий чай из тонкой фарфоровой чашки — той самой, с золотым ободком, из которой пила ещё в детстве. Рядом, поджав ноги, сидела Эсин на краю кровати, а на полу, на мягкой подушке, устроилась Нурай. Они что-то спрашивали, наперебой рассказывали девушке последние новости, смеялись, но Лале всё не могла оторваться от разглядывания комнаты.

Всё здесь было точно таким же, каким она помнила. Нежно-персикового цвета каменные стены, которые она сама выбирала когда-то с мамой. Её маленький комод — на нём до сих пор стояла шкатулка с бусинами и лентами, а внутри лежали пожелтевшие от времени эскизы платьев. Ведь когда-то она мечтала стать модельером — рисовала до глубокой ночи, придумывала фасоны, ткани, кружева. На столе лежали те самые романы, которые она с упоением читала ночью под одеялом, светя себе карманным фонариком. А на потолке на потолке было звёздное небо. Фосфорные звёзды и маленький полумесяц, которые они с Эсин нарисовали больше десяти лет назад, сидя друг у друга на плечах и хохоча до упаду. Никто ничего не тронул. Никто не разрушил. Ни единой вещи не сдвинули с места. И это вводило её в недоумение — почему семья, которая, казалось, вычеркнула дочь из своей памяти, ничего не посмела здесь тронуть? Словно ждали. Словно надеялись.

— Дорогая моя, — с нежностью произнесла Эсин, поднимаясь и поправляя платок, — мне пора, прости. Поеду на учёбу, пары никто не отменял.

— Ты учишься? — у Лале округлились глаза, и она даже отставила чашку.

— Да, — Эсин смущённо улыбнулась, — последний курс. Ещё немного — и смогу пойти работать. Я буду учителем. Младших классов. Помнишь, я всегда любила возиться с детьми?

— Помню, — Лале сжала руку сестры, притянула её к себе и поцеловала в щёку. — Я так за тебя рада. Так горжусь тобой.

Дверь комнаты тихо отворилась, и лёгкой, почти неслышной поступью вошла мама. Эла остановилась на пороге, обвела взглядом комнату — ту самую, в которую не заходила много лет. Эсин тут же понимающе поднялась, за ней — Нурай. Обе молча кивнули и выскользнули в сад, прикрыв за собой дверь. Эла заперла её изнутри, медленно подошла к кровати и присела на стул рядом. Лицо Лале накрыла тихая, трепетная улыбка. Так давно она не могла представить такой обычной, простой картины: она сидит в своей комнате, рядом — мама, и между ними — тихий, спокойный разговор. Как раньше. Как всегда.

— Я тебя не побеспокоила? — спросила Эла, и голос её прозвучал мягко, почти робко.

— Что ты, мама, — Лале покачала головой, — я так рада тебя видеть. Так рада.

— Я хочу немного поговорить, дочка. Пока мы одни. Пока никто не слышит.

Лале насторожилась. Сердце ёкнуло, в голову тут же полезли только плохие мысли. Опять что-то случилось? Опять беда?

— Я хочу спросить, — осторожно начала Эла, и пальцы её нервно теребили край шали, — почему вы с Мустафой сбежали? Почему не пришли ко мне? Я бы защитила тебя. Даже от отца, если бы потребовалось. Я бы грудью встала.

Лале опустила глаза. Она и сама не знала точного ответа на этот вопрос. Тогда она была ещё очень молодой — восемнадцать лет, ветер в голове, — глупой и, можно даже сказать, безбашенной. Она и представить не могла, что семья встанет на её сторону. Может, дело было в подростковом максимализме, может, в страхе, а может — Бог ещё знает в чём.

— Я просто испугалась, — тихо ответила она, не поднимая глаз. — Очень сильно испугалась.

— Но ведь мы с тобой всегда были близки, девочка моя, — Эла подалась вперед, и в её голосе прозвучала боль. — Всегда. С самого твоего рождения. Нужно было просто сказать: «Мама, я оступилась». Всего три слова. И я бы всё поняла.

— Я знаю, мама знаю. — Лале наконец подняла глаза, и в них стояли слёзы. — Теперь-то я всё понимаю. Но тогда тогда я так испугалась, а Мустафа вспылел, загорелся — и мы просто исчезли. А потом я не знала, как можно вернуться после такого позора? Как смотреть вам всем в глаза?

— Знаешь, Лале, — Эла взяла дочь за руку и сжала её ладонь в своих, — ты не подумала об одной важной вещи. Даже если твой ребёнок совершил плохой поступок, даже если он оступился — он всё ещё остаётся твоим ребёнком. Навсегда. И теперь ты должна понимать это, как никто другой. Ты ведь стала мамой. Посмотри на свою Ирем. Ты бы отвернулась от неё, если бы она оступилась?

Лале едва не расплакалась. Слова застряли в горле. Эла Улусой была права — во всём, в каждом слове. Каждое её слово было чистой, прозрачной водой, смывающей старую боль.

— Понимаю, мамочка, — прошептала она, и слёзы всё-таки покатались по щекам. — Теперь понимаю.

— Как же вы были одни, Лале? — Эла придвинулась ближе и заглянула дочери в глаза. — Как вы смогли справиться со всем этим? С ребёнком, с нищетой, с голодом? Расскажи мне. Я хочу знать всё.

И тут перед глазами девушки вспыхнула картина — яркая, как вспышка молнии, — самого первого дня, когда они с братом оказались в Стамбуле. Огромный, чужой, шумный город, который не ждал их и не жалел. С собой ни вещей, ни денег — только они вдвоём, испуганные, потерянные. Они бродили по красивым улицам, грязные и несчастные, жалостливо смотрели на еду в витринах, на красивых прохожих — местных и туристов, что смеялись и ели мороженое. Гроши, что нашлись в кармане у Мустафы — жалкая мелочь, — были потрачены на один балык-экмек. Разломали пополам, сели на лавочку у Босфора и жевали молча, глядя, как чайки кричат над водой. Оба были разбиты. А через полчаса этой молчаливой посиделки Лале вдруг ощутила нестерпимую, режущую боль в животе. И упала в обморок, даже не успев ничего осознать.

— И я проснулась уже в больнице, — Лале говорила тихо, глядя куда-то в стену, но голос её не дрожал. — Открыла глаза, а передо мной — лицо брата. Белое как мел. Ещё врач и медсестра. Я пыталась его успокоить, думала — просто отравилась рыбой, с кем не бывает. А через пару минут узнала: я была беременна. И едва не потеряла ребёнка. Прямо там, на лавочке.

Глаза Элы наполнились слезами. Они катились по её щекам — одна за другой, — падали на ткань платья и оставались на нём маленькими мокрыми пятнами. Она не вытирала их, даже не замечала.

— Тогда Мустафа обезумел, — продолжила Лале. — Я едва смогла удержать его. Он хотел вернуться в Мидьят, найти Хакана, убить его, отомстить. Кричал, что разорвёт его голыми руками. Но мне нужен был уход, и он это понял. Остыл. И пока я лежала в больнице, он пропал на три дня. Пытался заработать хоть какие-то деньги, чтобы снять угол. Грузил что-то в порту, мыл машины, таскал коробки на базаре — всё, что находил.

Когда Лале наконец почувствовала себя лучше и когда больше не могла занимать койку в палате, её выписали. Она вышла одна на серую, шумную улицу, вдохнула густой влажный воздух — пахло дождём и выхлопными газами, — и опустила ладони на живот. Может быть, до этого момента она ещё не знала, зачем ей жить. Но теперь всё решилось. Она будет жить ради малыша, которого подарил ей Бог. И она пройдет каждое испытание, которое уготовит ей судьба. Чего бы это ни стоило.

— Мустафа заработал на съём комнаты. Нам ещё повезло: вторая комната в той квартире пустовала, и хозяин согласился сдать дешевле. Но он снова пропадал на работе, возвращался еле живой, падал на матрас и засыпал, не раздеваясь. Нам почти всегда не хватало денег даже на хлеб. — Лале перевела дыхание. — Я ходила по подъезду как попрошайка, стучалась к соседям и просила еду. Кто-то давал лепёшку, кто-то — остатки супа в банке. Кто-то просто захлопывал дверь перед носом.

Это было по её самолюбию. Было по всей той мощи, что воспитала в ней семья. Её растили королевой — а вдруг она стала просто беспомощной, жалкой, никому не нужной. Но Лале вспомнила, что единственное в жизни, что удавалось ей лучше всего — эскизы. И тогда она стала рисовать.

— Я рисовала днями и ночами. Целые кипы эскизов. Платья, сарафаны, блузы, пальто — всё, что приходило в голову. Раскладывала их по конвертам, надписывала наш адрес и разносила по ателье, по магазинчикам, по мастерским. Оставляла, и никто не звонил. Но однажды — это принесло плоды. К нам пришла владелица одного ателье, пожилая женщина, посмотрела на мои рисунки и сделала заказ. Первый. А потом она рассказала своим коллегам, и те тоже стали обращаться. Так я начала зарабатывать. Не так много, конечно, — продавала очень дёшево, за копейки. Но я смогла отложить. И когда родилась Ирем, мы купили ей кроватку и одежду. Не с рук, не с помойки — новые.

Лале замолчала и опустила голову. Эла больше не сдерживалась. Она плакала, беззвучно вздрагивая плечами, и слёзы всё катились по её щекам. Она взяла руку дочери и прижала к своей груди.

— Прости меня, — прошептала она. — Прости, что меня не было рядом.

— Ты теперь рядом, мама, — Лале слабо улыбнулась. — Это главное.

— Но я всё равно даже не могу представить, каково тебе было, — прошептала Эла, и голос её сорвался. — Ты, ещё такая юная, совсем девочка, беременная и одна. Одна в какой-то непонятной квартире, за тридевять земель от нас. Без матери, без поддержки, без тёплого слова.

— Беременность была тяжёлой, мама. Очень. — Лале на мгновение прикрыла глаза, и на её лице отразилась тень пережитого. — Меня постоянно тошнило — не просто по утрам, а круглые сутки. От любого запаха, от любого кусочка еды. Кровотечения не отпускали — я просыпалась по ночам в холодном поту и видела красное на простынях. Несколько раз попадала в больницу и лежала на сохранении — неделями, в белой палате, глядя в потолок и молясь, чтобы малышка выжила. А роды

Лале перевела дыхание. Эла замерла, боясь пропустить хоть слово.

— Роды длились больше двадцати часов. Двадцать часов, мама. Я теряла сознание — проваливалась в темноту, а потом снова выплывала от боли. Врачи уже не знали, что делать. Я едва не умерла. Мустафа кричал где-то в коридоре — его не пускали, а он рвался, требовал, умолял. Только его голос — родной, яростный — заставил меня справиться. Я слышала его сквозь боль, сквозь пелену, и цеплялась за этот голос, как за канат над пропастью. А потом

Лале замолчала, и на её губах расцвела улыбка — слабая, но светлая, как рассветное солнце.

— А потом я услышала крик. Тонкий, срывающийся, дрожащий детский голосок. Он разрезал тишину, и весь мир замер. И только я увидела её маленькое тельце, эти чёрные завитки волос, прилипшие к мокрому лобику — Лале коснулась ладонью своей груди, там, где билось сердце. — Я словно услышала имя. Будто ангел шепнул мне в самое ухо: «Ирем». Вот так она и получила своё имя. Моя Ирем. Мой райский сад.

Эла не выдержала. Она подалась вперёд и крепко, обеими руками обняла дочь — ту самую, которую не обнимала семь лет. Лале уткнулась лицом в материнское плечо и почувствовала, как слёзы — уже не горькие, а очищающие — текут по её щекам.

— Ты справилась, — прошептала Эла, глядя дочь по волосам. — Ты всё смогла. Моя сильная, моя храбрая девочка. Ты выжила. И ты вернулась.

— Я вернулась, мама, — эхом отозвалась Лале. — Я дома.

Этот душераздирающий момент, когда мать и дочь смотрели друг на друга красными заплаканными глазами, прервал тихий, осторожный стук в дверь. Эла поднялась, промокнула глаза платком и открыла замок. На пороге стояла Нурай, держа в руках плотный конверт.

— Простите, госпожа, что потревожила, — виновато произнесла она. — Курьер привёз документы. Сказал — срочно, для госпожи Лале.

Эла с опаской взяла конверт в руки, перевернула. На плотной бумаге красовалась официальная печать и надпись: «Заказное письмо из суда для Лале Улусой».

— Что там? — встревожилась девушка, приподнимаясь на подушках.

— Это тебе, — Эла передала конверт дочери, и голос её дрогнул. — Но что значит — из суда?

Дрожащими пальцами Лале разорвала конверт. Из него выпал сложенный вдвое лист — официальный документ с гербом и сухими, безжалостными строчками. Она пробежала по ним глазами, и лицо её побелело. А затем, собравшись с силами, прочитала вслух:

— «Уважаемая госпожа Лале Улусой. Настоящим уведомляем вас, что гражданин Хакан Узуноглу подал исковое заявление в суд города Мидьят с требованием установления отцовства в отношении несовершеннолетней Ирем Улусой, родившейся а также с требованием передачи родительских прав и определения места жительства ребёнка с отцом. Вам надлежит явиться в суд для предварительного слушания через тридцать дней с момента получения настоящего письма. Также вы обязаны предоставить ребёнка для проведения генетической экспертизы ДНК в назначенный судом день»

Лале замолчала. Рука, державшая письмо, безвольно упала на одеяло. Конверт соскользнул на пол.

— Он хочет отобрать её, — прошептала она, глядя перед собой невидящим взглядом. — Через суд. По закону. Он хочет забрать мою дочь.

Эла схватилась за сердце. Нурай, стоявшая на пороге, ахнула и прижала ладонь ко рту.

— Этого не будет, — твёрдо, с неожиданной для самой себя яростью произнесла Эла. — Мы не позволим. Твой отец, братья — мы все встанем за тебя. Этот негодяй не получит Ирем. И мы подадим на него ответный иск. Побои уже задокументированы.

— Я солгала полиции, что не знаю, кто напал на меня.

— Мы справимся, мы

Но Лале уже не слышала её. Она смотрела на письмо, и перед глазами стояло лицо Хакана — холодное, жестокое, с той самой улыбкой, с какой он избивал её в пустой квартире. Теперь он решил действовать иначе. Не кулаками — законом. Чужими руками. Но цель была та же: уничтожить её и забрать дочь.

Искандер-ага вместе с Хазаром вернулись домой. Внутри отца пылала ярость — такая ясная, такая обжигающая, как никогда прежде. Какой-то юнец, пусть и богатый, пусть и влиятельный, посмел просить отдать его дочь, словно товар на рынке! Он бы ещё понял, если бы их семьи были знакомы, если бы Волкан был частым гостем их дома, знал Лале с детства, ухаживал по всем правилам. Но что вообще происходит? Откуда этот Волкан знает Лале, чтобы так бестактно, так нагло просить её руки? Он не пришёл с семьёй, не прислал сватов — он просто предложил контракт. Как будто Лале — это строчка в деловом соглашении. Аге не давала покоя мысль: «Лале что, виделась с этим типом и не сказала ему?»

Он влетел в ворота особняка так быстро, что это было почти невероятно для старика с больным сердцем и тростью. Даже Хазар, молодой и длинноногий, еле за ним поспевал.

— Лале Улусой! — заорал он на весь двор так, что птицы вспорхнули с деревьев. — Быстро иди сюда! Немедленно!

Тут же во дворе собрались перепуганные помощницы. Из дверей комнаты Лале вышла Эла — и лицо её не предвещало ничего хорошего.

— Что ты кричишь?! — она преградила мужу дорогу. — Ты зачем пугаешь весь дом?

— Где твоя дочь? Где эта девчонка?! — ага тяжело дышал, и его усы гневно топорщились. — Мне есть что с неё спросить! Есть о чём поговорить!

Эла прибавила шаг. Вдруг, не говоря ни слова, она выхватила у одной из помощниц из рук веник — старый, потрёпанный, с ивовыми прутьями, — и со всей силы, на какую только была способна разгневанная мать, ударила агу плашмя по груди.

Искандер отшатнулся, вытаращив глаза.

— Ты обезумела, женщина?!

— Замолчи, старик! Замолчи! — Эла снова замахнулась. — Иначе, покарай меня Бог, я убью тебя прямо здесь!

Она снова ударила его веником — на этот раз по плечу, — и Искандер даже пошатнулся. Не столько от боли, сколько от изумления. За сорок лет брака Эла ни разу не поднимала на него руку.

— Ты считаешь себя агой? Отцом? Хозяином компании и самым мудрым из нас? — чеканила она каждое слово. — Тогда замолчи и послушай! Хоть раз в жизни — замолчи и послушай!

Она выронила веник, и тот с глухим стуком упал на каменные плиты. Затем достала из кармана платья свёрнутую бумагу и швырнула её в мужа. Лист отскочил от его груди и упал на землю. Хазар быстро наклонился, подобрал бумагу и, развернув, молча передал отцу.

Искандер пробежал глазами по строчкам — и побледнел. Лицо его вмиг осунулось, стало серым, как пепел. Он схватился за сердце и пошатнулся — хорошо, что Хазар успел подхватить его под локоть.

— Защити свою дочь от этого мерзавца! — голос Элы дрожал от слёз, но звучал твёрдо. — Защити, как должен. Как отец.

Из комнаты медленным, нетвёрдым шагом вышла Лале. Нурай держала её под руку — девушка вся дрожала, и лицо её было блее больничных бинтов.

— Отец? — произнесла она едва слышно, и в голосе её была такая мольба, что даже Хазар отвёл глаза.

Искандер поднял на дочь красные, воспалённые глаза. Защитить. Эту ещё юную девочку, которая стоит перед ним — хрупкая, израненная, в гипсе, — и смотрит с мольбой. Слово всё ещё не верит, что отец не отвернётся. Сердце старого аги, ещё минуту назад пылавшее гневом, было растоплено. Разбито. И собрано заново.

— Я уничтожу его, — произнёс он глухо, глядя куда-то в небо, словно давая клятву самому Богу. — Сотру в порошок и развею по воздуху. Он больше никогда не приблизится к этому дому.

— Папа, — Лале сделала шаг вперёд, — он хочет забрать её. Он подал в суд. Он хочет забрать мою Ирем.

Ага снова посмотрел на дочь. Сделал один шаг. Второй. Тяжёлые, шаркающие шаги — но твёрдые. Подошёл вплотную, на мгновение замер, а потом обхватил дочь обеими руками и прижал к груди. Крепко. Так, как не обнимал её уже семь лет. Лале всхлипнула и уткнулась лицом в отцовское плечо.

— Всё будет хорошо, дочь, — прошептал он, глядя её по волосам своей большой, шершавой ладонью. — Всё будет хорошо. Теперь я здесь. И я никому не отдам ни тебя, ни мою внучку. Слово аги.

Мустафа после ухода отца и брата остался в компании один. Сидел в своём кабинете, пыхтел над бумагами, но строчки расплывались перед глазами. Он никак не мог сосредоточиться — в голове, как заезженная пластинка, крутилась одна и та же мысль: «Что, если этот Волкан Кая не просто так вошёл в их жизнь? Что, если встреча в больнице, встреча в офисе — не были случайными?»

Но он никак не мог найти этим догадкам подтверждения. Ведь это он сам украл у Волкана пистолет. Волкан не мог такого предвидеть и выстроить какой-то гениальный план. Никакой человек не смог бы. И всё же что-то не давало Мустафе покоя — какое-то смутное, грызущее чувство.

Он схватил со стола телефон и набрал номер.

— Нам нужно встретиться, — бросил он, едва на том конце ответили. — В том же кафе, где мы уже были. Через полчаса.

Мустафа пулей вылетел из офиса. Сел в машину и на высокой скорости помчал по пыльным дорогам Мидьята. Кровь в висках пульсировала, злость и непонимание сводили его с ума, мешались в один тугой узел где-то под диафрагмой. Он добрался до того самого кафе, сел за тот же самый столик под каменной аркой и замер в ожидании.

Оно продлилось недолго. Волкан присоединился к нему уже через десять минут — спокойный, собранный, в том же дорогом костюме, словно только что с деловой встречи.

— Какое право ты имеешь просить мою сестру? — выпалил Мустафа, не дав ему даже сесть.

Волкан поднял брови и медленно опустился на стул напротив.

— Вот, значит, как ты начинаешь разговор, — произнёс он спокойно, но в голосе его мелькнул холодок. — Без «здравствуй», без «как дела». Сразу к делу.

— Послушай сюда, — рявкнул Мустафа, подавшись вперёд, — моя сестра — не разменная монета! Да и в чём вообще твоя проблема? Почему ты предлагаешь сделку? Почему ты пришёл к нам и предложил свои миллионы в обмен на её руку?

— Я предложил сделку, потому что увидел потенциал, — просто ответил Волкан, не отводя глаз. — Ваша компания стоит того, чтобы в неё вложиться. А твоя сестра — того, чтобы её защитить.

— Не выводите меня, Волкан Кая! — Мустафа сжал кулаки на столе. — Ты вошёл в нашу жизнь как ангел-хранитель. Пытаешься спасти утопающего. Но какое тебе дело до моей семьи? Может, ты — человек этого шайтана Узуноглу? Может, ты работаешь на него и пытаешься втереться в доверие?

Волкан, до этого пребывавший в ледяном спокойствии, взорвался. Его лицо побагровело, глаза вспыхнули. Он резко подался вперёд, схватил Мустафу за грудки и рывком подтянул к себе. Лица их оказались почти вплотную.

— За такие слова — процедил он сквозь зубы, — за такие слова я сейчас прибью тебя прямо здесь. Своими руками. Никогда. Никогда больше не произноси подобного. Ты понял меня?

Мустафа не дрогнул, но в глазах его мелькнуло замешательство.

— Тогда скажи, зачем тебе всё это! — выкрикнул он. — Скажи правду!

Волкан медленно разжал пальцы и отпустил его. Откинулся на спинку стула, провёл ладонью по лицу.

— Что ж, хочешь знать — слушай, — произнёс он глухо. — Этот человек, Хакан Узуноглу, причинил боль одному моему близкому человеку. Сломал жизнь одной невинной душе. Я хочу отомстить. Хочу уничтожить его. И хочу защитить другого человека, который может пострадать от его рук. Твоя сестра — он поднял на Мустафу тяжёлый взгляд. — Какой нормальный мужчина, увидев её — всю израненную, в бинтах, едва живую, — пустит эту ситуацию на самотёк? Просто пройдёт мимо?

— Хочешь сказать, что у тебя с Узуноглу личные счёты? — уже тише спросил Мустафа.

— Безусловно. Очень личные. — Волкан выдержал паузу. — И твоя сестра — не разменная монета. Я никогда так не считал. Я просто хочу, чтобы она была в порядке. И я смогу это обеспечить.

— Женившись на ней? — горько усмехнулся Мустафа, но в усмешке этой уже не было прежней ярости.

— Женюсь, если Бог позволит мне, — твёрдо ответил Волкан. — Буду оберегать её. Помогу ей обрести покой, встать на ноги. Я дам ей стержень — потому что тебе ли не понимать, как она в этом нуждается. У меня больше связей, больше денег, больше влияния. Больше, чем у вас. И больше, чем у Узуноглу. А ещё — он на мгновение замолчал, — если Лале станет моей женой я удочерю Ирем.

— Да что ты говоришь?! — Мустафа снова вскинулся.

— Пораскинь мозгами, парень, — Волкан подался вперёд и заговорил тише, но оттого ещё убедительнее. — Хакан не дурак. Он подаст в суд, если ещё не подал. И обязательно заберёт у вас эту девочку. По закону. По документам. Он её биологический отец, и суд будет на его стороне. Но этот брак — он сделал паузу, — этот брак спасёт всех. И вашу компанию, и твою сестру, и твою племянницу. Я стану её законным отцом, понимаешь? Хакан не сможет забрать дочь у члена семьи Кая. Не в этом мире.

— Мы и сами сможем защитить наших девочек, — процедил Мустафа, упрямо глядя в стол. — Я убью Хакана. Собственными руками. Но не позволю ему тронуть Лале и Ирем. Никогда.

— Ну-ну, — Волкан откинулся на спинку стула и скептически хмыкнул. — Не позволишь. Побежишь опять к нему домой с пистолетом? С моим пистолетом, между прочим.

Мустафа осел. Плечи его опустились, кулаки разжались. Крыть было нечем.

— Я буду действовать в этот раз аккуратнее, — пробормотал он.

— Почему бы тебе не действовать вместе со мной? — Волкан склонил голову набок. — Ты мне что, совсем не доверяешь?

— Я знаю тебя всего-то пару дней, — Мустафа поднял на него усталые глаза. — Какое доверие? Я себе-то иногда не доверяю. А тут — ты. Чужой человек.

Волкан помолчал. Потом подался вперёд и заговорил тихо, но твёрдо:

— Позволь мне помочь. Поговори с отцом. Пусть примет моё предложение. Это спасёт всех. И Лале, и Ирем, и твою семью, и компанию. Я не прошу тебя верить мне на слово — я прошу тебя дать нам шанс.

— Да ты что! — Мустафа всплеснул руками и резко вскочил. — Оглох, что ли?! Я же сказал — отец не согласится! И я сам не позволю! Не бывать этому!

— Дай мне номер своей сестры, — спокойно произнёс Волкан.

— Да у неё даже телефона нет! — выкрикнул Мустафа.

Полный злости, непонимания и какого-то отчаянного бессилия, он резко развернулся и зашагал к выходу. Сел в машину, с грохотом захлопнул дверцу и со всей силы начал лупить ладонями по рулю — раз, другой, третий. Руль вибрировал под ударами, а из груди рвался то ли крик, то ли стон.

Он не знал, что делать. Волкан прав — слишком прав, и от этого было только больнее. Но как, как доверить судьбу сестры и племянницы человеку, которого знаешь всего ничего? Как отдать Лале в руки почти незнакомца? Пусть даже этот незнакомец и предлагает спасение.

И тут в его голову — сквозь пелену ярости, сквозь грохот собственного пульса в ушах — пришла отрезвляющая, холодная, как ледяная вода, мысль.

Узнать.

Узнать, кто же тот дорогой сердцу Волкана человек, которого разрушил Хакан Узуноглу.

Волкан ведь сам проговорился. Не назвал имени, не сказал прямо, но дал понять: у него с Хаканом личные счёты. Очень личные. Кто-то, кого Волкан любил, пострадал от рук этого зверя. И если узнать — кто именно, если понять, что связывает Волкана и Хакана, — тогда, может быть, всё встанет на свои места. Тогда, может быть, станет ясно, можно ли ему доверять. Или наоборот — нельзя.

Мустафа перестал колотить по рулю. Дыхание постепенно выровнялось. Он откинулся на подголовник и уставился в потолок машины невидящим взглядом.

— Кто же ты такой, Волкан Кая? И почему Хакан Узуноглу — твой враг?

Теперь у Мустафы появилась цель. Не просто злиться и кричать, а выяснить правду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.